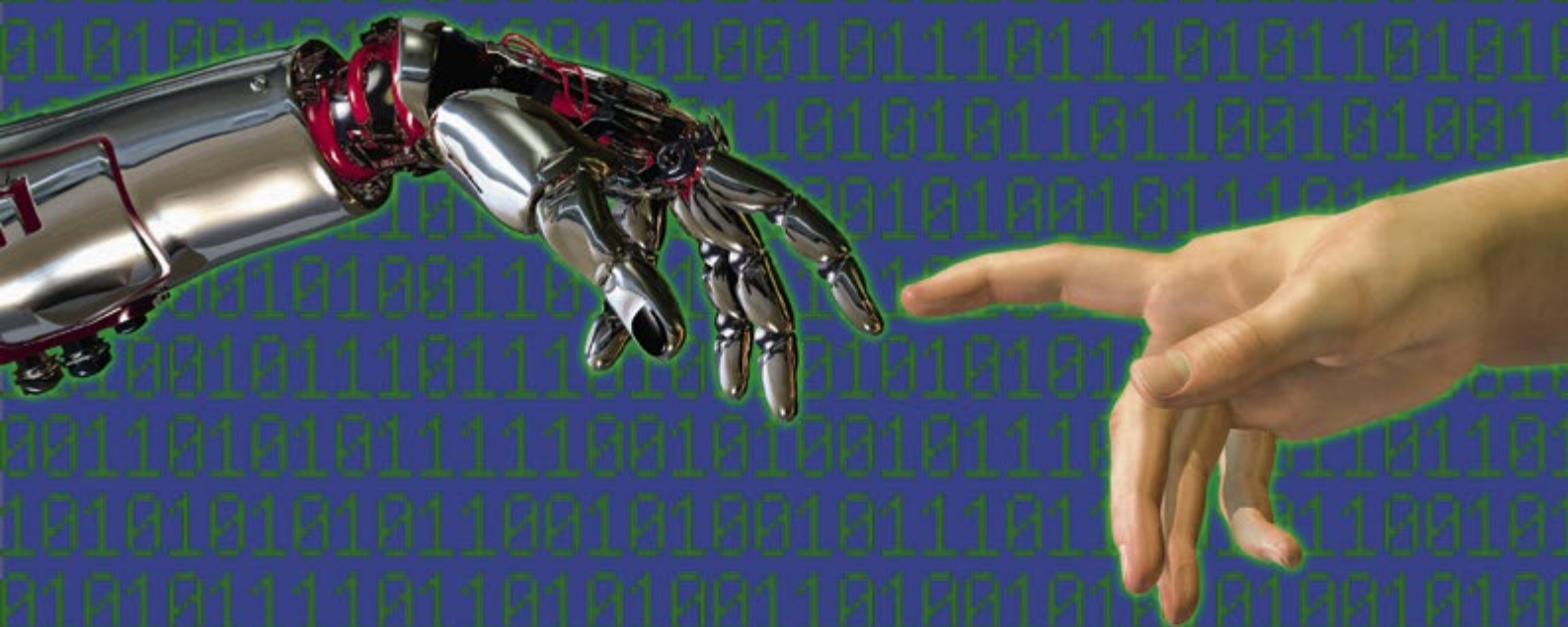

И Ю Л Ь | 2 0 2 4

РусскийМир.ru

Ж У Р Н А Л О Р О С С И И И Р У С С К О Й Ц И В И Л И З А Ц И И

МЕДИАТЕКСТ
КАК «УЧИТЕЛЬ»
ЯЗЫКА
В ЦИФРОВУЮ
ЭПОХУ

*И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!*

Анна Ахматова

РУССКИЙ МИР – это прежде всего мир России, в котором люди разных национальностей, веры и убеждений объединены одной исторической судьбой и общим будущим.

РУССКИЙ МИР – это наши соотечественники в странах ближнего и дальнего зарубежья, эмигранты из России и их потомки, иностранные граждане, говорящие на русском языке, изучающие или преподающие его, и все те, кто искренне интересуется Россией.

РУССКИЙ МИР – это примирение, согласие, лад.

РУССКИЙ МИР – это община, общность, социальная и культурная гармония.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это международный культурный проект, осуществляемый на принципах партнерства и сотрудничества российским фондом «Русский мир» и ведущими мировыми образовательно-просветительскими структурами.

РУССКИЕ ЦЕНТРЫ – это:

- информационная и обучающая система, позволяющая получить доступ к большим массивам учебной и научной информации из России и предоставляющая возможность обучения русскому языку и культуре на основе прогрессивных методик и программ.
- творческая и коммуникативная площадка для проведения различных акций и мероприятий в гуманитарной сфере и организации диалога культур.

РУССКИЙ МИР

04 И один в поле
правозащитник

РУССКИЙ ЯЗЫК

08 Русский язык в эпоху «цифры»

Председатель правления
фонда «Русский мир»
Александр АЛИМОВ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместитель главного редактора
Андрей СИДЕЛЬНИКОВ

Ответственный секретарь
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Над номером работали:
Александр БУРЫЙ
Павел ВАСИЛЬЕВ
Владимир ЕМЕЛЬЯНЕНКО
Екатерина ЖИРИЦКАЯ
Наталья ЗОЛОТАРЕВА
Алексей КАРПОВ
Дмитрий КОПЕЛЕВ
Елена МАЧУЛЬСКАЯ
Зоя МОЗАЛЁВА
Татьяна НАГОРСКИХ
Евгений РЕЗЕПОВ
Андрей СЕМАШКО
Наталья ТАНЬШИНА
Марина ЯРДАЕВА

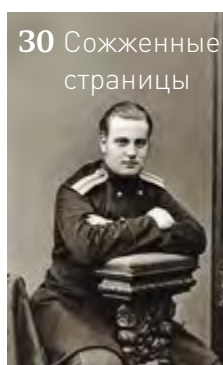
ИСТОРИЯ

14 Хроники
Древней
Руси

22 Нетитулованная
королева
европейской
дипломатии

30 Сожженные
страницы

НАСЛЕДИЕ

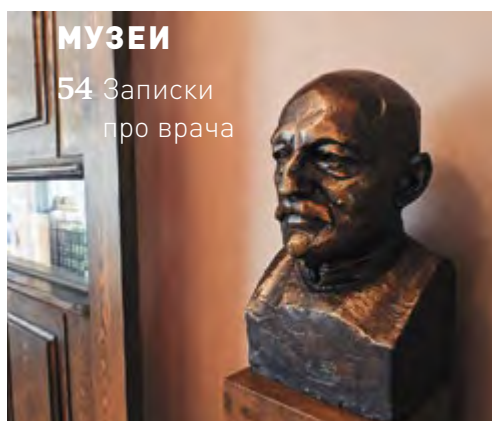
40 Человек,
искавший
правду

48 Прерванный
полет

МУЗЕИ

54 Записки
про врача

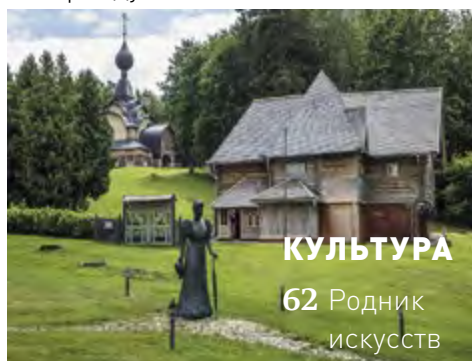
РЕПОРТАЖ

74 Суворовская каша

КУЛЬТУРА

62 Родник
искусств

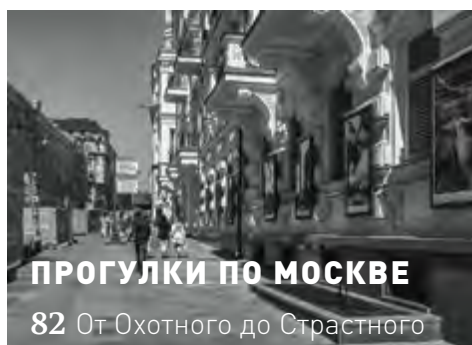
ЛЮДИ И ВРЕМЯ

90 Собака-улыбака

ПРОГУЛКИ ПО МОСКВЕ

82 От Охотного до Страстного

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический
центр «Гламур-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 2000 экз.

Адрес редакции: 117218 Москва,
ул. Кржижановского, д. 13, корп. 2
Телефон: (499) 519-01-68

Сайт журнала:
<https://rusmir.media>

Электронный адрес:
rusmir@rusmir.media

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492 от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

На обложке: коллаж Анжелы БУШУЕВОЙ

ФОНД РУССКИЙ МИР

СОСТАВ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

**ЛАВРОВ
СЕРГЕЙ
ВИКТОРОВИЧ**
Министр
иностраннх
дел РФ
(председатель
попечительского
совета фонда)

**КРАВЦОВ
СЕРГЕЙ
СЕРГЕЕВИЧ**
Министр
просвещения РФ
(заместитель
председателя
попечительского
совета фонда)

**ЛЮБИМОВА
ОЛЬГА
БОРИСОВНА**
Министр
культуры РФ

**ФАЛЬКОВ
ВАЛЕРИЙ
НИКОЛАЕВИЧ**
Министр науки
и высшего
образования РФ

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

**АЛИМОВ
АЛЕКСАНДР
СЕРГЕЕВИЧ**
Директор
Департамента
по многостороннему
гуманитарному
сотрудничеству
и культурным
связям МИД РФ
(председатель
правления фонда)

АЛЕКСЕЙ ДАНИЧЕВ / РИА НОВОСТИ

**РАССУХАНОВ
УСМАН
АБДУЛ-АЗИЕВИЧ**
Директор
Департамента
международного
сотрудничества
и связей
с общественностью
Минпросвещения
РФ

**ТРИНЧЕНКО
КСЕНИЯ
ОЛЕГОВНА**
Директор
Департамента
международного
сотрудничества
Минобрнауки РФ

**КУЗНЕЦОВ
АНТОН
АНДРЕЕВИЧ**
Заместитель
директора
Департамента
музеев
и внешних связей
Минкультуры РФ

**ШЕВЦОВ
ПАВЕЛ
АНАТОЛЬЕВИЧ**
Заместитель
руководителя
Россотрудничества

СОСТАВ НАБЛЮДАТЕЛЬНОГО СОВЕТА ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

ВЛАДИМИР ТРЕФИЛОВ/РИА НОВОСТИ

**ЯМПОЛЬСКАЯ
ЕЛЕНА
АЛЕКСАНДРОВНА**
Советник
президента РФ
(председатель
наблюдательного
совета фонда)

ВЛАДИМИР ГЕРДО/РИА НОВОСТИ

**ПАНКИН
АЛЕКСАНДР
АНАТОЛЬЕВИЧ**
Заместитель
министра
иностраных дел РФ
(заместитель
председателя
наблюдательного
совета фонда)

**ГРИБОВ
ДЕНИС
ЕВГЕНЬЕВИЧ**
Заместитель
министра
просвещения РФ

**МАЛЫШЕВ
АНДРЕЙ
ВЛАДИМИРОВИЧ**
Заместитель
министра
культуры РФ

**МАСЛОВ
ИГОРЬ
ВЕНИДИКТОВИЧ**
Начальник
Управления
Президента РФ
по межрегиональ-
ным и культурным
связям с зарубеж-
ными странами

**МОГИЛЕВСКИЙ
КОНСТАНТИН
ИЛЬИЧ**
Заместитель
министра науки
и высшего
образования РФ

**НЕВЕРОВ
ИГОРЬ
СВЯТОСЛАВОВИЧ**
Начальник
Управления
Президента РФ
по внешней
политике

**ПРИМАКОВ
ЕВГЕНИЙ
АЛЕКСАНДРОВИЧ**
Руководитель
Федерального
агентства по делам
Содружества
Независимых
Государств,
соотечественников,
проживающих
за рубежом,
и по между-
народному
гуманитарному
сотрудничеству
(Россотрудничество)

**ФИЛАТОВ
АЛЕКСЕЙ
ЕВГЕНЬЕВИЧ**
Начальник
Управления
Президента РФ
по приграничному
сотрудничеству

**ЧЕРКЕСОВА
БЭЛЛА
МУХАРБИЕВНА**
Заместитель
министра
цифрового
развития, связи
и массовых
коммуникаций РФ

**ТОРКУНОВ
АНАТОЛИЙ
ВАСИЛЬЕВИЧ**
Ректор Московского
государственного
института
международных
отношений
(университет)

И ОДИН В ПОЛЕ ПРАВООЩИТНИК

Уроженке
Эстонии
Зое Палямар
запрещено
возвращаться
на родину

АВТОР

ВЛАДИМИР ЕМЕЛЬЯНЕНКО

В ИЮНЕ 2024 ГОДА ЭСТОНСКИЙ СУД ОТКЛОНИЛ ИСК 64-ЛЕТНЕЙ НЕГРАЖДАНКИ ЭСТОНИИ ЗОИ ПАЛЯМАР, РОДИВШЕЙСЯ И ЖИВУЩЕЙ В ЭТОЙ СТРАНЕ, В ПРАВЕ НА ЕЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ ИЗ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА. ОСНОВАНИЕМ ДЛЯ ОТКАЗА ПОСЛУЖИЛО УТВЕРЖДЕНИЕ, ЧТО ПАЛЯМАР ЯКОБЫ «НАСТРАИВАЛА РУССКОЯЗЫЧНОЕ НАСЕЛЕНИЕ ПРОТИВ ЭСТОНСКОГО».

ФОНД ПОДДЕРЖКИ и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом, подал апелляцию, которая спутала карты тем, кто депортирует русских из Прибалтики. Предстоит новый суд. Однако месть правозащитному центру последовала немедленно. Сразу

12 СМИ стран Евросоюза выступили с «журналистскими расследованиями». Смысл их сводился к тому, что если фонд не остановит свою «подрывную» деятельность, то СМИ опубликуют компромат, доказывающий, что в фонде работают «агенты русских спецслужб» и «завербованные ими шпионы».

УЖ ТЕМ ТЫ ВИНОВАТ, ЧТО РУССКИЙ

Тем временем при содействии Совета по правам человека (СПЧ) и российского омбудсмена по правам человека Татьяны Москальковой Зоя Палямар, нашедшая приют у подруги в Санкт-Петербурге, по видеосвязи обратилась в ООН и Совет Европы. «Я не делала ничего против государства, и это неправда, что я настраивала русскоязычное население против эстонского, – заявила Зоя Палямар. – Я надеюсь на правду и справедливость. Если я в чем-то виновата, почему меня ни разу не вызвали в полицию, пока я была в стране? Ни разу не допрашивали, а воспользовались тем, что я выехала к подруге, которая попала в больни-

МАКСИМ БОГОДВИД / РИА НОВОСТИ

устанавливаем и сопровождаем их внутри России. И все – строго по законам стран, где работаем. Отсюда злоба и бессилие: если бы наши волонтеры занимались подрывными операциями и шпионажем, как в этом не раз были уличены миссии ОБСЕ в Донбассе, Сирии и Ираке, я бы давно сидел в другом месте, а нас «во имя защиты демократии и гуманитарных ценностей» закрыли бы».

Правда, как признает Удальцов, мощный натиск на фонд все же отражается на его работе: мало того что у соотечественников из-за сокращения дипломатических миссий в недружественных странах теперь меньше возможностей связаться с российскими органами власти и правозащитниками, так некоторые люди стали бояться это делать. Но есть и обратная сторона: другие, более решительные люди стали активно объединяться даже в тех странах, где их преследуют сильнее всего. По данным фонда, самая тяжелая ситуация с преследованием соотечественников и россиян, живущих за рубежом, сложилась на Украине, в Латвии, Литве и Эстонии, а также в США, Чехии и Польше. Во всех этих странах зарегистрированы случаи, когда местные адвокаты в судах отказываются защищать русских или россиян: юристам угрожают отзывом лицензий и даже физической расправой. Работа в этих условиях делится на три составляющие: сначала помощь соотечественникам на Украине и в Прибалтике, затем в странах ЕС тем, кто отстаивает свои экономические и социальные права, и, наконец, тем, кто попал в заключение. В 2023 году фонд получил более 10 тысяч обращений. Судебная помощь была оказана 1850 людям, 780 пошли на мировое соглашение, 8 из 19 судебных дел выиграно, 10 человек вышли на свободу. Но количество проигранных дел и число выдворяемых соотечественников из Литвы, Эстонии и особенно Латвии растет.

По данным омбудсмена по правам человека Татьяны Москальковой, в 2023 году за правовой помощью обратилось более полутора тысяч соотечественников

цу (в Санкт-Петербурге – **Прим. ред.**), и не пустили домой. Конечно, я надеюсь, что власти одумаются, потому что в Эстонии живет моя семья, мои дети, там вся моя жизнь».

Но департамент полиции и погранохраны Эстонии сообщил Зое Палямар, что ее постоянный вид на жительство аннулирован и ей на десять лет запрещен въезд в страны Шенгенской зоны. «Это вопиющий беспредел, – говорит исполнительный директор Фонда поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом, чрезвычайный и полномочный посол МИД РФ Александр Удальцов. – В его огласке, конечно, не заинтересованы власти Эстонии и ЕС, поскольку нарушение прав человека по национальному признаку, то есть расизм, очевидно. И, конечно же, мы не сдадимся. Нас обвиняют в том, что мы «защищаем преступников, нарушивших закон». Наш ответ таков: мы защищаем всех соотечественников, в том числе и тех, у кого есть проблемы с законом. И мы защищаем их по законам стран проживания. К сожалению, количество таких дел увеличивается».

По данным СПЧ РФ, в 2023 году соотечественники, живущие в 64 странах, просили россий-

ских правозащитников о помощи. По данным омбудсмена по правам человека Татьяны Москальковой, в течение 2023 года было получено 1563 обращения от соотечественников из 55 стран, в 2022 году – 1459, в 2021-м – 1035.

Одним из ключевых координаторов оказания помощи попавшим в беду людям стал Фонд поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом, который начал работать в 2012 году. Филиалы этой правозащитной организации действуют в 22 странах, включая США, Канаду и ряд стран Евросоюза. И вот теперь европейские СМИ требуют закрыть отделения фонда.

ЮРИДИЧЕСКАЯ СКОРАЯ ПОМОЩЬ

«Конечно, мы вызываем раздражение, – говорит Александр Удальцов. – Кому понравится, что в условиях санкций и повышения градуса русофобии мы выигрываем суды в Евросоюзе, семьи воссоединяем, вызволяем из тюрем заключенных, помогаем соотечественникам продавать свою недвижимость и переводить деньги в Россию? Еще, как юридическая скорая помощь, спасаем от депортации неграждан стран Прибалтики. А если это не удастся,

ПРАВО НА ДОНОС ИЛИ ВЫДВОРЕНИЕ

По данным СПЧ, в ближайшие месяцы МВД Латвии депортирует около 3,5 тысячи русскоязычных неграждан, имеющих вид на жительство, но не сдавших экзамен на знание латышского языка. Из них 1000 человек уже получили уведомление о депортации. Причем около 800 потенциальных изгнанников – пенсионеры за 60 лет.

«Фонд поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом, частично переориентирует работу с внешних границ на регионы России, – говорит волонтер фонда, экс-депутат Европарламента от Латвии, ныне ожидающий получения гражданства РФ Андрей Мамыкин. – Мы подготовили пакет документов, описывающих модель приема вынужденных мигрантов из недружественных стран. В ее основу лег недавний российский опыт приема и размещения беженцев и переселенцев с Украины. Обновленный механизм таков: сначала люди получают разрешение на временное проживание (РВП), им сразу выдается полис ОМС, предоставляется место в пункте временного размещения. Затем решается вопрос о переселении – к родным, если они есть, или по программе проживания в госсекторе по типу служебного жилья. Или при желании люди могут принять участие в государственной программе по пересе-

Глава Фонда по защите прав соотечественников, проживающих за рубежом, Александр Удальцов считает, что поток вынужденных русскоязычных переселенцев в Россию будет расти

Президент Литовской Республики в 2009–2019 годах Даля Грибаускайте, а также бывший глава Верховного совета Литвы, а затем Сейма этой страны Витаутас Ландсбергис оказались в списке людей, сотрудничавших с КГБ СССР

НИНА ЗОТИНА/РИА НОВОСТИ

лению в Россию соотечественников, проживающих за рубежом». Таким стал ответ правозащитников на усилившееся выдворение соотечественников из стран Прибалтики. Самые распространенные места приема вынужденных мигрантов – Калининград, Псков и Ленинградская область. Первый шаг – присвоение статуса временного переселенца, дающего право и льготы соцзащиты. Второй – использование пакета соцзащиты. Его основу составил опыт Калининграда и Пскова: пенсионеров, нуждающихся в уходе, размещают по программе проживания в госсекторе, где в соседних квартирах с ними в служебном жи-

лье живут соцработники. Третий шаг – участие желающих в программе переселения: до 80 процентов переселяющихся из стран ЕС – это трудовая миграция, как правило, это люди с высшим образованием. По данным СПЧ, по госпрограмме переселения соотечественников хотят вернуться в Россию около 240 тысяч человек из недружественных стран. Согласно оценкам экспертов, в перспективе программой могут воспользоваться еще более 2 миллионов человек.

«Но мы не должны забывать не только о трудоспособных вынужденных переселенцах, – говорит Александр Удальцов, – надо пом-

АЛЕКСЕЙ ВИТВИЦКИЙ/РИА НОВОСТИ

УЛОВЯЙЧИОС АУДРОС/РИА НОВОСТИ

нить о самых незащищенных – пенсионерах. Ведь это месть. У нее своя история. В 2018 году литовская газета «Республика» опубликовала список из 1589 жителей Литвы, сотрудничавших с КГБ СССР. В него попали в том числе «отец» местной демократии Витаутас Ландсбергис и тогдашний президент Литвы, Даля Грибаускайте. Такие же списки были опубликованы в Латвии и Эстонии. Никто их не опровергал. Увы, доноительство в прибалтийском истеблишменте имеет глубокие корни. И теперь доносить там склоняют русских на русских в обмен на право остаться в ЕС».

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ИЛИ КРИМИНАЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ?

Признаки потенциальной угрозы выдворения соотечественников наблюдаются и в странах Западной Европы. По данным СПЧ и российского омбудсмена Татьяны Москальковой, отмечается рост миграции соотечественников из этих стран – как вынужденной, так и добровольной. В первом случае речь идет, как правило, либо о несогласии людей с насаждаемыми семейными и общественными ценностями, либо о преследовании по этническому признаку. Например, когда портят машины россиян, ломают мебель в их кафе и ресторанах, травят их детей в соцсетях и в школах. При этом хулиганы не несут никакого наказания, так как полиция отказывается пострадавшим в возбуждении уголовных дел или открывает их против... пострадавших.

Под каток угроз и преследований попадают даже парламентарии. Так, в Фонд поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом, обратилась депутат парламента Гамбурга, член партии «Альтернатива для Германии» (АдГ) Ольга Петерсен. Этническая немка, родившаяся в Омске и переехавшая в Германию в 2008 году, Петерсен поплатилась за то, что не раз на площадке ОБСЕ высказывалась о проблеме дискримина-

ции граждан России в странах ЕС. А после участия в качестве международного наблюдателя на выборах президента РФ в 2024 году фракция АдГ в парламенте Гамбурга исключила депутата Петерсен из своих рядов и требует ее исключения из партии. Кроме того, учителя школы, где учились трое детей Ольги Петерсен, обратились в органы ювенальной юстиции. Опасаясь, что органы опеки отнимут у нее детей, женщина со своими четырьмя детьми при содействии члена СПЧ Александра Брода выехала в Россию. При этом Ольга Петерсен заявила, что не намерена отказываться от своих депутатских полномочий. «Как мать четверых детей, я на собственном опыте убедилась в том, как нашим детям промывают мозги в школе и детском саду. Моя дочь говорит: «Дизельное топливо разрушает мир». Мой сын приносит домой список «разрешенных» бутербродов, чтобы не оскорблять тех, кто не ест свинину. А уроки по раннему половому воспитанию вызывают тревогу у моего десятилетнего сына», – написала Ольга Петерсен в социальной сети. – Мы живем в ночном кошмаре! Мы должны убедиться в том, что наши дети защищены от гендерной политики «левых».

Депутат парламента Гамбурга Ольга Петерсен из-за политического давления была вынуждена выехать в Россию вместе со своими детьми

Об Ольге Петерсен СМИ Евросоюза пока не пишут. А вот по поводу простых граждан стран ЕС, обратившихся в Фонд поддержки и защиты соотечественников, в СМИ все чаще звучат голословные обвинения: «криминалитет», «преступники», «шпионы». Показательным стал судебный процесс, который фонд несколько лет ведет в Греции. Туда в 2017–2018 годах пригласили 15 моряков из России для прохождения обучения на международных курсах. Причем обещали, что после их окончания они получат хорошую работу. А затем обманом принудили их перевозить на судах нелегальных мигрантов из Африки. Когда моряки поняли, что их обманули, и отказались от незаконной работы, их обвинили в нелегальном пребывании в ЕС и обороте наркотиков. Всех 15 моряков приговорили в общей сложности к 350 годам заключения. «Мы защищаем всех 15 человек, – говорит Александр Удалцов, – семь из них сидят в тюрьмах, восемь, благодаря нашим усилиям и действиям греческих адвокатов и правозащитников, уже на свободе. Над пятью моряками суды продолжаются. Три человека уже на свободе в России, а пять моряков освобождены по УДО и, согласно условиям освобождения, работают в Греции. Мы не собираемся сдаваться ни на каких направлениях защиты наших людей».

Правозащитники уверены, поток вынужденных переселенцев и мигрантов-соотечественников в Россию будет расти. Поэтому новой задачей и своей обязанностью правозащитники видят программу помощи людям: разъяснять, как можно переехать, как оформить документы, правила, льготы, права и обязанности переселенца, как продать недвижимость, как искать способы безопасного и легального перевода денег из ЕС в Россию. Для этого СПЧ и омбудсмен по правам человека предлагают создать Единый координационный центр помощи соотечественникам. ■

РУССКИЙ ЯЗЫК В ЭПОХУ «ЦИФРЫ»

АВТОР

ВЛАДИМИР ЕМЕЛЬЯНЕНКО

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

КОСТОМАРОВСКИЙ ФОРУМ – ГЛАВНОЕ СОБЫТИЕ В МИРЕ РУССКОГО ЯЗЫКА. В НЫНЕШНЕМ ГОДУ В МОСКВЕ, В ИНСТИТУТЕ РУССКОГО ЯЗЫКА ИМ. А.С. ПУШКИНА, ОН СОСТОЯЛСЯ УЖЕ В ЧЕТВЕРТЫЙ РАЗ. ТРИ ДНЯ ФИЛОЛОГИ-РУСИСТЫ ОБСУЖДАЛИ ВОПРОСЫ, СВЯЗАННЫЕ С СОВРЕМЕННЫМ СОСТОЯНИЕМ РУССКОГО ЯЗЫКА И ЕГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЕМ В МЕДИАСФЕРЕ, МЕТОДИКАМИ РАБОТЫ СО ШКОЛЬНИКАМИ И СТУДЕНТАМИ, ВОЗМОЖНОСТЯМИ ПРИМЕНЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО.

IV КОСТОМАРОВСКИЙ форум стал крупнейшей международной экспертной площадкой 2024 года. В эпоху санкций и бессмысленных попыток «отмены» русской культуры для

участия в работе форума очно и онлайн зарегистрировалось около 7 тысяч человек из 116 стран. Это означало, что был побит рекорд 2018 года, когда в работе Костомаровского форума, учрежденного в память об ака-

демике Виталии Григорьевиче Костомарове, участвовали представители 114 стран.

Еще в 1971 году один из основоположников лингвострановедения, автор более 700 научных работ и основатель Института русского языка им. А.С. Пушкина, Виталий Григорьевич Костомаров, высказал прогноз, полностью оправдавшийся в наши дни. В своей книге «Русский язык на газетной полосе» он подчеркивал, что русский литературный язык развивает не только художественная литература. По его мнению, «нормативный язык СМИ влияет не только на разговорную стилистику речи, но и на ее литературный эталон». Тогда же академик высказал еще одну спорную по тем временам мысль: в будущем на развитие русского языка будут оказывать влияние не газетные

канцеляризмы, засилье которых тяготило и сковывало язык в 1970-е годы, а «развитие наукоемких технологий, которые вместе с терминологией, не всегда успешно вживляемой в ткань речи, дадут ей направление к пространственному развитию».

И как в воду глядел. Основной темой IV Костомаровского форума стал вопрос «Язык и стиль медиатекста» и то, какое влияние на них оказывает текущая цифровизация и порождаемые ею информационные и технологические прорывы последних десятилетий.

Выступая на открытии форума, директор Департамента по гуманитарному сотрудничеству и культурным связям МИД РФ, председатель правления фонда «Русский мир» Александр Алимов отметил, что в своих трудах академик Костомаров связывал филологическую и лингвистическую проблематику с развитием технологий, с потребностями общества, государства, личности. Еще поэтому интерес к форуму растет с каждым годом, объединяя сообщество русистов и любителей русского языка из разных стран. По его мнению, медиатекст в эпоху «цифры» стал частью мировой культуры, а русский язык и его продвижение за рубежом, его гуманитарное влияние через культуру и образова-

Директор Департамента по гуманитарному сотрудничеству и культурным связям МИД РФ, председатель правления фонда «Русский мир» Александр Алимов: «Интерес к форуму растет с каждым годом, объединяя сообщество русистов и любителей русского языка из разных стран»

ние оставляют попытки всякого рода «отмен культуры» ни с чем. Русский язык активно распространяется в вузах Латинской Америки, в два раза за последние пять лет увеличилось изучение русского языка в вузах стран

IV Костомаровский форум очно собрал около 7 тысяч гостей из 116 стран

Ближнего Востока. В Азии, включая близкую нам Центральную Азию, ситуация чуть сложнее и пестрее, но динамика положительная: качественное конкурентоспособное российское образование привлекает молодое поколение своей востребованностью на рынке труда. Все это позволяет нам говорить о гибкости русского языка и его ответе на технологические, политические и культурные вызовы.

А заместитель исполнительного директора фонда «Русский мир» Татьяна Шлычкова подчеркнула, что фонд будет продолжать развивать сотрудничество с Институтом русского языка им. А.С. Пушкина. «Мы твердо уверены в том, что все инструменты, имеющиеся в распоряжении Российской Федерации, должны использоваться эффективно и друг друга дополнять, – сказала Татьяна Шлычкова. – И именно такая работа даст тот синергетический эффект, который позволит нам достичь наших общих целей: того, чтобы русский язык изучали и любили как можно больше людей во всем мире».

Какие вызовы стоят перед современным текстом, что в нем творческого, а что – от высоких технологий искусственного интеллекта (ИИ)? Формирует ли язык СМИ литературный вкус так же, как язык художественной литературы? Как медиатекст влияет на речевой стандарт и письменную норму? Все эти вопросы вызвали жаркие дискуссии на форуме.

«ЯЗЫКОВОЙ ВКУС ЭПОХИ»

По классификации Виталия Костомарова, сформулированной им в 1994 году в книге «Языковой вкус эпохи: из наблюдений за речевой практикой масс-медиа», существуют три формы современного текста: письменный, звучащий и синтезирующий (дисплейный) текст. Все эти три формы реализации или, по Костомарову, овеществления текста имеют дискуссионную природу. «В 1990-е годы язык СМИ еще сохранял стремление к вырази-

тельности, а сегодня он развивается через стилистику речевой поп-культуры, – начала полемику ведущий научный сотрудник Института русского языка (ИРЯ) РАН Ольга Северская. – На мой взгляд, медиатекст сохраняет курс на авторитет литературного языка, но локомотивом его развития становится как раз речевая поп-культура. Вспомните, как в эпоху перестройки и в начале 1990-х люди легко отказывались от «старого» языка и стремились к «свежести» – иностранным заимствованиям, интернет-стилисту и даже сленгам и фамильярной тональности «олбанского» языка, что оборачивалось снижением культуры речи. Таковы были технологические реалии становления рыночной экономики, когда книжность речи уступала сначала напору терминов-англицизмов и улице, а потом – интернет-«улице». Сегодня она уступает фонде детей и подростков в Сети, активно влияющих неологизмами на медиаречь. Из всего этого и родилась гремучая смесь речевой поп-культуры, которая худо-бедно уравнивает разные, порой полярные, тенденции развития родной речи. Однако если до 1990-х годов речь дикторов считалась эталонной, то что стало кодификатором речи сейчас? По мнению профессора кафедры медиалингвистики Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского университета Владимира Конькова, ответ на этот вопрос и дал Виталий Костомаров в 1971 году в работе «Русский язык на газетной полосе». Это – медиатекст. А вот что это за медиатекст – и есть предмет научной полемики. «Сейчас два типа языковой стилистики СМИ и медиа влияют на развитие медиатекста – от теории (функциональная стилистика) и от речи (стилистика Костомарова или практическая стилистика). То есть сначала практика, когда развитие идет через изучение языка в действии, а потом наступает пора научного обобщения, – считает Владимир Коньков. –

Заместитель исполнительного директора фонда «Русский мир» Татьяна Шлычкова: «Все инструменты, имеющиеся в распоряжении Российской Федерации, должны использоваться эффективно и друг друга дополнять»

На стендах IV Костомаровского форума была широко представлена концепция цифрового «Национального словарного фонда» – интернет-платформы, составленной на основе 33 словарей и запускаемой в конце 2024 года

Обе теории хорошо встроены в развитие языка, но время показывает, что путь Костомарова имеет большие перспективы. Теория удобна в сфере преподавания. Практика Костомарова целесообразна, когда текст «растет» от речи. Ведь именно на основе газетной речи текста веками формировался стиль журналистики – за счет чередования стандарта (информационный, официальный стили) с его нормой и за счет экспрессии речи (репортаж, очерк, публицистика) со свойственными определенным жанрам образностью и изобразительностью языка». По мнению экспертов IV Костомаровского форума, на данном этапе языкового развития прак-

тика и стилистика Костомарова берет верх. Примером стали «языковые качели», когда слово приходит через теорию медиатекста, а практика его отторгает или приспосабливает к жизни. Например, каждый из терминов – «волатильность» (колебание, которое отражает рост или падение цен на какие-либо активы), «бинджвотчинг» (просмотр сериалов без перерывов) или «скулшутинг» (стрельба в школе) – прошел свой путь. «Волатильность», «бинджвотчинг» – примеры того, как через функциональную стилистику терминам почти не удается закрепиться в разговорной речи, а «скулшутинг», став модным заимствованием, укрепляет свои пози-

ции. Слово приживается по той же причине, по какой многим удобнее говорить не о понимании или симпатии друг с другом, а использовать словосочетания «между нами возник «коннект» или «мы законнектились». Точно так же вместо «сотрудничества» зачастую употребляют слово «коллаборация».

Причины короткой жизни «плохих» и укрепления «хороших» заимствований объясняет «практика Костомарова»: термин «скулшутинг» снижает степень подсознательного страха перед стрельбой, «коннект» – оставляет право выбора на облегченность и необременительность, а «коллаборация» подчеркивает временность или одномоментность союза. Но лучший пример проверки практикой, по мнению лингвистов-исследователей, – появление и тестирование околосемейных терминов. «Семья остается хорошим полигоном для проверки гипотезы развития языка, – говорит главный научный сотрудник Лаборатории исследований речевой коммуникации и категории вежливости Института русского языка им. А.С. Пушкина Максим Кронгауз. – Обратите внимание: когда семья перестала быть большой и жить вместе в двух-трех поколениях, а нормой стало иметь одного-двух детей, многие традиционные слова начали переходить в пассивный запас: «клан», «золовка», «свояченица», «шурин». Им на смену пришли «отношения», «ситуэйшншип», «бойфренд», «гёрлфренд», «бывший», «бывшая». Теперь у разных любовных отношений разные цели – имущественные, семейные, сохраняемые в разводе отношения ради воспитания детей, дружеские отношения бывших супругов, гражданский брак. Так язык, фиксируя разнообразие союзов мужчины и женщины при нейтральности социума, словами-маркерами отличает их отношения. «Ситуэйшншип», «бойфренд» или «гёрлфренд» уже непохожи на брак вне официальной регистрации, как, впрочем, и «отно-

шения» или «отношеньки», но последние оставляют как шанс на создание семьи, так и шанс на закрепление в языке». Как считает Максим Кронгауз, высшим пилотажем равноправного вхождения слова в жизнь является его закрепление в разговоре через фольклорный образ медиатекста. «Глупые девушки, когда выпьют, звонят бывшему, а умные – будущему» – это логотип одной из блогосфер соцсети «ВКонтакте».

ДЕМАРКАЦИЯ ГРАНИЦ СЛОВА

Другим направлением развития практической стилистики медиатекста стала экстремальная журналистика, когда «свое» и «чужое» находит отражение в языковой демаркации границ через оценочность тех или иных переломных явлений. «Слово в экстремальных ситуациях всегда реагирует установкой незримой языковой границы между словами, – говорит профессор, заведующий кафедрой языкознания и русского

Заместитель
министра науки
и высшего
образования
РФ Константин
Могилевский:
«Уверен,
Институт
Пушкина будет
и дальше
помогать нам
в продвижении
и преподавании
русского языка
иностранцам»

языка Донецкого национального университета (ДНУ) Вячеслав Теркулов. – При этом демаркации границ между иностранными заимствованиями и «своими» словами нет, но есть такое же незримое объединение «своих» слов через их выживание. «Кто рано встает, тому достается прилет». Эта поговорка абсолютно понятна «своим» – Белгороду и Донецку. Она «факультативна» для не совсем «своих» – жителей Сибири или центра России. И враждебна для тех, кто находится за «ленточкой» – за линией фронта. В мирной жизни мало кто знает, что прилеты вражеских ракет, как правило, случаются ранним утром, а обстрелы – в любое время. Так, через демаркацию границ слова, создается некая общность людей, которая продвигает эти слова. Они могут либо войти в языковой обиход, либо остаться в «чулане» боевой памяти».

На основе исследований лингвистов Ростовского и Донецкого университетов «Слово в экстремальной ситуации» в 2023 году в ДНУ написали и издали «Словарь языка войны». По данным исследования, у языковой демаркации границ «своих» и «чужих» слов есть четыре плоскости воздействия: руководители (язык приказов), идеологи (спикеры текста и пресс-подходов), пропагандисты и наблюдатели – те, кто доносит речевую лексику боевых действий до народа, и, наконец, сам народ как носитель воздействия. Например, у всех четырех плоскостей языкового воздействия исследователи насчитали около 300 наименований обстрелов. Так, участники боевых действий, мирные жители, наблюдатели, идеологи и руководители используют одинаковую лексику и одинаковые речевые приемы, когда говорят об обстрелах Донецка – «минсковать». Ученые считают, что изначально это народное «толкование» нарушения достигнутых Минских соглашений, которые обстрелами Донецка и были похоронены. Идеологи чаще го-

ворили «минский обстрел», пропагандисты и участники боевых действий – «минские пошлы», руководители – «безальтернативный обстрел».

Теперь, когда обстрелов на освобожденных территориях стало меньше, а в Луганск и другие города почти не случаются прилеты, народ родил новую поговорку: «Тишина – это не покой, а ожидание «бахов» и «бухов». Вместе с тем от участников боевых действий и добровольцев в народ пошли новые слова: «задвухсотил» (убил) и «затрофеил» (украл, ограбил). «Сленг, порой с криминальными оттенками, начал давить», – отмечает Вячеслав Теркулов, – но активно бороться с ним не имеет смысла. Надо его переваривать из негатива в позитив. Это как «безальтернативный обстрел» – нормальный человек, когда слышит такое, начинает напрягаться и интуитивно не хочет так говорить. А в случае с использованием слова «минсковать» спасает ирония. Так и со сленгом: отстраненная или шутливая реакция на него большинства людей помогает хранить языковую норму или хотя бы сохранять в условиях боев понятную речь, близкую к норме».

С Вячеславом Теркуловым солидарна заведующая кафедрой медиалингвистики Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского университета Лилия Дускаева. Она утверждает, что особенность современной языковой эпохи в том, что в ней встретились непримиримые оппоненты: языковой вкус 1990-х, 2000-х и высокотехнологичной «цифры». «Сопряжение языкового стандарта, посягательство на норму и экспрессия образности – это и есть специфика медиатекста и цифрового медиапространства, которые через «низкое» и экспрессию развивают речь, обогащают литературный язык», – считает Лилия Дускаева. – Так на наших глазах «низкая» часть русского языка становится ис-

IV Костомаровский форум в Институте русского языка имени А.С. Пушкина в Москве стал главным событием в мире русского языка, собрав ведущих русистов мира

точником экспрессии. Другое дело, что там, где работает понятие вкуса, нужна культура, которая определяет меру, степень и характер заимствования. И тогда смесь получается уже не гремучая, формируются новый язык и новые идеи. Ведь по Костомарову, «мы живем не в образцовую эпоху». Когда он об этом писал, эталон – устоявшийся литературный язык – еще оставался в употреблении. Сегодня устоявшегося образца нет. Он движется в сторону обновления и роста. Литературный язык действительно больше берет вдохновения из новой журналистики. Другое дело, что журналист, блогер и писатель видят мир и говорят о нем разными языками. Как нельзя новости подавать в художественном стиле, так невозможно литературу «огазетить» или вмести в экран монитора. Литература – образное видение мира, язык медиатекста – язык новости и стандарта, но на наших глазах он все больше развивается в сторону экспрессии образов. Через «цифру» стандарт и образ чередуются и сопрягаются, в своих лучших образцах они высекают литературный язык».

«МЫ ЖИВЕМ НЕ В ОБРАЗЦОВУЮ ЭПОХУ»

Профессор Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого Татьяна Шмелева тем не менее предостерегает от излишнего оптимизма и новаторства. «Все же мы живем в эпоху не просто пересмотра стандартов, отказа от шаблонов, а еще и в эпоху перевертышей», – утверждает Татьяна Шмелева. – Вспомните, термин «журналист» первым ввел Ломоносов в эпоху, когда новости распространялись исключительно по указу свыше, а дневник писался исключительно для себя. Сегодня журналист, по утверждению обитателей соцсетей, это «что-то из вчера, но еще не блогер». Хотя именно блогер в XXI веке ввел моду на то, что блогерство – это дневник не для себя, хотя со времен Ломоносова все было наоборот. Теперь блогерский дневник изначально исповедует публичность, отменяя приватность частной жизни. Как эти перевертыши соотносятся с моралью, СМИ и современным языком? Засоряют? Или очерчивают пути, которые при должном их изучении подскажут, как представлять меняющуюся коммуникацию во всей ее сложности?»

Эксперты IV Костомаровского форума полагают, что надо набраться терпения и сохранить любопытство исследователя. Вал блогерской терминологии – «контакт-мейкер», «бизнес-коуч», «инстаграмер», «тиктокер», «тикток-променад», «телеграмер» – еще не устоялся, а позиция блогеров и активных пользователей соцсетей уже предельно максималистская: «Кто их не знает, живет не в наше время».

Новаторы-блогеры пошли еще дальше: они уже не употребляют слова, вместо этого на публику занимаются «квадробикой» (имитация движений животных), танцуют, одеваются и раздеваются без слов. Зарабатывая таким способом, как они утверждают, миллионы. Выросло уже целое поколение ютуберов и стримеров – мастеров бессодержательного общения без слов, в котором они видят будущую норму. Вопрос в том, что они производят. Какой «контент»? Чем они и их «контент» отличаются от журналистов и журналистики, как это отражает деление (или дифференциацию?) медиа и слова – это поле для исследования лингвистики, где пока только просматривается проблема развития будущего медиапространства. И тут на помощь могут прийти словари. Другое дело, что они меняются и перед исследователями стоит вопрос вы-

бора – какие именно выбрать? Частично ответ на этот вопрос дает нейролингвистика – наука на стыке психологии, неврологии и лингвистики. Она как раз и изучает степени приспособляемости механизмов речевой деятельности мозга и те изменения в речи, за которыми человек просто не успевает.

«Со словарями, как и с перемнами в речи, ничего не надо усложнять, – рекомендует главный редактор портала «Грамота.ру», старший научный сотрудник отдела экспериментальной лексикографии Института русского языка РАН Ксения Киселева. – Например, как с музыкой. У нас же есть возможность выбора между поп-музыкой и классикой? Так и развитие речи лучше начать с «классики» – старых словарей. Они дают обзор и широту мышления. Но уже не обойтись и без новых словников. Они учат «плавать» в море поп-культуры речи и удерживать как скачущую норму речи, так и ее образность».

По мнению Ксении Киселевой, на сочетаемость слов и уместность их употребления в той или иной среде работает словарь «Национальный корпус русского языка». На подходе и цифровой «Национальный словарный фонд» – инструмент пользования системой словарей и навигатор в их море. Эта интернет-платформа, основанная на

И.о. ректора Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина Никита Гусев (крайний слева): «Академик Костомаров, как показала история, был первопроходцем и новатором, а мы, храня память о великом ученом, развиваем его идеи»

богатстве главных 33 словарей, созданных наукой за последние триста лет, должна быть запущена в конце 2024 года. По замыслу создателей, «Национальный словарный фонд» состоит из пяти модулей. Первый рассчитан на человека, которого интересуют четыре вопроса: как слово пишется, как произносится, каково его значение и какие у него грамматические формы? Второй модуль расширяет информацию первого. Третий модуль рассказывает об истории и этимологии слова. Четвертый модуль самый простой и рекомендуется тем, кто хочет просто уточнить написание слова. Пятый модуль, наоборот, самый сложный. Он рассчитан на ученых и дает возможность проследить этимологию, историю и эволюцию слова в разных словарях и эпохах.

Именно так язык СМИ и цифрового медиапространства, исповедуя два типа языковой стилистики – теоретическую или функциональную стилистику и стилистику Костомарова (практическую стилистику), – постепенно становится частью литературного языка.

«В этом вопросе академик Костомаров, как показала история, был первопроходцем и новатором, – заметил, подводя итоги обсуждения, исполняющий обязанности ректора Института русского языка имени А.С. Пушкина Никита Гусев. – А мы, храня память о великом ученом, развиваем введенные им в оборот научные идеи и понятия: нейролингвистика, дисплейный текст, цифровое чтение, речевой опыт ИИ. Наш диалог с Виталием Григорьевичем Костомаровым продолжится. «Наш» в данном случае – это не только диалог лингвистов, писателей и журналистов. Это прежде всего диалог с теми, кто изучает русский язык и культуру во всем мире. Сегодня в России учатся 355 тысяч иностранных студентов, что является рекордной цифрой за все времена. А сколько людей учится на русском языке – уже и на языке медиатекста – по всему миру, нам еще предстоит исследовать».

И.А. Акимов.
Крещение
княгини Ольги
в Константинополе.
Не позднее 1792 года.
Русский музей

ХРОНИКИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

АВТОР

АЛЕКСЕЙ КАРПОВ

ПРЕДЛАГАЕМЫЙ ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЯ ПРОЕКТ НЕ ЯВЛЯЕТСЯ СИСТЕМАТИЧЕСКИМ ИЗЛОЖЕНИЕМ ИЛИ, ТЕМ БОЛЕЕ, КУРСОМ РУССКОЙ ИСТОРИИ. ЭТО ИМЕННО ХРОНИКА ИЛИ, ТОЧНЕЕ, ХРОНИКИ – АВТОРСКИЙ ВЗГЛЯД НА СОБЫТИЯ ТОГО ИЛИ ИНОГО ГОДА. ПРИЧЕМ АВТОР САМ ВЫБИРАЛ ТО СОБЫТИЕ ИЛИ ТЕ СОБЫТИЯ, КОТОРЫЕ КАЗАЛИСЬ ЕМУ ИНТЕРЕСНЫМИ ИЛИ ЗНАЧИМЫМИ: ИНОГДА – НЕ САМЫЕ ЗАМЕТНЫЕ НА ПЕРВЫЙ ВЗГЛЯД; ИНОГДА – ОЧЕНЬ ЗАМЕТНЫЕ И, В ПОЛНОМ СМЫСЛЕ ЭТОГО СЛОВА, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ОБЩЕЕ НАПРАВЛЕНИЕ ИСТОРИИ СТРАНЫ И НАРОДА.

ГОД 957-й

Год крещения княгини Ольги. Об этом знаменательном событии рассказывают разные исторические сочинения – как русские, так и иностранные. Все они сходятся в том, что княгиня крестилась в Константинополе, или Царьграде, столице Византийской империи.

Наиболее известный, можно сказать, хрестоматийный рассказ о путешествии княгини в Царьград и ее крещении там содержит «Повесть временных лет», датируя эти события 955 годом. Удивительно, но рассказ летописи построен по законам все того же фольклорного, почти сказочного повествования. Само крещение Ольги в изложении летописца выглядит событием во многом случайным и никак не мотивированным. Перед нами очередное

подтверждение исключительной хитрости многоумной княгини, которой удастся «переключать», то есть обмануть, обвести вокруг пальца, византийского императора с той же легкостью, с какой в предыдущих летописных сюжетах она обманывала древлянских послов. Причем приемы, которые использует при этом Ольга, по существу, те же: это словесные загадки, «клюки», разгадать которые император оказывается не в состоянии.

«В лето 955. Пошла Ольга в Греки и пришла к Царьграду. Был тогда царь именем Цимисхий. И пришла к нему Ольга; и, увидев ее весьма красивую лицом и разумную, удивился царь разуму ее, беседовал с ней и сказал ей:

– Достойна ты царствовать в граде сем с нами.

Она же, уразумев, сказала царю:

– Я – язычница; да если хочешь меня крестить, то крести меня сам; если же нет, то не крещусь.

И крестил ее царь с патриархом... И по крещении позвал ее царь и сказал ей:

– Хочу тебя взять себе в жены. Она же отвечала:

– Как же хочешь взять меня, когда сам крестил меня и нарек меня дочерью? А у христиан нет такого закона, и ты сам знаешь!

И сказал царь:

– Переключала (перехитрила. – Прим. авт.) ты меня, Ольга! И дал ей дары многие – золото, и серебро, паволоки, и сосуды различные; и отпустил ее, и назвал дочерью своей...».

Такова русская версия крещения Ольги. Очень похоже на то, что она имела целью объяснить происшедшее для тех в Киеве, кто с подозрением отнесся к выбору княгиней новой веры. Получалось, что Ольга приняла христианство лишь затем, чтобы посрамить греческого царя. В какой-то степени это должно было оправдать ее в глазах киевских язычников.

Но летописный рассказ был записан спустя много времени после самого события. Летописец не знал даже имени того императора, с которым беседовала и которого перехитрила княгиня, и ошибочно отождествил его с императором Иоанном I Цимисхием, вступившим на престол в декабре 969 года, уже после того, как Ольга ушла из жизни. Современником же и собеседником Ольги был другой император – знаменитый интеллектуал и писатель Константин VII Багрянородный (913–959). Излишне говорить, что ничего общего с действительностью не имеет и рассказ летописца о желании императора взять русскую княгиню в жены – хотя бы потому, что Константин был женат. Иногда полагают, что в летописном рассказе о «сватовстве» императора нашла отражение неудачная попытка самой Ольги устроить брак своего сына Святослава с дочерью императора Константина. Но это не более чем предположение историков, никаких оснований в источниках не имеющее.

Портрет
Константина
Багрянородного.
Миниатюра из
Codex Mutinensis
graeus. XV век.
Библиотека
Эстенсе. Модена

Столь же неопределенной выглядит и летописная дата крещения Ольги. Дело в том, что семь предшествующих летописных статей (с 948 по 954 год) и восемь последующих (с 956-го по 963-й) оставлены пустыми. Таким образом, по относительной летописной хронологии крещение Ольги надо датировать временем между ее походом в Новгородскую землю (947) и началом самостоятельного княжения ее сына Святослава (по летописи – 964 год), причем летописец поместил это событие строго посередине означенного шестнадцатилетнего промежутка.

О крещении русской княгини упоминают и греческие источники. Византийский хронист Иоанн Скилица, трудившийся в последней четверти XI века, сообщает следующее:

«...Жена некоего некогда отправившегося в плавание против ромеев русского архонта (то есть Игоря. – Прим. авт.), по имени Эльга, когда умер ее муж, прибыла в Константинополь. Крещеная и истинной вере оказавшая предпочтение, она, после предпочтения [этого] высокой чести удостоенная, вернулась домой».

(Перевод Г.Г. Литаврина)

Суть «высокой чести», оказанной княгине, проясняет миниатюра так называемого Мадридского списка «Хроники» Иоанна Скилицы (середина XII века), на которой изображен прием «архонтиссы русов жены Эльги» императором Константином Багрянородным.

Наконец, о принятии Ольгой христианства в Константинополе сообщает немецкий хронист, автор Продолжения «Хроники» Регинона Прюмского. В отличие от предыдущих авторов он был современником тех событий, которые описывал. По его словам, Елена, «королева ругов», приняла крещение «в Константинополе при императоре константинопольском Романе». Речь идет об императоре Романе II, ставшем

самодержцем в ноябре 959 года, после смерти отца, Константина Багрянородного. Однако Роман был провозглашен императором и соправителем отца и венчан на царство еще в 945 году, так что события, связанные с крещением Ольги, действительно происходили при нем.

Когда же все-таки состоялась поездка Ольги в Константинополь и когда она приняла крещение? На первый из этих вопросов мы можем ответить с предельной точностью. Дело в том, что в нашем распоряжении имеется еще один источник – подробный отчет о посещении Ольгой императорского дворца. Причем отчет этот принадлежит не просто современнику Ольги и даже не просто очевидцу ее визита в столицу Византийской империи, но человеку, лично принимавшему русскую княгиню, – то есть императору Константину VII Багрянородному. В составленном им (или, по крайней мере, отредактированном им) трактате «О церемониях византийского двора», в главе, посвященной церемонии приемов иностранных послов в Большом тронном зале императорского дворца, описаны два приема «Ольги Росень», или «игемона и архонтииссы Ольги Росской». О крещении Ольги здесь нет ни слова, но это может объясняться спецификой источника: это именно обрядник, содержащий описания придворных церемоний, этикетных формул и т.п.; все прочее осталось за пределами внимания автора. Зато сами приемы описаны с исключительной подробностью, включая мельчайшие детали церемонии и точные суммы денежных подарков каждому члену посольства. Собственно, император Константин составлял свод дипломатических норм и разного рода казусов, могущих послужить образцом для его преемников на престоле. В случае с «архонтииссой Росии» императору пришлось задействовать в церемонии приема женскую половину своей семьи – супругу Елену, «августу» ромеев, и невестку, жену своего сына и со-

Прием императором Константином Багрянородным княгини Ольги и ее приближенных. Миниатюра из «Хроники» Иоанна Скилицы. XII век. Национальная библиотека Испании. Мадрид

правителя Романа, а также жен сановников. Очевидно, такое было впервые в практике византийского двора, а потому император скрупулезно перечислял обусловленные этим изменения в обычной церемонии. Император не указал год, в котором «архонтиисса Росии» приехала в его город, однако привел точные даты двух ее приемов: первый состоялся 9 сентября, в среду, а второй – 18 октября, в воскресенье. Подобное сочетание календарных дат и дней недели в годы самостоятельного царствования Константина Багрянородного (945–959) имело место дважды: в 946 и 957 годах. Принимая во внимание некоторые детали в описании приемов, а главное, события собственно русской истории, поездку Ольги в Константинополь следует отнести к осени 957 года.

Константин Багрянородный. Фрагмент мемориальной доски. Резьба по слоновой кости. Около 945 года. Музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина

Ко времени первого приема, 9 сентября, княгиня оставалась язычницей. Об этом свидетельствует не только чин ее приема по образцу приемов послов-иноверцев (в частности, мусульман), но и тот факт, что император Константин называет ее княжеским, языческим именем – Эльга, то есть Ольга, а не тем, которое княгиня приняла при крещении, – Елена. Он же, однако, сообщает, что княгиню сопровождал священник Григорий, а это можно рассматривать как свидетельство того, что русская княгиня, по крайней мере, размышляла о возможности принятия новой веры или знакомилась с ней. Вообще же, Ольгу сопровождала в поездке огромная свита, в которую помимо ее личных слуг и служанок входили ее родственники и родственницы, а также особые послы («апокрисии»), представлявшие «архонтов Росии», то есть разных русских князей (возможно, не принадлежавших к числу князей-Рюриковичей), и купцы («прагматевты»), очевидно, представлявшие интересы Киева и других русских городов. Замечено, что подобное представительство послов и купцов в посольстве Ольги почти точно совпадает с тем, что зафиксировано русско-византийским договором 944 года. А это свидетельствует об официальном, государственном характере ее визита. Вероятно, Ольга намеревалась заключить новое соглашение

АЛЕКСАНДР БУРЬИЙ

с императором Константином, более выгодное, нежели то, которое было заключено ее мужем. Все указанные лица присутствовали на первом приеме княгини у императора 9 сентября 957 года. Затем состоялся прием княгини «августой» – супругой императора. 9 сентября Ольга, по-видимому, и обсуждала с императором те вопросы, ради которых прибыла в Константинополь. Одним из таких вопросов было военное сотрудничество двух стран. Из рассказа «Повести временных лет» известно, что уже после возвращения княгини на Русь греческий «царь» вспоминал о том, что Ольга обещала ему, будучи в Константинополе. «Как возвращусь в Русь, – будто бы говорила ему княгиня, – многие дары пришлю тебе: челядь, воск и скору (меха. – Прим. авт.), и воев в помощь». Конечно, рассказ летописи во многом легендарен. Но упоминание о «воях» (воинах) точно отражает одно из главных положений русско-византийского договора 944 года. О том, что император Константин вел переговоры с властями соседних народов, в том числе и русских, и обращался к ним с просьбой о военной помощи, сообщал под 958 годом осведомленный арабский автор Абу Фирас, и его свидетельство подтверждает летописный рассказ.

Тогда же, 9 сентября, в честь прибытия русской «архонтиссы» в Большом императорском дворце были устроены званые обеды – «клитории», как называлось это мероприятие в византийском придворном церемониале: отдельно для мужчин и женщин. Как было принято, в этот день состоялась раздача подарков всем членам посольства от имени императора. Константин Багрянородный скрупулезно перечисляет их, и по количеству розданных милиарисиев (серебряных монет) можно судить о статусе отдельных участников посольства. Так, самой Ольге было преподнесено «в золотой, покрытой драгоценными камнями чаше» 500 милиарисиев; шести ее приближенным женщинам (очевидно, «родственницам-архонтиссам») – по 20; восемнадцати служанкам – по 8. «Анепсий» (племянник) княги-

Музей мозаики Большого дворца. Он расположен на территории, которая являлась частью Большого императорского дворца Константинополя. Стамбул

Грифон, терзающий ящерицу. Музей мозаики Большого дворца. Стамбул

АЛЕКСАНДР БУРЬИЙ

ни получил 30 милиарисиев; восемь приближенных Ольги (родственников) – по 20 милиарисиев; двадцать послов – по 12; сорок три купца – тоже по 12; священник Григорий – 8; два переводчика – по 12; пятеро «людей» Святослава – по 5; шесть «людей» послов – по 3; личный переводчик Ольги – 15.

Обращает на себя внимание крайне низкий статус «людей» Святослава: они получили меньше не только послов, купцов или приближенных Ольги, но даже ее служанок-рабынь и переводчиков (разительное противоречие с положением посла младенца Святослава при подписании русско-византийского договора 944 года!). Косвенно это может свидетельствовать об отношении Ольги к сыну. К 957 году Святославу исполнилось не меньше четырнадцати или пятнадцати лет – по меркам древней Руси он был вполне взрослым, дееспособным и формально должен был считаться законным киевским князем. Однако Ольга, по-видимому, не спешила признавать его таковым.

Очень невысоко «котировался» в посольстве Ольги и сопровождавший ее священник Григорий. Его статус соответствовал статусу служанок княгини.

Торжественный прием княгини Ольги императором Константином был изображен на одной из фресок киевского Софийского собора (середины XI века). Имелась там и другая фреска – с изображением состязаний на константинопольском ипподроме – и также в присутствии самого императора и русской княгини. Что ж, посещение ипподрома входило в программу приемов важных особ. Однако понравилось ли это состязание Ольге, неизвестно.

Второй и последний прием у императора состоялся 18 октября, то есть спустя сорок дней после первого. В трактате Константина Багрянородного ему уделено гораздо меньше места, чем первому. Собственно, император вообще не упоминает о том, что лично принимал «архонтиссу

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

России», приведя сведения лишь о двух «клиторих» – вновь отдельно для мужской и женской части посольства – и роспись сумм, потраченных в качестве подношений. И эти суммы оказываются заметно меньшими, нежели после первого приема, 9 сентября:

«...Было выдано архонтиссе 200 милиарисиев, анепсию ее – 20 милиарисиев, священнику Григорию – 8 милиарисиев, 16 ее женщинам – по 12 милиарисиев, 18 ее рабьям – по 6 милиарисиев, 22 послам – по 12 милиарисиев, 44 купцам – по 6 милиарисиев, двум переводчикам – по 12 милиарисиев».

(Перевод Н.Е. Новикова)

Отметим отсутствие на втором приеме «людей» Святослава. Возможно, они посчитали себя оскорбленными слишком малыми дарами императора на первом приеме, а возможно, вообще покинули Константинополь. Столько же, сколько прежде, получили, так сказать, «официальные» члены делегации – послы князей-«архонтов» и переводчики, а также священник Григорий, чей статус немного вырос. А вот сама Ольга и ее родственники и приближенные не могли не почувствовать себя ущемленными значительным уменьшением поднесенных им даров. И это можно рассматривать как явное свидетельство осложнений, возникших в ходе переговоров между императором и княгиней. А между тем ко времени второго приема Ольга, кажется, уже была христианкой. Правда, об этом можно говорить лишь предположительно.

Замечено, что свидетельство византийского источника в не-

Бармы. XII век. Древняя Русь. Серебро, резьба, чеканка, золочение. Новгородский музей-заповедник (НГМЗ)

Выносной Голгофский крест. XI век. Византия. Накладки – XVII век. НГМЗ

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

которых моментах совпадает с рассказом «Повести временных лет». Так, и по летописи тоже, имели место две встречи княгини с императором. Во время первой встречи Ольга оставалась язычницей («Аз погана есмь» – такие ее слова, обращенные к царю, приводит летописец), и лишь затем совершается таинство крещения с участием царя и патриарха, так что на вторую встречу с царем Ольга являлась уже христианкой. Если довериться этому рассказу, то получается, что крещение Ольги произошло после первого, но ранее второго приема во дворце,

Ипподром, Большой дворец и Буколеон в Константинополе. Современная реконструкция, выполненная муниципалитетом Стамбула

то есть между 9 сентября и 18 октября 957 года.

Пожалуй, можно попытаться более точно определить дату крещения Ольги.

При крещении русская княгиня получила новое имя – Елена. Наречению ее этим именем, несомненно, способствовало то, что Еленой звали царствующую императрицу, супругу императора Константина VII Багрянородного. Но столь же несомненно и то, что имя свое княгиня приняла в честь святой равноапостольной царицы Елены, матери равноапостольного императора Константина I Великого. Главное деяние святой царицы Елены – обретение в Иерусалиме Гроба Господня и Животворящего Креста и перенесение около 326 года части Крестного древа из Иерусалима в Константинополь: в память об этом событии церковь празднует 14 сентября Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня, один из двенадцатых праздников. В проложных Житиях княгини Ольги тема обретения святой Еленой Креста проходит как прообраз крещения самой Ольги; более того, одним из основных эпизодов различных редакций Жития Ольги стало перенесение ею Креста на Русь, что однозначно воспринималось как прямая аналогия перенесению Креста царицей Еленой в Константинополь:

Серьги. V–X века. Византия.
Золото, стекло

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

«...по всему уподобилась святой Елене: как и та, шедши в Иерусалим, обрела честный Крест Господень, так же и сия новая Елена сотворила...

...и приняв от патриарха крест и пресвитера, пришла в свою землю. И тот крест и донныне стоит в Святой Софии, в алтаре...»

Если принять во внимание это обстоятельство и учесть также, что праздник Воздвижения – самое заметное событие в церковном календаре между 9 сентя-

бря и 18 октября, в наибольшей степени подходящее для такого торжественного события, как крещение правительницы иностранного государства, то можно предположить, что именно день 14 сентября (или канун праздника, 13 сентября, пришедшееся в 957 году на воскресенье) и стал днем крещения Ольги.

Поездка в Царьград, несомненно, важнейшее, переломное событие в жизни княгини Ольги. Именно по возвращении на Русь она предпринимает усилия по христианскому просвещению

Руины константинопольского императорского дворца
Буколеон.
Стамбул

ГОД 958-Й

На следующий год в Киев прибыло ответное посольство императора Константина. Такие ответные посольства были в обычае византийской дипломатии. Ольга, однако, встретила греков крайне нелюбезно. Когда ей передали слова императора («Много даров дал тебе. Ты ведь говорила мне: как возвращусь на Русь, многие дары пришлю тебе – челядь, воск и меха, и воинов в помощь»), она отвечала чисто по-женски, словами, исполненными явной насмешкой:

«– Если ты так же постоишь у меня в Почайне, как я в Суду (константинопольской гавани. – Прим. авт.), то тогда дам тебе. И, сказав так, отпустила послов».

По сути это означало разрыв союзнических отношений с империей.

Голова вождя варваров.
Музей мозаики
Большого дворца. Стамбул

ГОД 959-Й

Изменение внешнеполитического курса выразилось в посольстве, отправленном Ольгой летом или осенью 959 года в Германию к королю (а с 962 года императору) Оттону I – сопернику византийского императора.

Из Продолжения «Хроники» Регинона Прюмского¹:
«959. ...Послы Елены, королевы ругов, крестившейся в Константинополе при императоре константинопольском Романе², явившись к королю, притворно, как выяснилось впоследствии, просили назначить их народу епископа и священников...»
(Перевод А.В. Назаренко)

Княгиня понимала, что для христианского просвещения Русской земли необходимы священники и епископ, который мог бы рукополагать их, – иными словами, необходима церковная организация, включенная в существующие структуры Вселенской церкви. Создать такую организацию в рамках Константинопольского патриархата Ольге не удалось или не захотелось – и она обратилась к правителю Запада.

Отметим особо, что к середине X века раскол между Западной и Восточной церквями еще не произошел. Не было ни взаимной анафемы, ни прекращения канонического общения, и противоречия носили в большей

¹ «Хроника» Регинона, аббата Прюмского монастыря (ум. 915), доведена до 906 года. Автором ее анонимного Продолжения, доведенного до 967 года, по единодушному мнению исследователей, является магдебургский архиепископ Адальберт (ум. 983), главное действующее лицо описываемых далее событий.

² Имеется в виду император Роман II, который в 959 году был самодержцем, а в 957-м, когда Ольга крестилась, соправителем своего отца, Константина.

АЛЕКСАНДР БУРЯКОВ

Фрагменты каймы фелони. XII век.
Византия. НГМЗ

Христос, благословляющий императора Романа II и императрицу Евдокию. Резьба по кости. Византия. Отдел монет, медалей и антиквариата Национальной библиотеки Франции. Париж

степени политический, а не конфессиональный характер. Что же касается слов автора «Хроники» о «притворстве» русских послов, то они, несомненно, отражают итоги латинской миссии на Русь и призваны оправдать ее конечную неудачу. В действительности же неудача эта в первую очередь объяснялась медлительностью немцев. С отправлением русской миссии они явно не торопились.

ГОДЫ 960–962-Й

«960. Король отпраздновал Рождество Господне³ во Франкфурте, где Либуций из обители святого Альбана посвящается в епископы для народа ругов достопочтенным архиепископом Адальдагом...

961. ...Либуций, отправлению которого в прошлом году помешали какие-то задержки, умер 15 февраля

³ 25 декабря 959 года.

Ожерелье. IX–XI века. Древняя Русь.
Стекло, сердолик, хрусталь. ГИМ

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

сего года. На должности его сменил, по совету и ходатайству архиепископа Вильгельма¹, Адальберт из обители святого Максимиана, который, хотя и ждал от архиепископа лучшего и ничем никогда перед ним не провинился, должен был отправляться на чужбину. С почестями назначив его [епископом] для народа ругов, благочестивейший король, по обыкновенному своему милосердию, снабдил его всем, в чем тот нуждался... 962. ...В то же лето² Адальберт, назначенный епископом к ругам, возвращается, не сумев преуспеть ни в чем из того, ради чего он был послан, и убедившись в тщет-

ности своих усилий. На обратном пути некоторые из его [спутников] были убиты, сам же он после больших лишений едва спасся. Прибывшего к королю³ [Адальберта] встречают милостиво, а любезный Богу архиепископ Вильгельм в возмещение стольких тягот дальнего странствия, коего он сам был устройтелем, предоставляет ему имущество и, словно брат брата, окружает всяческими удобствами...». (Перевод А.В. Назаренко)

К сожалению, Адальберт (напомню, именно его считают автором этого текста) ничего не сообщил о своем пребывании в Киеве. Из его «Хроники» извест-

Клад ювелира, найденный в Московской области. Предметы IX – начала X века. Государственный исторический музей (ГИМ)

Элементы костюма древнерусской элиты. Вторая половина X – начало XI века. Браслет, височные кольца, фибулы. ГИМ

АЛЕКСАНДР БУРЫЙ

но лишь о результатах поездки, а они оказались плачевными. Где были убиты спутники «епископа ругов» и где сам он подвергся смертельной опасности – на Руси или за ее пределами, по пути на родину, – из «Хроники» неясно. Авторы же более поздних немецких хроник обвиняли во всем случившемся русов. Хотя, может быть, всего лишь по догадке?

Из «Деяний магдебургских архиепископов» (середина XIII века): «Был в те времена Адальберт, муж славный и заслуженный, который некогда из братии монастыря святого Максимиана в Трире был поставлен епископом и послан проповедником к ругам, но ожесточенный народ, свирепый видом и неукротимый сердцем, изгнал его из своих пределов, презрев благовествовавшего Евангелие мира». (Перевод А.В. Назаренко)

Так или иначе, но миссия Адальберта провалилась. Что стало тому причиной? Историки по-разному отвечают на этот вопрос. Но в любом случае ясно, что за те два года, которые прошли между посольством княгини Ольги в Германию и прибытием Адальберта на Русь, обстановка в Киеве кардинально изменилась. И, скорее всего, изменения эти свидетельствовали о том, что Ольга утратила рычаги управления страной. У кормила власти ее сменил сын Святослав, закоренелый язычник.

¹ Архиепископа Майнцского.

² Уже после коронации Оттона императорским венцом, происшедшей 2 февраля.

³ Оттону II, сыну императора Оттона I, коронованному в мае 961 года и назначенному правителем государства на время Итальянского похода Оттона I.

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

НЕТИТУЛОВАННАЯ КОРОЛЕВА ЕВРОПЕЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

АВТОР

НАТАЛИЯ ТАНЬШИНА

ОСЕНЬЮ 1818 ГОДА ПО ЛИЧНОМУ ПРИГЛАШЕНИЮ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I ДОРТЕЯ (ДАРЬЯ) ЛИВЕН ВМЕСТЕ С МУЖЕМ И ДЕТЬМИ ОТПРАВИЛАСЬ В НЕМЕЦКИЙ ГОРОД АХЕН, ГДЕ ПРОХОДИЛ КОНГРЕСС СВЯЩЕННОГО СОЮЗА. ИМЕННО НА АХЕНСКОМ КОНГРЕССЕ У ДАРЬИ ХРИСТОФОРОВНЫ ЗАВЯЗАЛСЯ СТРАСТНЫЙ РОМАН И СОПУТСТВОВАВШАЯ ЕМУ МНОГОЛЕТНЯЯ ПЕРЕПИСКА С «КУЧЕРОМ ЕВРОПЫ» – АВСТРИЙСКИМ КАНЦЛЕРОМ КЛЕМЕНСОМ ФОН МЕТТЕРНИХОМ. РОМАН С КОРИФЕЕМ ЕВРОПЕЙСКОЙ ДИПЛОМАТИИ, НОРДИЧЕСКИМ КРАСАВЦЕМ И «ВЕЛИКИМ СОБЛАЗНИТЕЛЕМ» СТАЛ ОДНИМ ИЗ КЛЮЧЕВЫХ СОБЫТИЙ В ЕЕ СУДЬБЕ КАК С ПОЛИТИЧЕСКОЙ, ТАК И С СУГУБО ЛИЧНОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ.

В АХЕНЕ В ТОТ МОМЕНТ царило необычайное оживление. Официально конгресс должен был заниматься только делами Франции – вопросом о выводе с ее территории оккупационных войск, – поэтому ожидалось, что на него съедутся только главы и представители великих держав – участники антинаполеоновской коалиции. Однако возможностями предстоящего конгресса поспешили воспользоваться и другие европейские страны, направившие в Ахен делегатов в надежде использовать международную встречу в своих интересах. Помимо дипломатов в этот древний город, бывший когда-то резиденцией Карла Великого, прибыли банкиры, коммерсанты, артисты, элегантная публика и искатели приключений.

Но вернемся к нашим героям. Графине Ливен в это время было 33 года, князю Меттерниху – 45. Несмотря на то, что слова о религии и морали не сходили с уст многодетного князя, он славился своими амурными приключениями. В том числе и с русскими дамами: с Вильгельминой Саган – внучкой Эрнста Иоганна Бирона, фаворита императрицы Анны Иоанновны, а также с княгиней Екатериной Багратион – ветреной вдовой прославленного генерала.

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Ахенский конгресс.
1818 год

Графиня Ливен и князь Меттерних познакомились четырьмя годами ранее, в июне 1814 года, когда «кучер Европы» прибыл с визитом в Лондон. Знакомство было случайным: на церемонии присвоения почетных докторских степеней в Оксфорде их разделяло всего несколько кресел. В ту встречу они не произвели друг на друга никакого впечатления. Доротее Ливен Меттерних показался человеком холодным, неприятным и даже устрашающим. Меттерних же нашел ее «высокой, худой и любопытной женщиной – не более того». В первые дни пребывания Доротей Ливен в Ахене их взаимные впечатления друг о друге не изменились. Меттерних никак не выделял графиню из остальных дам на конгрессе и был с ней вежливо сдержан. Глава российской внешней политики граф Нессельроде недоумевал: почему дама, обладающая столькими очевидными достоинствами, не вызвала интереса у князя? Он даже поинтересовался у своего коллеги, почему тот так невнимателен к графине Ливен. Нессельроде попытался вызвать интерес у Меттерниха к Дарье Христофоровне. Действия российского политика, конечно же, не были продиктованы заботой о старом знакомом, незадолго перед

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

тем расставшемся с Вильгельминой Саган и занятом поисками достойной преемницы. Карл Васильевич исходил прежде всего из политических соображений. Он высоко ценил ум графини Ливен и ее способность очаровывать мужчин. В случае ее сближения с Меттернихом Нессельроде надеялся оказывать на идейного вдохновителя Священного союза влияние в интересах российской дипломатии. Любопытно, что в этой

Клеменс фон Меттерних (1773–1859), министр иностранных дел Австрийской империи в 1809–1848 годах

Германия. Ахен. 1835 год. Гравюра

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Портрет графини Марии Дмитриевны Нессельроде. 1825 год. Литография по оригиналу А.П. Брюллова

интриге активную роль играла графиня Мария Дмитриевна Нессельроде. Именно со встречи Ливен и Меттерниха в салоне Марии Дмитриевны, которая произошла 22 октября, началось их сближение. Спустя три дня участники конгресса отправились в развлекательную двухдневную поездку в курортное местечко Спа. На обратном пути Ливен пригласила Меттерниха пересесть в ее карету, они разговорились и в непринужденной беседе проделали весь обратный путь. Меттерних блеснул мастерством рассказчика, развивая свою коронную тему об императоре Наполеоне, с которым ему не раз довелось общаться и которого он успел хорошо узнать. Они вместе позавтракали за отдельным столиком в придорожном кафе. Возвращение в Ахен знаменовало начало нового этапа в отношениях Доротей Ливен и Клеменса Меттерниха. «Я имел удовольствие тебя видеть, – вспоминал князь в письме от 28 ноября их прогулку. – Это я предложил тебе поменяться каретами, чтобы не покидать тебя. Я начал понимать, насколько правы были те, кто находил тебя очаровательной женщиной: обратная дорога показалась мне более короткой, чем накануне».

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

**РОМАН В ПИСЬМАХ:
ЛЮБОВЬ ИЛИ ПОЛИТИКА?**

Так начался этот «роман в письмах». До сих пор историки спорят о том, кем он был инициирован – австрийской или российской дипломатией. Вне всякого сомнения, в этих отношениях были заинтересованы обе стороны.

Не вызывает сомнений, что Меттерних был охвачен самыми искренними и пылкими чувствами. Его письма Дарье Христофоровне, которые он писал почти каждый день, а то и несколько раз в день – особенно в первые годы их отношений, – раскрывают личность этого вершителя судеб Европы с самой неожиданной стороны.

Влюбленные переписывались с большими мерами предосторожности. Меттерних писал обычно ночью, иногда рано утром, пересылал письма с доверенными лицами, а также пользовался любым удобным случаем, чтобы передать их графине лично. В Лондоне его посредником был секретарь австрийского посольства Нойман. Меттерних писал: «...Как он счастлив! Он увидит тебя! Веришь ли ты, что в этом есть счастье?» Все письма в этой переписке были пронумерованы, часто это выглядело весьма забавно: «Стюарт уехал вчера. Он увез мой №10. Стюарт и мое письмо гораздо счастливее меня. Один едет тебя найти, другое (т.е. письмо. – Прим. авт.) – у тебя остаться. Я, мой друг, в Вене, далеко от тебя... Я здесь, тогда как главная составляющая моей жизни далеко от Вены! Я об этом думаю здесь, тогда как моя душа за четыреста лье!» (Ливен в это время была во Франции).

С помощью Ноймана пересылала свои письма и Дарья Христофоровна. Нойман отправлял их, последовательно запечатывая в четыре конверта, адресуя каждый разным доверенным лицам. Последний, на котором не было подписи, предназначался Меттерниху, скрывавшемуся за псевдонимом Флорет (Цветочник). Но меры предосторожности не спасли. Князь стал жертвой собственного излюбленного метода. Его

Э. Леви.
Любовное
письмо

переписка с графиней была перехвачена французской полицией. Полицейские могли удовлетворять свое любопытство, проследившая по вскрываемым письмам развитие отношений между Клеменсом и Доротеей. Одно из ее перехваченных писем стало известно королю Людовику XVIII. Из писем Дарьи Христофоровны видно, какая нешуточная страсть овладела молодой женщиной. Месяц спустя после возвращения из Ахена она очень скучала и не могла примириться с мыслью о разлуке с Меттернихом.

Автограф
Меттерниха.
Реклама
шоколада
«Автографы
великих».
Начало XX века

Ливен писала ему 30 октября из замка Мадлетон, где гостила у леди Джерси: «...Ничто не принесит мне такую пользу, как путешествие. Я чувствую себя сегодня вечером прекрасно, потому что я проехала семьдесят миль. Если бы я проезжала по столько же каждый день, то я была бы скоро подле тебя. Но, друг мой, несмотря на все мое старание, я должна остаться тут. Скажи мне, что будет с нами далее? Можешь ли ты примириться с мыслью о дальнейшей разлуке? Скажи мне, Клеменс, что будет с нами?»

Это был действительно роман по переписке. Вместе они провели в целом примерно полмесяца, встречаясь в Брюсселе (1818), Ганновере (1821) и Вероне (1822). Инициатива всегда исходила от Дарьи Христофоровны. Ради встречи с Клеменсом она была готова использовать любую возможность, однако канцлер предпочитал письма. В октябре 1819 года у графини родился сын Георгий, названный в честь британского короля Георга IV, ставшего его крестным отцом. Злые языки посчитали его «ребенком конгресса», что было совершенно несправедливым, так как после последней встречи в Ахене Ливен и Меттерних не виделись почти год.

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Т. Лоуренс. Портрет герцога Артура Веллингтона

Переписка между Ливен и Меттернихом продолжалась до 1827 года. 23 октября этого года произошло событие, завершившее их бурный роман: австрийский канцлер через два года после смерти жены Элеоноры вновь женился. Его избранница, Антуанетта Лейкам, которая не могла похвастаться знатным происхождением, незадолго до бракосочетания была возведена австрийским императором Францем I в графское достоинство. Разгневанная Ливен, к тому времени уже княгиня, потребовала, чтобы бывший возлюбленный вернул все ее 279 писем. В роли посредника выступил герцог Артур Веллингтон. На его глазах она два часа тщательно пересчитывала возвращенные письма. Меттерних тоже доверил получить свои письма герцогу; его писем было примерно на сотню меньше. Своего «дорогого друга» Дарья Христофоровна теперь называла «величайшим в мире мошенником» и давала ему такую характеристику: «Я считаю, что господин Меттерних, благородный человек, умер, потому что нет даже намека на благородство в его поведении. Это предатель своего слова, который впутывается во все политические дразги, куда его увлекает тщеславие». Встретиться им суждено было только в 1848 году, когда оба они оказались в изгнании в Лондоне.

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

«ЖЕНЩИНА УМЕЕТ ЗАСТАВИТЬ МУЖЧИН ГОВОРИТЬ»

Случайно или нет, но охлаждение к Меттерниху совпало по времени с начавшейся в Европе «дипломатической революцией» – с переориентацией внешнеполитического курса Российской империи от союза с Австрией на союз с Великобританией. Наша героиня сыграла в этом знаменательном событии не последнюю роль. Именно Ливен в 1825 году была вызвана в Санкт-Петербург для выполнения особо важного поручения императора Александра I: содействовать русско-английскому сближению и установлению контактов с английским политиком Джорджем Каннингом. Показательно, что именно Дарью Христофоровну, а не ее мужа вызвали в Петербург. И император, и глава российского внешнеполитического ведомства были убеждены, что никто из русских дипломатов не смог бы преуспеть в столь деликатной миссии – заинтересовать Каннинга в сближении с Россией, не роняя при этом достоинства самодержца всея Руси. Это было по силам лишь искусенной в тонкостях бри-

Джордж Каннинг (1770–1827), английский политический деятель, премьер-министр Соединенного Королевства

танской политической кухни и в изгибах мужской психологии Дарье Христофоровне Ливен. Она произвела сильное впечатление на императора, который после первого разговора с ней заметил ее брату Александру Бенкендорфу: «Ваша сестра покинула нас молодой женщиной; сегодня я нашел ее государственным деятелем». А граф Нессельроде сказал ей на прощание: «Женщина умеет заставить мужчин говорить. Вот почему император посчитал, что именно вы дадите ему такую уникальную возможность, и ваше пребывание здесь стало для него неким озарением». Причем Нессельроде был настолько осторожен, что Христофору Андреевичу не было передано никаких письменных инструкций, кроме одной единственной фразы, которую он написал при Дарье Христофоровне: «Верьте всему, что Вам сообщит податель сей бумаги». Миссия оказалась успешной. Неожиданная смерть Александра I ускорила ход событий. По словам графини, «с самого начала было известно, что император Николай был крайне холоден по отношению к Австрии <...> и, не скрывая, искал дружбы с Англией. Все понимали, что Восток становится его главным занятием и что рано или поздно разразится война». Супруги Ливен были щедро обласканы новым государем, Николаем I. Одним из первых официальных актов императора явилось утверждение Христофора Андреевича на посту официального представителя Российской империи в Лондоне. Затем последовало приглашение прибыть в Петербург, где он удостоился важной роли на церемонии коронации: царь пожаловал ему княжеский титул (титул светлейшей княгини был пожалован матери Х.А. Ливена, Шарлотте Карловне, со всем нисходящим потомством. – Прим. авт.). В 1828 году, после смерти Шарлотты Карловны Ливен, Николай I передал

Дарье Христофоровне звание статс-дамы и воспитательницы императорских детей.

Когда в июне 1830 года – за месяц до революционных событий во Франции – князь Ливен был отозван в Петербург управлять делами Министерства иностранных дел, временно замещая графа Нессельроде, отдыхавшего на водах, по сути, именно Ливен осуществляла функции посла. В подчинении у нее находился граф А.Ф. Матушевич, которому Христофор Андреевич даже не дал никаких инструкций, полагаясь на свою жену и рассчитывая, что она будет руководить его действиями.

ОТСТАВКА

Начало 1830-х годов было ознаменовано ростом напряженности англо-русских отношений из-за опасений Британии по поводу возможного усиления позиций России на Востоке. Они особенно усилились после заключения в 1833 году Ункяр-Искелесийского договора, существенно укрепившего позиции России в бассейне Черного моря и в Зоне проливов. Отныне важнейшей целью главы британской внешней политики, лорда Генри Дж. Пальмерстона, была ликвидация этого договора и его замена коллективным соглашением европейских держав. Именно лорда Пальмерстона княгиня считала главным виновником их отъезда. В своих воспоминаниях она отмечала: «Дело дошло до отзыва послов России и Англии. Вот так лорд Пальмерстон отплатил за услуги, которые я ему оказала». По словам Ливен, в том, что Пальмерстон стал министром иностранных дел в кабинете графа Чарльза Грея, была и ее заслуга.

Непосредственным поводом послужил конфликт из-за предполагавшейся кандидатуры посла Великобритании в России Стратфорда Каннинга, который по ряду причин не устраивал российское внешнеполитическое ведомство. Истинные же

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Ф. Крюгер.
Портрет императрицы Александры Федоровны в придворном русском платье. 1852–1857 годы

причины заключались в противоречиях, сформировавшихся между двумя странами по широкому кругу вопросов: восточному, польскому и португальскому.

Недовольство в политических кругах Англии было вызвано и тем положением, которое княгиня Ливен занимала в высшем обществе Лондона, и ее влиянием на премьер-министра графа Грея, автора парламентской реформы 1832 года. Ливен

Т. Лоуренс. Портрет лорда Чарльза Грея

и Грей познакомились еще в начале 1820-х, а с 1823 года между ними завязалась активная переписка. Поначалу их отношения носили исключительно светский характер, но постепенно Ливен и Грей стали друзьями. Граф Грей писал ей каждое утро и ежедневно после полудня наносил визит. Окружение Доротеи прозвало его «святой ухажер». Влияние Ливен на Грея проявлялось даже в том, что она исправляла черновики речей, составляемых премьером для Вильгельма IV, которые монарх должен был произносить при открытии парламента. Такого в истории Англии еще не бывало.

На одном из последних лондонских приемов княгиня Ливен появилась в официальном русском придворном наряде. (27 февраля 1834 года Николаем I было утверждено «Описание дамских нарядов для приезда в торжественные дни к высочайшему двору». Платья, имевшие разрез книзу от талии, открывавший юбку из белой материи, полагались для гофмейстерин малинового цвета, для статс-дам и камер-фрейлин – зеленого, для фрейлин – пунцового. В качестве головного убора замужние дамы должны были иметь «повойник или кокошник», девицы – повязку произвольного цвета с белой вуалью. Наряд

Лорд Генри Дж. Пальмерстон (1784–1865), министр иностранных дел в правительстве лорда Чарльза Грея

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

получил название «русского платья». – Прим. авт.) Этот костюм удивительно шел княгине и произвел фурор в высшем свете Лондона.

В августе 1834 года Христофор Андреевич получил указание выехать в Петербург. Княгиня писала брату Александру: «Полная перемена карьеры, всех привычек, всего окружающего после двадцатидвухлетнего пребывания здесь – событие серьезное в жизни. Говорят, что человек сожалеет даже о тюрьме, в которой он провел несколько лет. Поэтому мне простительно сожалеть о прекрасном климате, прекрасном общественном положении, комфорте и роскоши, подобных которым я нигде не найду, и о друзьях, которых я имела вне политического мира».

Проведя в Англии 22 года, она осталась русской и, как свидетельствует ее переписка, была всецело предана российским интересам. Но княгиня стала англичанкой по привычкам, вкусам, образу жизни. Хотя при российском дворе ей оказывался благосклонный прием, она всегда с радостью возвращалась в Лондон, в ту среду, в которой она себя чувствовала комфортно; возвращаться «домой» означало для нее возвращаться в Англию.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

После возвращения в Петербург князь Ливен был назначен попечителем при 16-летнем наследнике престола цесаревиче Александре и стал членом Государственного совета. Дарье Христофоровне было поручено обучать наследника манерам и искусству общения в свете.

8 сентября чета Ливен поселилась в Царскосельском дворце, где им было отведено казенное помещение, ведь своего дома у них не было. Император Николай Павлович сделал все, чтобы отъезд Ливен не казался немилостью. Для князя новое назначение было весьма лестным, а вот его супруга никак не могла привыкнуть к новым условиям. Постепенно однообразие жизни в Царском Селе, строгая дисциплина, царившая при дворе, необходимость вечно и во всем повиноваться и полное отсутствие той кипучей общественной деятельности, к которой она привыкла в Лондоне, стали ее тяготить. «Мои письма глупы и неинтересны, – писала она, – я так привыкла наполнять их описанием событий, важных или просто забавных, что я совершенно не умею описать ту монотонную, однообразную жизнь, какую я веду. Колебания термометра – вот все наши события! Выше он или ниже нуля?

В.С. Садовников.
Вид Екатерининского дворца в Царском Селе со стороны парадного двора

Вот ежедневно великий для нас вопрос. В Лондоне я имела другие интересы». В другом письме, своей подруге леди Эмили Каупер, жене лорда Пальмерстона, она с грустью отмечала: «Мне не о чем писать вам, совершенно не о чем. В моей жизни почти нет изменений. Мы пытаемся разнообразить нашу пустую жизнь простыми варварскими развлечениями». Особенно утомляла графиню игра в карты, когда, по ее словам, «она была прикована к креслам и только посматривала то в одну, то в другую сторону в надежде, что появится избавитель и заменит ее за карточным столом».

Княгиня пробыла в России семь месяцев. Ее отъезд ускорило ужасное несчастье. В марте 1835 года в Дерпте от скарлатины умерли два ее младших сына: Георгий и Артур (они обучались там в университете). Одному было 15, другому 10 лет. Княгиня считала, что причиной смерти ее детей стал «ужасный» климат. Родные, знакомые, члены императорской семьи, сам Николай Павлович безуспешно старались утешить ее. Она больше не могла выполнять свою роль верного советника при попечителе цесаревича. К тому же трагедия подорвала ее здоровье; врачи рекомендовали ей на время уехать из России.

ОПАЛА

Получив разрешение, в начале апреля 1835 года Дарья Христофоровна с мужем отправились в Берлин, чтобы проконсультироваться у местных медицинских светил. Христофор Андреевич, выполняя обязанности воспитателя наследника престола, в скором времени вернулся домой. А оставшаяся в Берлине Дарья Христофоровна писала брату: «Я доехала живая, вот все, что я могу сказать Вам самого грустного о себе, дорогой брат, так как смерть была бы для меня желанной. Могу ли я жить с таким горем в душе? Сегодня я еще острее чувствую свою утрату, нежели вчера, и если так будет далее, то что ожидает меня в будущем?»

Лето княгиня провела в Бадене, уже облюбованном русской аристократией в качестве модного курорта, а в середине сентября 1835 года прибыла в Париж. Отныне ее судьба будет связана со столицей Франции; здесь она вновь обретет свой политический вес и влияние, привычный ей ритм бурной политической жизни, а также успокоит свою истерзанную душу.

Приняв решение остаться в Париже, княгиня совершила очень смелый и даже дерзкий поступок: она не имела на то разрешения императора (в соответствии с указом Его Императорского Величества от 27 апреля 1834 года, для российских подданных устанавливался следующий «срок дозволенного пребывания за границей с узаконенным паспортом»: для дворян он составлял пять лет, для «всех прочих состояний» – три года; для более длительного пребывания за границей нужно было получить личное разрешение императора или отсрочку, что было явлением весьма редким. – **Прим. авт.**). Более того, княгиня была оставлена мужем, послушно выполнявшим высочайшую волю, без средств к существованию. Князь Ливен писал супруге в ультимативной форме: «Надеюсь, ты вполне поняла из моих слов, что я настоятельно требую, чтобы ты вернулась. Предупреждаю тебя, что в случае отказа я буду вынужден принять такие меры, которые для меня очень неприятны. Поэтому объявляю тебе, что если ты не вернешься, то я прекращу тебе высылку денег». В начале следующего года князь Ливен привел свои угрозы в исполнение: он распорядился прекратить выплаты, причитающиеся княгине. Спустя некоторое время в одном из писем Франсуа Гизо (о нем разговор впереди) Дарья Христофоровна передавала слова императора Николая Павловича, сказанные ее супругу: «Ваша жена задела мою честь и достоинство, она единственная осмелилась подвергнуть сомнению мой авторитет. Заставьте ее подчиниться,

Ф.-Г. Вальдмюллер. Прием великого князя Александра Николаевича князем Меттернихом в венском дворце Хофбург в 1839 году

а если вам это не удастся, я сам сотру ее в порошок».

Дело дошло до того, что государь запретил сообщать княгине о смерти ее сына Константина, скончавшегося в июне 1838 года в Америке. Она узнала об этом лишь спустя четыре месяца, получив посланное сыну письмо с надписью «скончался». Княгиня в отчаянии писала графу Грею: «И это отец моего сына, мой муж, оставляет меня в абсолютном неведении, видимо, желая, чтобы я узнала об этом событии таким ужасным образом! Он не подумал ни о своей жене, ни о своих детях. Мой бедный мальчик!» «Мне, матери его сына, – продолжает Дарья Христофоровна, – он, его отец, не пишет потому, что я в немилости при дворе. Россия ужасная страна; человек должен в ней отказываться от всех естественных чувств и самых священных обязанностей в жизни». Граф Бенкендорф объяснял такое жесткое поведение князя Ливена стремлением отомстить жене за долгие годы ее доминирования. Он писал сестре: «Может быть, и это понятно, что он и теперь мстит тебе: он так долго терпел над собою твоё умственное превосходство». Дарья Ливен, отвечая брату, с грустью замечала: «Это превосходство,

ежели оно существовало, было посвящено служению ему в продолжение очень многих лет».

С мужем Ливен больше не виделась. Христофор Андреевич умер 29 декабря 1838 года в Риме, сопровождая цесаревича Александра Николаевича во время его путешествия по Европе.

Почему император Николай I был против проживания Ливен в столице Франции? Представляется, что определяющим для государя фактором явился выбор княгиней именно Парижа – рассадника революционных потрясений и бунтов. К тому же после Июльской революции 1830 года отношения между двумя странами были очень натянутыми: император скрепя сердце признал режим «короля баррикад» Луи-Филиппа. То, что княгиня Ливен, особа, приближенная к императорской фамилии, предпочла Санкт-Петербургу именно этот город, государь категорически отказывался признавать.

Именно так полагала и сама Дарья Христофоровна. В письме Франсуа Гизо от 25 сентября 1837 года она отмечала: «В моей стране, сударь, я очень знатная дама; я стою выше всех по своему положению при дворе и, главное, потому что я единственная дама во всей империи,

по-настоящему близкая к императору и императрице. Я принадлежу к императорской семье. Таково мое общественное положение в Петербурге. Вот почему так силен гнев императора; он не может допустить, что родина революций оказала мне честь и приняла меня».

Кроме того, зная Ливен, которую многие сильные мира сего считали «опасной женщиной», император понимал, что вряд ли она будет вести в Париже спокойную и замкнутую жизнь. Скорее, вновь, как и в Лондоне, окажется в центре светской и дипломатической жизни, но теперь уже действуя абсолютно свободно.

САЛОН НА УЛИЦЕ СЕН-ФЛОРАНТЕН

Итак, проигнорировав требование вернуться в Россию, княгиня осталась в Париже и скоро стала вести привычный образ жизни. Созданный ею литературно-политический салон вскоре затмил по своей популярности даже знаменитый салон мадам Жюльетты Рекамье, возлюбленной Франсуа Рене де Шатобриана, славившейся умением соединять на своих приемах людей самой разной политической ориентации. Ливен возобновила свои прежние знакомства и завела новые. Ее близкими друзьями стали князь Шарль-Морис Талейран и герцогиня Доротея Дино, часто приглашавшие княгиню в велико-

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

лепный замок князя – Валансе. Ливен не могла не понимать, какова будет реакция императора, ненавидевшего этого политика и считавшего его заклятым врагом России.

С князем Талейраном, с которым Ливен была знакома еще со времен пребывания в Пруссии, она сблизилась в Лондоне: в 1830–1834 годах Талейран занимал пост посла Франции в Великобритании. В Лондон князь отправился не один, а в сопро-

П.-П. Прюдон.
Портрет
Шарля-Мориса
Талейрана.
1817 год

Дом на улице
Сен-Флорантен, 2
в Париже,
в котором
с 1812 по 1838 год
жил Талейран.
Позже
здание было
перестроено.
Конец XIX века

вождении красавицы Доротеи Дино, герцогини Курляндской (младшей сестры Вильгельмины Саган) и бывшей супруги его племянника Эдмона де Перигора. Со времен Венского конгресса Доротея была верной помощницей, секретарем и постоянной спутницей жизни великого дипломата. Вряд ли между двумя Доротеями установились отношения подлинной дружбы, скорее всего, они были подругами-соперницами.

В 1838 году Талейран умер, и герцогиня Дино решила продать его знаменитый особняк на улице Сен-Флорантен, где великий дипломат в 1814 году принимал императора Александра I. Покупателем стал банкир барон Джеймс Ротшильд, сдавший несколько комнат княгине Ливен (по этой причине Доротея Дино обиделась на Ливен, заявив, что тем самым она «закрывает для нее свои двери». — Прим. авт.). Ротшильды сразу же обосновались в особняке Талейрана, устраивали здесь роскошные приемы – в среднем четыре вечера в неделю, – и в дни приемов гости барона могли побывать и у княгини Ливен. Здесь Дарья Христофоровна прожила двадцать лет, ежедневно принимая гостей после полудня и по вечерам. Как было замечено журналистами, неслучайно княгиня обосновалась в доме, где прежде жил Талейран: она была его истинной наследницей. Видный французский политик тех лет Адольф Тьер называл ее салон «обсерваторией для наблюдений за Европой».

Итак, всего за два года пребывания в Париже княгиня добилась солидного положения. Она тщательно скрывала свои материальные и душевные заботы от всех, кроме одного человека. Им стал известный историк и влиятельный политик Франсуа Гизо. Их многолетней дружбе было суждено сыграть существенную роль в определенной стабилизации непростых русско-французских отношений. ❀

Окончание следует.

Его
императорское
высочество
великий князь
Алексей
Александрович.
1870-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

СОЖЖЕННЫЕ СТРАНИЦЫ

АВТОР

ДМИТРИЙ КОПЕЛЕВ

В 1872 ГОДУ, РАЗБИРАЯ СВОИ БУМАГИ, ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ СЖЕГ ПОСЛЕДНИЕ СТРАНИЦЫ ДНЕВНИКА, ПОСЧИТАВ, ЧТО НИКОМУ НЕ СТОИТ ИХ ЧИТАТЬ...

С ДЕТСТВА МЕНЯ ОЧАРОВАЛ прелестный особняк в глубине Коломны, у слияния Мойки и Пряжки – романтический и скрытый от чужих глаз за небольшим садом. Места здешние настраивали на декадентскую романтику в духе Пиранези: утративший божемный лоск Английский проспект с его когда-то фешенебель-

ными, а ныне заброшенными особняками, носивший в советские времена имя «кельтского» коммуниста Джона Маклина, цеха, верфи и склады Адмиралтейства на противоположном берегу реки, Новая Голландия, знаменитая «Пряжка», унылые доходные дома и пустыри. Название расположенного во дворце учреждения выглядело прозаич-

но: трест «Ленинградоргстрой». Впрочем, на «Ленинградоргстрой», по моему разумению, это творение Максимилиана Егоровича Месмахера, в те годы изрядно запущенное, тоже не походило. Скорее, напоминало потрепанный временем замок графа Монте-Кристо, словно перенесенный с Елисейских Полей на окраины Северной Венеции. О хозяине элегантного палаццо с гербом над дверным проемом, башенками и куполами, окруженного ажурной решеткой с монограммой «АА», мне было мало известно. О том, что спустя годы в моих руках окажется дневник его владельца, великого князя Алексея Александровича, я тогда не мог и подумать.

ХОЗЯИН ТАИНСТВЕННОГО ОСОБНЯКА

Писать биографию – дело, в чем-то сходное с работой переводчика. Расставляешь хронологические вехи, выстраиваешь линию исследования, погружаешься в контекст эпохи, пытаешься уловить черты героя и набросать его «портрет» – все, казалось бы, складывается. Правда, только до определенного момента. Первоначальный «эскиз» претерпевает постоянные изменения: всплывают неизвестные обстоятельства, противоречивые свидетельства современников фик-

Фотография М.Е. Месмахера, преподнесенная в дар Маргарите Петровне Даниловской, прабабушке автора

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

сируют детали, захватывают героя врасплох, внося диссонанс в уже, казалось бы, сложившийся «портрет». А если герой жил в переломную эпоху, то задача усложняется в сотни раз. Ведь нет ничего сложнее, чем кривая упадка. На излете Российской империи, в канун Февральской революции, этот «порочный» зигзаг истории зачастую персонифицировался с любимым дядюшкой Николая I, генерал-адмиралом флота великим князем Алексеем Александровичем, который, опершись на подушки, взирал из глубин своих роскошных особняков на прекрасных дев, осыпанных лепестками роз. Услады «красавчика Браммелла», самого «буффонадного» из глав российского флота, председательствовавшего в Императорском обществе покровителей балета, якобы обходились империи «в год по одному броненосцу». И сам «князь Цусимский, укравший больше, чем утопили японцы», заслужил злобные характеристики от своих современников. Жизнь его словно бы целиком составляли «вёрткие дамы и неповоротливые корабли». И сам он, колоритный, фактурный, выделялся на фоне других представителей дома Романовых: «Семь пудов августейшего мяса» – так саркастически «окрестил» его капитан первого ранга, организатор российского судостроения, управляющий Балтийским заводом Михаил Ильич Кази. Образ великого князя создан был, конечно, не-

утешительный. Особенно преуспел в его создании двоюродный брат нашего героя, конкурент по морскому ведомству, великий князь адмирал Александр Михайлович. «Одна мысль о возможности провести год вдали от Парижа заставила бы его подать в отставку, – писал он в своих «Воспоминаниях». – Но он состоял на государственной службе и занимал должность не менее, как адмирала Российского Императорского флота. Трудно было себе представить более скромные познания, которые были по морским делам у этого адмирала могущественной державы. Одно только упоминание о современных преобразованиях в военном флоте вызывало болезненную гримасу на его красивом лице. Не интересуясь решитель-

Дворец великого князя Алексея Александровича на набережной реки Мойки

Портрет великих князей Александра, Владимира и Николая Александровичей (слева направо). 1856 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Один из залов дворца великого князя на набережной реки Мойки

но ничем, что бы не относилось к женщинам, еде или же напиткам, он изобрел чрезвычайно удобный способ для устройства заседаний Адмиралтейств-совета. Он приглашал его членов к себе во дворец на обед и, после того, как наполеоновский коньяк попадал в желудок его гостей, радужный хозяин открывал заседание Адмиралтейств-совета традиционным рассказом о случае из истории русского парусного военного флота». Но, как сетовал герцог де Ларошфуко, человеку свойственно предаваться порокам. Во все времена он рождается своекорыстным, жестоким, развращенным. Возможно, будь перед нами приоткрыта история наших современников, мы бы меньше удивлялись и возмущались? Самое уязвимое в приведенных нами выше характеристиках – то, что они не показывают человека в его падениях или взлетах, а это серьезный недостаток. И второй важный момент, зачастую ускользающий от современников: много ли они могли знать о повседневной жизни августейшего принца из Зимнего дворца, закрытой для посторонних глаз? Иногда, впрочем, муза Клио проявляет благосклонность к своим служителям и преподносит им бесценные дары. В 2006 году в ходе планового просмотра фонда гофмейстера двора, коллекционера-благотворителя

князя Николая Борисовича Юсупова в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки научные сотрудники Юсуповского дворца обнаружили толстую тетрадь в переплете шоколадного цвета с золоченой монограммой «АА» на обложке и позолоченным замочком. Принадлежал «журнал» великому князю Алексею Александровичу. Несколько его страниц уже были известны, записи дневника за 1869–1870-е годы хранятся в Москве, в ГАРФе. И вот теперь записки великого князя предстали во всей полноте. Родился великий князь Алексей, четвертый сын наследника-цесаревича Александра Николаевича, 2 января 1850 года. В 1855-м его отец вззошел на престол под именем Александра II.

«Журнал» свой великий князь, с рождения определенный к военно-морской службе и зачисленный в Гвардейский экипаж, начал вести в 1862 году, было ему тогда 12 лет. И в первых записях признался, что решил писать его, подражая старшим братьям. Вел он его почти полвека – с 1862 по 1907 год. Приступил к работе юный великий князь с ответственностью, стараясь не упустить ни малейшей детали. Первые шесть лет (с 1862 по 1867 г.) он аккуратно, день за днем, заполнял «журнал», чисто, разборчивым почерком, иногда сопровождая записи забавными рисунками. Порой занятие это ему надоедало, и тогда «журнал» откладывался в сторону, но через какое-то время князь неизменно к нему возвращался и дотошно «отчитывался» за пропуски, подробно описывая последние события.

«Я ЖИВУ КАК МАШИНА»

Trahit sua quemque voluptas. Если довериться Вергилию, то каждого влечет его собственное желание, а также и своя цель, свои тайные вкусы, свои стремления, свое честолюбие и амбиции. Судя по «журналу», подростковый мир романтического князя Алексея, которого родные прозвали Сенчик, был запутан и сложен, идеалы свои

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Великий князь
Алексей
Александрович
в молодости

Из дневника
великого князя.
Обложка,
титульный лист.
Осенью
1862 года
великий князь
изобразил свою
ванную комнату
и спальню
во дворце
в Царском Селе.
«Я на Кабане».
Рисунок
А.Б. Перовского

он нащупывал, погружаясь в мечты, поверяя соображения дневнику. Однажды, например, «по причине дурных уроков» он был лишен обеда и, разобиженный, заперся в своих покоях. Ему было «все равно, потому что надоело ужасно – и замечания, и наказания, так что я становлюсь совершенно хладнокровен ко всему окружающему. Я столько имел неприятностей в последнее время от уроков, что я устал от этого всего и посылаю всех к черту!!!!» Вразумлять великого князя отправился строгий отец-император, и разговор с сыном вышел у него тяжелый: «Он говорил мне, как стыдно, что я так плохо учился последнее время; как это его огорчает, потому что если я так буду продолжать, то из меня ничего путного не выйдет, и что только нашим образованием, и службою мы можем возна-

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

градить то, что мы родились великими князьями». О том, каково это – быть великим князем, Алексей думал не раз. 28 апреля 1866 года, впав в меланхолию, он признался в дневнике: «Я часто задумывался последнее время и мысленно смотрел на прошедшую мою жизнь, и, право, чем я больше размышляю, тем мне больше кажется, что я живу как машина, т.е. так однообразно, по заведенному порядку, так мало цели в моей жизни; ничего меня особенно не занимает, не интересует; мне никогда не бывает очень скучно, никогда особенно весело, конечно были дни приятные и даже очень, но их считаю я за исключение. Однако все люди более или менее так живут, поэтому я не отчаиваюсь, а пробиваюсь, как могу». Глагол «пробиваться» выглядит диссонансом в традиционных представлениях о великокняжеских детях. В действительности в словах его августейшего отца содержалось немало горькой правды. Чтобы стать великим князем, нужно все время прилагать максимум усилий, потому что ты – не сам по себе, а лицо государства, и первые аксиомы твоего жизненного уклада – долг и трудолюбие. Поэтому учеба всегда стояла на первом месте. Каждый день у великого князя – уроки, иногда «не хорошие», чаще – «очень хорошие». Но прилежности в науках ему всегда не хватало. «Занимаюсь много и довольно скверно, что делать, такая дурацкая нату-

ра, ужасно ленив, сам вижу, да трудно поправиться», – признался князь Алексей в мартовской записи 1867 года. Самое интересное начиналось после уроков. Прогулки, игра в кегли и крокет, охота, балы, гулянья и походы в гости. «Весь остальной день обедал у дяди Кости, после обеда мы бегали в залах и играли <...> Потом нам читали Тараса Бульбу, по окончании чтения мы пили чай, и потом я уехал домой, чтобы успеть проститься с Мама, потому что она хотела уехать на бал» (2 февраля 1862 г.). Через день – вновь «поехал в Мраморный дворец поздравить дядю Костю с рождением Веры (великая княжна Вера Константиновна, дочь ве-

Санкт-Петербург,
Новое
Адмиралтейство

Феодосий
Федорович
Веселаго
(1817–1895),
историк военно-
морского флота,
генерал

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

ликого князя Константина Николаевича. – Прим. авт.). Приехал домой, приготовлял уроки, которые остались от субботы». Однако и эти занятия зачастую не выходили за рамки обыденности. А вот ночная гребля по царскосельскому озеру и чай при лунном свете или забавные мопсы радовали до глубины души. Правда, иногда из-за собачек происходили неприятности. 8 сентября 1862 года, приехав в Новгород на празднование тысячелетия Руси, в годовщину битвы на Куликовом поле, совпавшую с днем рождения старшего брата, Николая, Алексей, «выходя из комнат, увидел мопса и поцеловал его. Он укусил меня прямо в щеку, она опухла и посинела, послали за доктором Карелем (Филипп Яковлевич Карелль, лейб-медик Александра. – Прим. авт.), он сказал, что это ничего». После службы в Софийском соборе император с семьей и духовенством проследовали к памятнику: «Все стояли на коленях и даже весь народ и войско. Потом все встали, и войско отдало честь и все кричали «Ура!». Памятник очень хорошо удался и очень красив». На второй день новгородское дворянство давало бал, но щека у 12-летнего мальчика распухла, и пойти на праздник он не смог. Разнообразие в жизнь великого князя вносили частые походы в Адмиралтейство и обучение военно-морским наукам. К морю великий князь пристрастился рано и обожал плавать по Балтике, стоять вахты и мастерить что-то на верфях. Но, будучи немногим «бирюком», лишних глаз не любил и предпочитал, чтобы ему не мешали заниматься любимым делом. Поначалу, конечно, ему пришлось смириться с вниманием окружающих: «В два часа я был в Новом Адмиралтействе – опять смотрел в новостроящиеся суда, только что мы приехали, как побежал один матрос и через несколько минут со всех сторон поскакали офицеры, это очень скучно, признаться сказать». К своей будущей миссии моряка Алексей Александрович от-

носился со всей серьезностью и ответственностью, быстро усвоив, как тяжела корабельная повседневность. В теоретических дисциплинах приходилось продираться с усилиями, а вот практические штудии пришлись августейшему подростку по нраву. Он не отходил от кораблей: все время что-то «тесал», «стругал», «сверлил дырья для болтов и ковал», красил борта кораблей, шил паруса, делал мачты и даже мастерил собственную шлюпку. За занятиями князя Алексея в Адмиралтействе присматривали суровые морские волки: обстоятельный ученый-историк Феодосий Федорович Веселаго преподавал ему навигацию, а виртуоз-маринист Алексей Петрович Боголюбов, прошедший военно-морскую службу, обучал его рисованию. Состоял при Алексее Александровиче и строгий остзеец Николай Густавович фон Шиллинг. Впоследствии, во время Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, барон удостоился Золотого оружия «За храбрость» и вписал свое имя в плеяду русских полярных исследователей: он проанализировал движение льдов в западной части Северного Ледовитого океана и на основе сделанных вычислений предположил, что к северу от Шпицбергена скрывается неизвестная земля. Опубликованных им в 1865 году «Соображений о новом пути в Северном полярном море» оказалось недостаточно для организации русской полярной экспедиции. Но правоту воспитателя великого князя доказала австро-венгерская экспедиция Карла Вайпрехта и Юлиуса Пайера 1871–1874 годов, открывшая архипелаг Земля Франца-Иосифа. Общее же руководство занятиями великого князя находилось в руках его попечителя – мореплавателя и ученого Константина Николаевича Посыета. Это был великий знаток океана, блестящий артиллерист и участник легендарного плавания на фрегате «Паллада» в Японию. В том плавании он сдружился с Иваном Александровичем Гончаровым,

Константин Николаевич Посыет (1819–1899), адмирал, мореплаватель, министр путей сообщения

посвятившим этому путешествию свой знаменитый дневник «Фрегат «Паллада». Вместе с «Обыкновенной историей» и «Обломовым» «Фрегат «Паллада» составлял большую часть чтения великого князя, и, думаю, подобное приобщение к творчеству Гончарова не обошлось без участия Константина Николаевича. Мопсы, визиты, море! Что еще составляло круг любимых занятий великого князя? В июне

1864 года, томясь в ожидании морского путешествия, он размышлял о своих пристрастиях: «Я долго думал, которое из времен года мне самое приятное, и решил, что зима. Тогда нам больше праздников, театр, вечера, Таврида, одним словом, все, что нравится и что хочешь, хотя очень много и скучного. Скука всегда меня преследует, или все равно, или скучно, мало, что веселит, хотя бывает и то».

Согласитесь, портрет понемногу складывается. И вот в нем появился еще один дополнительный штрих – Таврида. Так назывался шумный каток с горками в саду Таврического дворца в Петербурге, превратившийся в 1850-е годы в одно из самых богемных мест в столице. Едва начинало подмораживать, сюда устремлялись многочисленные любители «конькобежного спорта», игры в мяч и катания на зимних санях: великие князья и великие княжны, придворные, адъютанты, фрейлины и представители петербургского бомонда. Моду на Тавриду ввел старший брат Сенчика, цесаревич Николай Александрович, и, судя по воспоминаниям князя Владимира Мещерского, в середине дня здешний каток превращался в зимнюю придворную Мекку, посещать которую счита-

Барон Николай Густавович Шиллинг (1828–1910), русский военно-морской деятель, первопроходец Северного Ледовитого океана

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

лось знаком хорошего тона: «Стариками, старухами, зрелыми и незрелыми овладела лихорадочная страсть покупать коньки, надевать их, скакать в Таврический сад, падать раз двадцать в минуту и т.п. Нашлись люди, которые по утрам после чая или кофе вместо чтения газет или служебных занятий надевали коньки и летали по всем комнатам под предлогом приготовления к Таврическим катаниям».

Пускали на «ледовую арену» только по специальным билетам от Канцелярии Министерства императорского двора. Случайные люди попасть в Тавриду не могли, все знали друг друга и приходили в заснеженный парк словно бы в золоченые гостиные и роскошные особняки. Светская молодежь любовалась очаровательными девушками и флиртовала со своими избранницами; почтенные отцы уединялись по случаю обсуждения нового политического курса и ради деловых бесед, а их дражайшие супруги, обрядившись в меха, делились последними парижскими новостями. Словом, обстановка здесь для великого князя Алексея сложилась подходящая: все жило в лихорадке тщеславия, в дурмане непрерывных развлечений. Отличные декорации для романа!

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

АЛЕКСАНДРА

Первый намек на любовное увлечение появился в дневнике 6 ноября 1864 года. В два часа дня, прогуливаясь в парке, великий князь столкнулся с двумя молоденькими фрейлинами. Одной из них была Александра Жуковская, дочь поэта Василия Андреевича Жуковского, «с которой я тут же познакомился». На следующий день он попал на «гусарский

Фрейлина
Александра
Васильевна
Жуковская
(1842–1899)

Каток
в Таврическом
саду

бал» – там было «много дам», и великий князь танцевал с Жуковской третью кадрили. Ему было 14 лет, ей уже исполнился 21 год.

Следующая запись последовала вечером 17 ноября, после посещения Тавриды. Среди «фигуристок» оказалась все та же Александра Жуковская. С ней приехала и близкая ее подруга – Мария Мещерская, в которую был «почти влюблен» старший брат Алексея, Александр. Да нет, тут же поправился князь Алексей, «не почти, а совершенно. Она тоже не всегда остается равнодушной, но более по кокетству».

Алексей все больше подпадал под чары своей избранницы: любовался ею издали, не решаясь заговорить, конфузился и грезил. Прошел целый год, прежде чем стеснительный юноша сделал признание, пока еще, правда, только самому себе: «Часто обедаю у Мамаи Папа, два раза в неделю обедаю у Мари (великая княгиня Мария Александровна, старшая сестра Алексея. – Прим. авт.), где бывает иногда Жуковская, которая мне начинает очень нравиться, она довольно умна, весела и натуральна, хотя не особенно красива». Он был самым младшим в этой «компании влюбленных»: в чем-то, кстати, очень походил на будущего императора – голосом, речью, статью, был столь же скромен и разумен. Но совсем еще подросток – впечатлительный, молчаливый и немного рассеянный. Удобное «прикрытие» для старшего брата: Сенчик словно бы исполнял функции вестового при влюбленных, был всегда рядом. «Что касается до меня, то я нахожу, что гораздо приятнее быть с ними, чем с какими-нибудь старухами», – фыркал великий князь, когда один из его воспитателей, генерал-лейтенант Николай Павлович Литвинов, утверждал, что общение с пожилыми дамами ему «приносит пользу». Какая от них может быть польза, – вопрошал

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Лёля, живущий в мире собственных грёз и готовый хоть вечность ждать удобного случая, чтобы полюбоваться «миллой Сашенькой». На катке ли, в гостиной, во время прогулки или «в собрании, где рисовал на избранные сюжеты М.Э. Мещерской и Жуковской, вообще, я был в духе целый день». Нашелся и еще один предлог для «свиданий»: излюбленное развлечение Зимнего дворца – постановка «живых картин», во время которых прелестная Александра нередко выступала примой, сумев тронуть сердце и воспитателя великого князя, художника Алексея Боголюбова: «Я имел хороший этюд грота св. Розалии в Палермо. Сделал эскизы, декорации прекрасно написал мой товарищ Бочаров, пригласил к участию самых красивых девиц высшего круга. Тут была г-жа Ланская, впоследствии г-жа Шипова-Скобелева, потом княгиня Белосельская, кн. Барятинская, урожденная гр. Стенбок, князь Владимир Анатольевич Барятинский, князь Голицын, камергер Цесаревича, граф Нирод и пр. и пр. Все это было одето в роскошные итальянские костюмы. Тут были англичане с красной книжкой Бедекера и народ. Гробница св. Розалии была написана тоже с натуры, и на церковном аналое стояли канделябры, лежала книга Евангелие и стоял крест. Для довершения иллюзии при поднятии занавеса с аккомпанементом органа раздалось пение г-жи Латошацкой «Аве Мария» Гуно. И когда занавес упал, то восторг был всеобщий. В числе зрителей была Государыня императрица Мария Александровна, которая 3 раза просила повторить картину и по окончании вечера подозвала меня к себе, благодарила и ласково заметила: «А крест и книгу лучше бы было не вводить в обстановку». Далее шла картина «Ангел», взятая из поэмы Лермонтова «По небу полуночи...». Здесь позировала А.В. Жуковская. Поза была

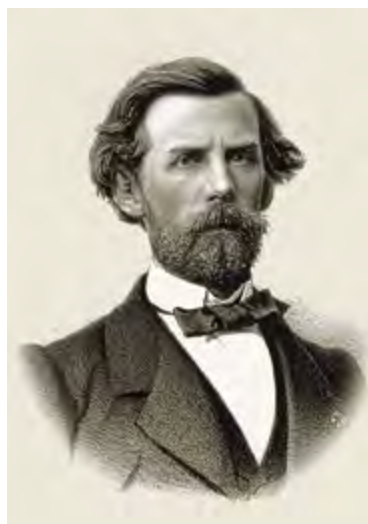

А.П. Боголюбов.
Грот св. Розалии
в Палермо.
1869 год

весьма трудная, ибо приходилось быть подвешенной на воздухе на железных скобах, протянутых через облачную декорацию. При этом опять был слышен романс и стройный его аккомпанемент, произведший общее одобрение». Среди зрителей Боголюбов упомянул князя Владимира Барятинского. Вот уж кто стал воистину «сущим наказанием» для великого князя. Одно лишь упоминание его имени заставляло влюбленного скрежетать зубами от бессилия. В дневнике запись о нем впервые появилась 6 декабря 1865 года, после разговора с Алек-

сандрой на катке в Тавриде: «Она меня спрашивала, был ли я когда-нибудь влюблен или нет, и когда я отвечал утвердительно, она не хотела верить, говоря, что я слишком молод для этого. Она мне тоже призналась, что была очень влюблена эту весну в Владимира, но, что, так как он к ней переменился, она тоже охладела. Я ей обещался сказать первый раз, когда я буду в кого-нибудь влюблен; надо будет сдержать свое слово; что делать!!!» Поверил ли великий князь признанию Жуковской? Или счел это женской уловкой? Но, во всяком случае, теперь он знал о наличии соперника – молодого красивого офицера, ровесника Жуковской. Пилюлю не подсластило даже известие о переезде Жуковской в Зимний дворец. Ведь и соперник, входивший в окружение старшего брата, теперь тоже мог видеть ее чаще. 9 декабря в компании с Мещерской и Жуковской великий князь отправился на каток. Здесь, как назло, оказался и Барятинский. Рвотным порошком великий князь вписал в «журнал», что Барятинский «влюблен почти в Жуковскую» – и, о ужас! – «надевает ей коньки, катает в креслах

Художник
Алексей
Петрович
Боголюбов.
Литография
из «Русского
художественного
листа»
В.Ф. Тимма.
1861 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

и только и занят ею, она тоже не слишком равнодушна». Запись, сделанная в феврале 1866 года: «Я разговаривал с Жуковской, которая сказала мне, что очень сожалеет об отъезде Барятинского в Ташкент; я пожал плечами и пошел прочь. Не думаю, что этот последний женится на ней, хотя они друг друга любят, но он не имеет ничего, кроме почти двух миллионов долга, который сделали его отец и мать. Жуковская тоже не богата, а теперь, говорят, очень трудно жить без денег». Отец князя Владимира, Анатолий Иванович Барятинский, свитский генерал и командир лейб-гвардии Преображенского полка, был сердечным и отчаянно храбрым человеком, но о мотовстве его слагались легенды, он «жил в долгу как в шелку». Император Александр II неоднократно платил его долги, но князь, не имея гроша в кармане, продолжал мотать деньги беспрерывно. Несколько лет сряду он в Петербурге давал на Масленице завтраки с танцами, а когда командовал в Царском Селе стрелковым батальоном, приезжал вечером в Петербург в оперу в особом поезде, заказанном на железной дороге исключительно для себя. Эта роскошь, которой не позволяли себе и люди, имеющее хорошее состояние, стоила ему по сорока рублей серебром на вечер».

Княжна Мария Элимовна Мещерская, в замужестве княгиня Демидова-Сан-Дonato, фрейлина императрицы Марии Александровны. Первая любовь императора Александра III

Под стать мужу была и матушка князя Владимира. Светская львица и красавица Олимпиада Владимировна Барятинская (урожденная Каблукова) в свое время вскружила голову императору Александру II, но, по мнению князя Петра Долгору-

Из дневника великого князя. Грёзы любви

кова, являла собой «смесь глупости с хитростью самую пронырливой; никто лучше нее не знал, с кем для выгод ее полезнее поговорить, улыбаться, любезничать. Весьма красивая лицом, но без всякого образования, она соединяла в себе всю пошлость горничной с самыми забавными притязаниями на разыгрывание роли знатной дамы».

Так что пока князь Владимир штурмовал Ташкент, великий князь мог вздохнуть спокойно. В один из мартовских дней он, погрузившись в меланхолию, вписал в «журнал» строки Афанасия Фета: «Шепот, робкое дыханье, // Трели соловья, // Серебро и колыханье // Сонного ручья, // Свет ночной, ночные тени, // Тени без конца, // Ряд волшебных изменений // Милого лица, // В дымных тучках пурпур розы, // Отблеск янтаря, // И лобзания, и слезы, // И заря, заря!..» А затем на пустой странице вписал: «Не знаю, что написать».

Летом 1866 года вместе со старшим братом, Александром, юный Алексей отправился в дальнее плавание. С грустью узнав о предстоящей разлуке, Жуковская подарила ему на прощание «маленький крестик, который я буду носить». Между тем внутри «компании влюбленных» разыгралась настоящая сердечная драма: роман «Саша» с Мещерской не по их воле завершился. После кончины в 1865 году цесаревича Николая Александр стал наследником престола. Вопрос о его женитьбе вышел на первый план, а в вопросах государственной политики чувства наследника никого не волновали. Александру предстояла помолвка с бывшей невестой Николая – датской принцессой Дагмарой, и разлука с Мещерской была делом решенным. «Мне ее жаль, – записал в дневнике Алексей. – Я думаю, что ей остается только один месяц быть с Сашей, а потом он уедет в Данию». Мог ли знать великий князь, что драма

старшего брата вскоре повторится – теперь уже с ним.

В декабре вернулся из похода князь Барятинский, «но Жуковской вероятно прочли нотацию, и она не смеет ни говорить, ни танцевать с ним, только издали они друг другу делают нежные глазки». Но узнать о том, что чувствовал по этому поводу великий князь Алексей, у нас не получится. Записей в «журнале» становилось все меньше и меньше: в 1868–1869 годах они фактически прекратились. В них только лаконичная информация: у Саши родился сын Николай (Николай II. – Прим. авт.), плывал по Волге, Каспию, Средиземному и Северному морям. И больше ничего, в том числе и об Александре Жуковской.

Но часть дневника, хранящаяся в Москве и обращенная прямо к Жуковской, дополняет картину. За сотни километров от любимой, под Казанью, великий князь вспоминал «о вечерах у гр[афини] Тизенгаузен и возвращение домой. Вспомнил я твою маленькую комнату, где мы, бывало, так часто сидели, и стало мне опять тяжело одному и захотелось во что бы то ни стало написать тебе, но потом я вспомнил, что это невозможно, и я скучный и печальный пошел спать, но долго не мог заснуть, и хотел я тебя видеть, с тобой забыть весь мир, тебя одну хочу я, и отняли тебя у меня, и проклинал я всех людей и всех, всех на свете». В редких сохранившихся письмах к «маленькой женушке» – та же тональность. Вот одно из них, написанное в июле 1869 года: «Ночью с 12-го на 13-е я писал тебе письмо, прости мне, если оно было слишком безумное, но я не мог иначе писать, со мною Бог знает, что делалось, после того как я прочел твое письмо, все чувство, которое когда-либо было в моей душе к тебе, все оно поднялось и заговорило так сильно, что я думал, что сойду с ума. Я написал тебе всю правду, потому что я фраз писать не умею, я написал тебе

А.К. Бенгров.
На палубе
фрегата
«Светлана».
1884 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

все душевные мысли, которые я думал прежде никому не говорить. Мне было больно, мне было ужасно думать, что я должен уехать от тебя, и я не знаю, увижусь ли с тобой еще раз в жизни. Я еще раз тебе повторяю, что ты моя гордость, ты моя святаяня».

Но и со старым своим, заветным «журналом» Алексей Александрович не расставался – держал его при себе. В 1872 году, во время кругосветного плавания на фрегате «Светлана», вдруг, неразборчиво, одним махом, исписал одну за

другой пять страниц. Четыре безжалостно вырезал. А в маргиналии вписал: «Страницы сжег, они были мне дороги, но для других не нужны». Ему было «почти 23 года». «Не дай Бог кому-нибудь перенести через то, что я в последнее время перенес, даже врагу своему не пожелаю этого. Боже, что я предстрадал в последнее время, да и не в последнее время, а в продолжении 4-х лет. Сожалею я, что не умею хорошо писать, а то бы...». Дальше текст оборвался. И можно только гадать почему!

В 1871 году Алексей объявил родителям о желании жениться на Жуковской, которая ждала от него ребенка. Поговаривали, что влюбленные готовились бежать за границу и тайно обручились. По Петербургу ходили слухи, что брат Александры, Павел, явился к великому князю и вызвал его на дуэль. Александр II запретил сыну принять вызов, Жуковский протестовал. Разгорелся скандал. Взбешенный император потребовал от сына разорвать отношения с фрейлиной. А затем под предлогом «завершения морского образования» его отправили в долгое плавание. Великий князь был в отчаянии, слал письма в Петербург, надеясь растопить сердца родителей: «Мама, ради Бога, не губи меня, не жертвуй своим сыном, прости меня, люби меня, не бросай в ту пропасть,

Флигель-
адъютант князь
Владимир
Анатольевич
Барятинский.
1880 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

откуда мне не выйти...» «Ты понимаешь ли, что такое чувства? Иметь жену, иметь дитя, и бросить их. Любить больше всего на свете эту женщину и знать, что она одна, забыта, брошенная всеми, она страдает и ждет с минуты на минуту родов. А я должен оставаться какой-то тварью, которого называют великим князем и который поэтому должен и может быть по своему положению подлым и гадким человеком. И никто не смеет ему этого сказать. Дай мне лучше надежду. Я не могу так жить, клянусь тебе Богом. Помогите мне, возвратите мне честь и жизнь, она в ваших руках». Все мольбы были тщетны. Затравленную Жуковскую выслали за границу – в австрийском Зальцбурге 14 ноября 1871 года она родила сына, назвав его Алексеем. Затем вышла замуж за барона Кристиана Генриха фон Вермана. За ней была уста-

новлена постоянная слежка. Великий князь возлюбленную, конечно, обеспечил, приобретя для нее виллу Седжиано под Венецией. Признал он и сына, удивительно на него похожего, назначив ему неприкосновенный капитал в 100 тысяч рублей серебром и добившись, чтобы его удостоили титула графа Белёвского-Жуковского – по названию Белёвского уезда Тульской губернии, где родил-

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Император
Александр II
с семьей.
1870 год

Граф Алексей
Алексеевич
Жуковский-
Белёвский,
сын великого
князя Алексея
Александровича
и фрейлины
Александры
Васильевны
Жуковской

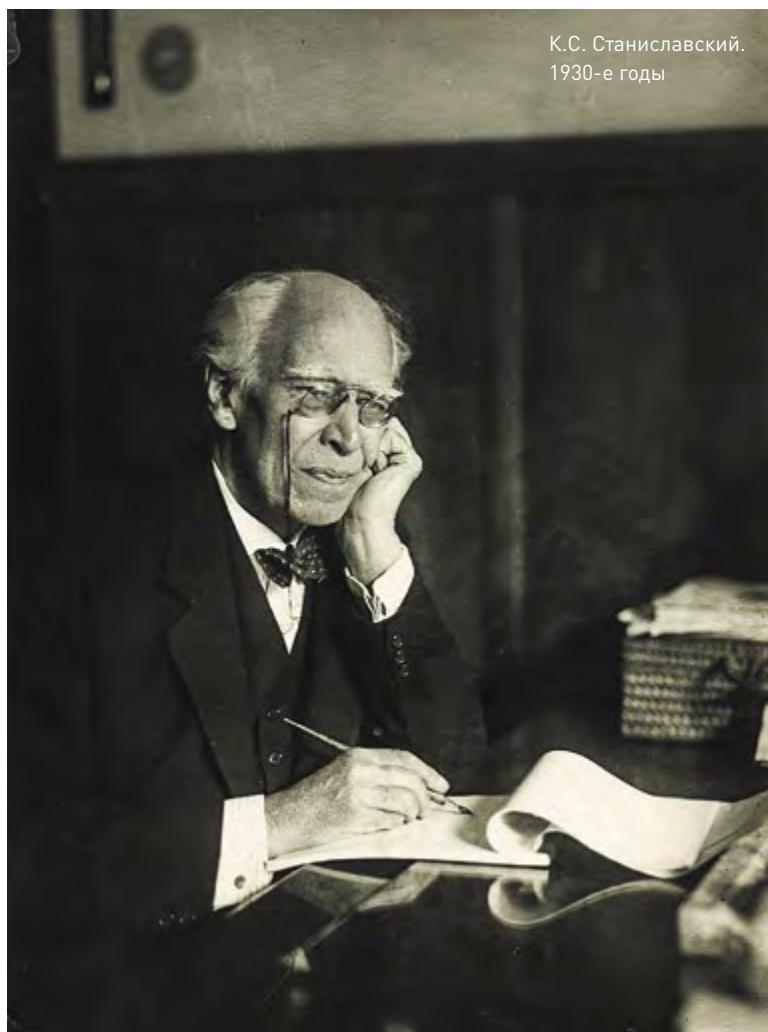
ся его знаменитый дед – Василий Андреевич Жуковский. Сам же так и остался холостяком, а в 1899 году неожиданно извлек из секретера старый дневник и вписал в него:

*Non la conobbe il mondo mentre l'ebbe:
conobbil'io, ch'a pianger qui rimasi,
e 'l ciel, che del mio pianto or si fa bello.*
(«Не узнал ее мир, пока ее имел,
узнал я, плакать здесь остав-
шийся, // Их безутешный плач
извне услышать трудно, // Он
глубоко во мне, а я от горя
глух, // И впредь мне горевать
и впредь страдать от ран». –
Перевод А. Ревича).

Это был сонет Петрарки на смерть Мадонны Лауры: 14 сентября 1899 года Александра Жуковская скончалась.

В 1907 году, незадолго до смерти, великий князь Алексей Александрович вновь взял в руки «журнал» и сделал в нем последнюю запись... ❶

Продолжение следует.

К.С. Станиславский.
1930-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

ЧЕЛОВЕК, ИСКАВШИЙ ПРАВДУ

АВТОР
МАРИНА ЯРДАЕВА

ОН В ТЕАТРЕ ВСЕ РАВНО ЧТО ЭЙНШТЕЙН – В ФИЗИКЕ. ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЬ И ВООБЩЕ ГЛЫБА. ТАКОВО ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О НЕМ В МАССАХ. ПРИ ЭТОМ КАК ЭЙНШТЕЙН УКЛАДЫВАЕТСЯ ДЛЯ ОБЫВАТЕЛЯ В ФОРМУЛУ ИЗ ТРЕХ БУКВ – СИМВОЛ ТЕОРИИ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ, ТАК И ЭТОТ ГЕНИЙ УВЕКОВЕЧЕН ВСЕГО В ОДНОЙ ЕМКОЙ ФРАЗЕ: «НЕ ВЕРЮ!»

А ВЕДЬ СТАНИСЛАВСКИЙ прожил огромную и насыщенную жизнь, многое видел, еще больше понял. Это не только человек огромного дарования, но и летописец великой эпохи, ее пульс и нерв. О себе, своем времени, известнейших людях своего века он рассказал в своих воспоминаниях, письмах и эссе... В январе 1863 года в Москве в семье фабриканта Сергея Владимировича Алексеева и дочери купца Елизаветы Васильевны (урожденной Яковлевой) родился мальчик Костя. Родился он в безумно интересное время, когда все стремительно менялось: уже отменили крепостное право, но еще не сдавался старый барский уклад, по разбитым дорогам еще дребезжали тарантасы, но уже активно прокладывались железные дороги. Во всех сферах жизни – общественном устройстве, науке, искусстве – все влеклось к новому, неизвестному.

Многодетная семья Алексеевых тоже всем интересовалась. Отец был из породы тех купцов, что покровительствовали искусству и просвещению. Он состоял в родстве и дружбе с известными меценатами Саввой Мамонтовым и братьями Третьяковыми. Мать, будучи дочерью француз-

Мари Варлей, бабушка К.С. Станиславского с материнской стороны

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Сергей Владимирович Алексеев,
отец К.С. Алексеева. 1884 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Елизавета Васильевна Алексеева,
мать К.С. Алексеева. 1885 год

ской актрисы Мари Варлей, конечно, любила театр. Само собой, детям стремились дать блестящее образование, привить хороший вкус. С самого детства Костю, его братьев и сестер (всего в семье было 10 детей) вывозили в оперу и театр, водили на выставки. Театр устраивался и дома. Сначала единичные спектакли, потом в доме выделили под любительские представления отдельное помещение, а еще позже оборудовали под сцену флигель в подмосковной усадьбе Любимовка.

ТВОРЧЕСКИЙ ПОИСК

Театральный дебют Кости Алексеева случился, когда ему было не то 3, не то 4 года. Ставили живые картины «Четыре времени года». Мальчику выпало изобразить зиму. «На полу, укутанный в шубу, в меховой шапке на голове, с длинной привязанной седой бородой и усами, постоянно всползавшими кверху, сидел я и не понимал, куда мне нужно смотреть и что мне нужно делать», – вспоминал позже Станиславский. Перед мальчиком зажгли свечу, скрытую в хво-

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Константин
Алексеев
(справа)
с братом
Владимиром

Любимовка.
Здание театра

росте, изображавшем костер, в руки дали деревяшку, которую нужно было как будто совать в огонь. Это казалось бессмысленным. «Зачем как будто, если я могу по-всамделишному?» – недоумевал юный актер. «Не успели открыть занавес на бис, как я с большим интересом и любопытством потянул руку с деревяшкой к огню. Мне казалось, что это было вполне естественное и логическое действие, в котором был смысл. Еще естественнее было то, что вата загорелась и вспыхнул пожар». Кажется, именно тогда стала зарождаться знаменитая система Станиславского, отвергающая любую наигранность.

Дальнейшая судьба Константина Алексеева должна была продвигаться по известной схеме: домашнее обучение, классическая гимназия, университет. Увы, учеба в гимназии давалась непросто. Юноша обнаружил у себя чудовищный для актера изъян – плохую память. И попытки выхода из этого тупика позже также отразятся на его системе. Ведь будущее свое он уже отчетливо связывал со сценой.

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

С 1877 года в доме гимназиста функционировал театральный «Алексеевский кружок», в котором Костя вместе с братьями и сестрами, а также приглашенными артистами-любителями оттачивал свое актерское мастерство. После гимназии молодой человек поступил в Лазаревский институт восточных языков, однако через три года оставил учебу. Жизнь словно раздвоилась. С одной стороны, Константин Алексеев принялся за работу в конторе золотоканительного товарищества «Владимир Алексеев» под началом своего дяди (позже это предприятие объединилось с фабрикой отца). С другой – молодой человек продолжал отчаянные поиски своего места на сцене. Актер и режиссер рождался в муках. Очень долго Алексеев не хотел признавать своего настоящего амплуа, он то грезил о героях-любовниках, то, как и каждый начинающий лицедей, замахивался на Гамлета, обманываясь лестью публики, состоявшей преимущественно из родных и друзей. Перелом случился в 1884–1885 годах. Тогда молодой актер почувствовал первую уверенность и в знак отделения подлинной жизни в искусстве от другой, более приземленной, взял сценический псевдоним, став Константином Станиславским.

Впрочем, две жизни сливались в одну в общественной деятельности. По сложившейся традиции представителю купеческого сословия, претендующего на что-то большее, чем умножение капитала, следовало взять на себя какую-нибудь социальную нагрузку: быть попечителем училища или гласным Думы. В 1886 году Константин Сергеевич стал членом дирекции Московского отделения Русского музыкального общества. Союз этот объединял талантливейших музыкантов: Петра Чайковского, Сергея Танеева, Антона Рубинштейна. Молодой общественник был несказанно счастлив, что имел возможность видеть таких мастеров, разговаривать с ними, помогать их делу жизни.

Владимир Сергеевич Алексеев в Любимовке

А в 1888 году Станиславский открыл и возглавил Московское общество искусства и литературы (МОИИЛ). Оно образовалось благодаря встрече с режиссером Александром Федотовым. Константин Сергеевич играл в его постановке «Игроков» по Гоголю. Спектакль имел успех, молодой актер в нем раскрылся. Станиславский отмечал, что работа с Федотовым стала для него одной из лучших школ. И не только для него. Артисты не хотели расходиться после отличной игры, идея объединения в какой-ни-

Мария Петровна Лилина. 1900-е годы

будь союз витала в воздухе. А молодой фабрикант по случаю как раз получил крупную сумму, все деньги он решил потратить на учреждение общества. Как сказали бы сейчас, инвестировал в себя и товарищей. За десять лет работы МОИИЛ Станиславский стал известным актером, его сравнивали со звездами императорской сцены, причем нередко не в их пользу. А с 1891 года он официально взял на себя руководство режиссерской частью. Под его началом были поставлены «Уриэль Акоста» Карла Гуцкова, «Отелло», «Польский еврей» Эркмана-Шатриана, «Много шума из ничего», «Двенадцатая ночь», «Потонувший колокол».

К каждому спектаклю Станиславский готовился особым образом. Например, костюмы и реквизиты для «Отелло» покупались в Венеции и Париже. Он путешествовал по Европе с молодой женой, актрисой Марией Лилиной, но думал не о романтике, а, кажется, только о предстоящей постановке. «С утра до ночи мы с женой бегали по музеям Венеции искали старинные вещи, зарисовывали костюмы с фресок, покупали отдельные части обстановки, парчу, шитье и даже мебель. <...> В одном из летних ресторанов Парижа я увидел Красавца-араба в национальном костюме и познакомился с ним. <...> Узнав, что я интересуюсь его костюмом, араб снял верхнюю одежду, чтобы я мог сделать с нее выкройку. Я заимствовал также от него несколько поз, которые мне показались типичными», – вспоминал режиссер. А потом были тяжелые, до глубокой ночи, до удушья и сердцебиения, репетиции. Подготовка отнимала все силы и шла тяжело. И, увы, спектакль, несмотря на то, сколько в него было вложено труда, прошел почти незамеченным. Для Станиславского это был удар. Но вместе с тем и наука. Он учился на ошибках, перерастал каждый раз самого себя. В конце концов опыт работы в МОИИЛ подготовил прекрасную почву для создания Московского художественного театра (МХТ).

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Вл.И. Немирович-Данченко
и К.С. Станиславский в группе
артистов МХТ

НОВЫЙ ТЕАТР

В июне 1897 года случилась знаменательная встреча Константина Станиславского с Владимиром Немировичем-Данченко. Последний, будучи драматургом, преподавателем Музыкально-драматического училища Московского филармонического общества, знал много талантливых актеров и новых писателей, но не видел возможностей для раскрытия их талантов без реформы театра. Он угадал в Станиславском те же воззрения и предложил ему встретиться и обсудить будущее русского театрального искусства. Встреча состоялась в «Славянском базаре», продолжалась несколько часов и запомнилась

невероятными диалогами. Их фрагменты Станиславский приводит в книге «Моя жизнь в искусстве»:

«— Вот вам актер А., — экзаменовали мы друг друга. — Считаете вы его талантливым?»

— В высокой степени.

— Возьмете вы его к себе в труппу?

— Нет.

— Почему?

— Он приспособил себя к карьере, свой талант — к требованиям публики, свой характер — к капризам антрепренера и всего себя — к театральной дешевке. Тот, кто отравлен таким ядом, не может исцелиться.

— А что вы скажете про актрису Б.?

Совещание в Московском художественно-общедоступном театре. Сидят: В.В. Лужский, Вл.И. Немирович-Данченко, К.С. Станиславский, Б.С. Алексеев. Стоят: Н.Г. Александров и А.А. Санин. 1900 год

— Хорошая актриса, но не для нашего дела.

— Почему?

— Она не любит искусства, а только себя в искусстве.

— А актриса В.?

— Не годится — неисправимая каботинка.

— А актер Г.?

— На этого советую обратить внимание.

— Почему?

— У него есть идеалы, за которые он борется; он не мирится с существующим. Это человек идеи.

— Я того же мнения и потому, с вашего позволения, заношу его в список кандидатов».

В общем, хорошо поговорили, причем и об абстрактном, и о конкретном: начали с идеалов, закончили распределением административных ролей и формированием труппы. Так был придуман МХТ — театр, основанный на принципиально новых началах, концепция которого выступала категорически «против старой манеры игры, и против театральности, и против ложного пафоса, декламации, и против актерского наигрыша, и против дурных условностей постановки».

Открылся театр в октябре 1898 года постановкой трагедии «Царь Федор Иоаннович» Алексея Константиновича Толстого. Премьера удалась, актеры, игравшие в

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

А.П. Чехов
читает свою
пьесу «Чайка»
артистам МХТ.
1898 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

трагедии, проснулись знаменитыми, а о новом театре заговорили. А в декабре – новая сенсация: была сыграна легендарная «Чайка» Чехова. История этой постановки полна драматизма. Антон Павлович Чехов тогда переживал обострение туберкулеза, болезнь подпитывалась творческими неудачами. «Чайка» ведь до того показывалась в Петербурге, в Александринском театре, но публика спектакля не поняла. «Театр дышал злобой», – вспоминал Чехов. Еще одного провала он мог и не пережить, о чем предупреждала Станиславского и Немировича-Данченко сестра писателя. Она уговаривала их отказаться от постановки. В МХТ пошли на невероятный риск. И все получилось. «Рев, треск, бешеные аплодисменты. <...> Успех рос с каждым актом и окончился триумфом. Чехову была послана подробная телеграмма», – писал Станиславский.

После такого триумфа у Антона Павловича установились особые связи с МХТ. Поначалу по линии дружбы с Немировичем-Данченко – ведь двумя годами ранее Владимир Иванович отказался в пользу Чехова от Гриневадской премии. Позже связь эта, как известно, поддерживалась еще и через тесное общение с артисткой театра Ольгой Книппер. Станиславский понял и оценил Чехова не сразу, но уж когда проникся, полюбил всей душой. В своей книге об искусстве он посвятил ему, кажется, самые лиричные, самые трогательные главы. После «Чайки» с не меньшим успехом в МХТ прошли «Дядя Ваня», «Три сестры» и «Вишневый сад».

Занавес МХТ.
1901 год. Эскиз
Ф.О. Шехтеля

Сцена из спектакля МХТ
«Власть тьмы»

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Особую роль сыграли в жизни Станиславского и Толстой с Горьким. Со Львом Николаевичем режиссер познакомился еще во время работы в МОИИЛ. Первая их встреча произошла в 1893 году, когда Станиславский со своим обществом давал спектакли в Туле, в доме друга писателя, Николая Давыдова. «В разгар веселья в передней показалась фигура человека в крестьянском тулупе, – вспоминал Станиславский. – Вскоре в столовую вошел старик с длинной бородой, в валенках и серой блузе, подпоясанный ремнем. Его встретили общим радостным восклицанием. В первую минуту я не понял, что это был Л.Н. Толстой. Ни одна фотография, ни даже писанные с него портреты не могут передать того впечатления, которое полу-

чалось от его живого лица и фигуры». Молодому Станиславскому даже выпала возможность заговорить с классиком, поскольку тот сам обратился к нему с каким-то вопросом, но он так сконфузился, что не смог поддержать беседу. Через несколько лет они встретились снова. Заговорили о пьесе Толстого «Власть тьмы». У произведения была непростая судьба, его то запрещали, то разрешали, то сам Лев Николаевич был недоволен постановками. И вдруг писатель спросил Станиславского, как можно было бы переделать для сцены четвертый акт. «Я вам напишу, а вы сыграйте», – сказал он. И это было так просто и естественно, что режиссер стал делиться своими соображениями. Однако такое положение показалось неестественным жене писателя. «Она болезненно-ревниво относилась к своему гениальному мужу. Каково же ей было слышать, что какой-то молодой человек берет его пьесу и начинает учить, как нужно писать, – размышлял позже режиссер. – <...> Она вбежала в комнату и накинулась на меня. <...> Лев Николаевич сидел неподвижно, теребя свою бороду. Он не вымолвил ни одного слова в мою защиту. Когда же Софья Андреевна ушла, а я продолжал стоять в полном замешательстве, он приветливо улыбнулся мне, заметив: «Не обращайте внимания! Она расстроена и нервна».

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

И.М. Москвин
в роли царя
Федора.
«Царь Федор
Иоаннович»,
трагедия
А.К. Толстого

ПРЕДСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

«Власть тьмы» была поставлена в МХТ в 1902 году. К постановке долго готовились. Еще до репетиций режиссер с актерами ездил по деревням Тульской губернии: изучали быт и характеры, зарисовывали избы, сараи, дворы. Даже пробовали на роли настоящих крестьян. И одну деревенскую бабу чуть было не включили в актерский состав. Одна незадача: когда приходилось сердиться, новоиспеченная актриса бросала текст Толстого и пользовалась своим собственным, «составленным из таких отборных ругательств, которых не пропустила бы ни одна цензура». Спектакль был благосклонно воспринят публикой, однако сам Станиславский остался им недоволен. Перестарались с погружением в быт. «Реализм внешней обстановки

«Власти тьмы» оказался у нас недостаточно оправданным изнутри – самими актерами, и сценой завладели вещи, предметы», – объяснял режиссер. С таким же пылом входила труппа МХТ и в действительность, описанную Максимом Горьким. Перед постановкой «На дне» актеры посещали настоящие ночлежки, сидели за одним столом с бродягами и ворами, изучали жизнь Хитровки. А сам Станиславский еще и без конца разговаривал с писателем, пытался, каковы были прототипы героев, какое они имели прошлое и почему они стали тем, кем стали. В этот раз баланс был соблюден, внешне не заслонило внутреннего, спектакль, по словам Станиславского, имел потрясающий успех, а Горький стал героем дня.

К.С. Станиславский – Сатин.
Спектакль
«На дне»
по пьесе
М. Горького.
1902 год

РОЖДЕНИЕ СИСТЕМЫ

Осенью 1905 года разразилась революция, людям стало не до спектаклей. Представления теперь давались прямо на улицах города – то стрельба, то забастовка. Театр закрыли на время. Но долго без работы оставаться труппе было нельзя. И вот появилось гениальное решение: уехать на гастроли за границу. Сказано – сделано. Собрали последние деньги и в начале 1906 года отправились в Берлин. Станиславский очень переживал. Он понимал, что своим решением он возложил на театр огромную ответственность: не только явить во всем блеске русскую культуру, но и достойно представить страну вообще. После поражения в войне с Японией и революции отношение к России в Европе было настороженным, а временами переходило в нескрываемое разочарование. Именно поэтому режиссер настаивал на неукоснительном соблюдении всеми актерами рабочей дисциплины, чтобы все были заняты репетициями и никто не пускался ни в какие приключения. Впрочем, последнее было полезно не только для восстановления репутации русского человека, но и для дела. Театрального провала тоже допустить было нельзя.

Успех гастролей превзошел самые смелые ожидания. Немецкая публика оказалась в восторге от «Царя Федора». О постановке написали сотни газет. В конце концов спектаклем заинтересовался сам кайзер Вильгельм II, и это, в свою очередь, не только увеличило сборы, но и обеспечило русскому театру признание немецкой интеллигенции. После спектаклей русской труппе были организованы торжественные приемы и обеды в различных творческих обществах с участием известных артистов, писателей и художников.

Удивительно, но оглушительный успех за границей не только не вскружил Станиславскому голову, но и погрузил его в пучину сомнений. Лето и осень 1906 года – время глубочайшего творческого кризиса. Триумф за рубежом не заслонил для Станиславского череду ужасных потерь и обидных

Здание МХТ
в Камергерском
переулке

неудач. Смерть Чехова лишила театр новых прекрасных пьес, смерть Саввы Морозова – финансовой стабильности. Неудачи с постановками Метерлинка, ликвидация экспериментальной театральной студии, в которой Станиславский работал вместе с молодым Мейерхольдом, усиливающееся расхождение с Немировичем-Данченко – все указывало, что дело заходит в тупик. Ко всему прочему добавилась неудовлетворенность собой и как режиссером, и как актером.

В это время в мучительных поисках вызревает знаменитая система Станиславского, направленная на разрешение, казалось бы, неразрешимого противоречия: достижения подлинной правды в игре. Система, которая должна была помочь актеру включать вдохновение словно по заказу, чтобы не изображать, а проживать образ. Лабораторией для формирования такой системы становится сам Станиславский. Внешняя жизнь идет своим чередом. Ставятся новые спектакли. Устанавливаются новые творческие связи: Станиславский навещает в Нормандии Метерлинка, знакомится с приехавшей в Москву Айседорой Дункан, при ее посредничестве совместно с британским режиссером Эдвардом Гордоном Крэгом готовит к постановке «Гамлета». Внутри же кипит работа совсем иного рода.

К 1910 году поиск Станиславского окончательно складывается в новую теорию сценического искусства, и он начинает буквально терроризировать ею своих подопечных. Труппа МХТ оказывается не готова к переменам. Причем настолько, что режиссер подозревает интриги, происки врагов, до него доносятся разговоры актеров, которые якобы считают, что он сам со своей системой стал играть хуже, а уж как режиссер стал совсем несносным. Наконец Константин Сергеевич понимает свою ошибку: невозможно ставить в жизни грандиозный эксперимент, не отделив его от обычной театральной рутины, повседневных репетиций. И тогда в 1912 году под его нача-

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

К.С. Станиславский с коллективом МХАТа во время гастролей в США. 1923 год

лом при поддержке его товарища, Леопольда Сулержицкого, открывается Первая студия МХТ, где и обкатываются новые методы. Первыми учениками стали молодые актеры. Среди них – Евгений Вахтангов, Михаил Чехов, Борис Сушкевич и другие.

И система заработала. Актеры студии давали экспериментальные спектакли. Публика возвращалась, чтобы посмотреть на опыты творческой лаборатории снова и снова, молодые актеры быстро превратились в звезд. Следом за Первой студией в 1916 году открылась Вторая Вахтанга Мчедлова. Затем в театр влилась студенческая драмстудия Евгения Вахтангова, созданная еще в 1914 году, а в самый разгар Гражданской войны начала действовать музыкальная студия под руководством Немировича-Данченко.

В ИСТОРИЧЕСКОМ ВИХРЕ

Февральская и Октябрьская революции 1917-го и Гражданская война, конечно, сильно отразились на работе театра и на жизни самого Станиславского. После прихода к власти большевиков была национализирована фабрика, унаследованная режиссером от отца, прибыль от которой вкладывалась помимо прочего и в развитие театра. Из-за уплотнения Константин Сергеевич вынужден был покинуть с семьей и детьми свой дом в Большом Каретном переулке. Не вселяла оптимизма и общая атмосфера какого-то упадка и разложения.

Конечно, выстоять в историческую бурю помогала работа, но ведь стихия проникала всюду. При новой власти на МХТ была возложена миссия по воспита-

Леопольд Антонович Сулержицкий (1872–1916), театральный режиссер, художник, педагог и общественный деятель

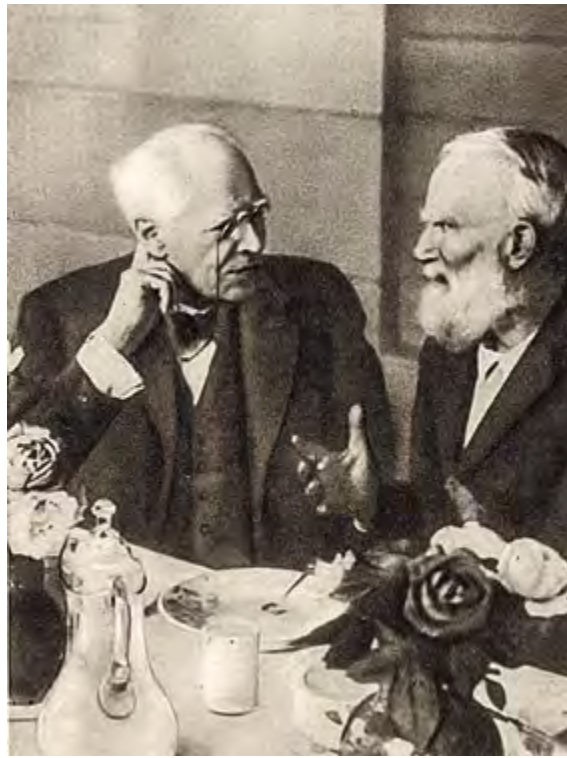

Михаил Чехов – Хлестаков. Спектакль «Ревизор» по пьесе Н.В. Гоголя. 1921 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

нию новой, пролетарской публики – спектакли были объявлены бесплатными. Но в театр пришел не новый заинтересованный зритель, в него ворвалась толпа. Смотреть на то, как она куражится над актерами, было мучительно. Станиславский не единожды прерывал спектакли, чтобы привести в чувство обезумевшие массы. Однако особенно больно было от того, что распад проник и в святая святых – в круг служителей искусства. Актеры, столкнувшиеся с задержками выплат, разрушением старого быта, не могли позволить себе целиком отдаваться театру, иные, особенно начинающие, бездумно предавались распутству и пьянству.

В 1919 году и вовсе случилась катастрофа. Коллектив театра оказался разделен линией фронта. Группа артистов-старожилов, среди которых были Книппер-Чехова и Качалов, уехала на гастроли в Харьков, и в это время в город вошел Деникин со своей Добровольческой армией. После непродолжительных боев белые отступили, за ними последовала и часть труппы. Станиславскому стоило огромного труда уговорить актеров вернуться из эмиграции не столько в обновленный МХАТ, сколько вообще в Россию. И ведь нужно было взять на себя такую ответственность, предложить людям какой-то образ будущего. Притом что Станиславский сам мало что понимал про устройство новой, советской России. Чтобы вырваться самому и вытащить труппу из состояния тревоги за будущее и избавить хоть ненадолго всех от влияния послереволюционного хаоса, Станиславский организует в 1922 году гастроли по Европе и Америке. Успех русских актеров был оглушительным. Станиславский же остается в таком состоянии, что за два года почти не покидает номера гостиниц – он сосредоточен на подготовке книги «Моя жизнь в искусстве», в которой с обманчиво-легким настроением,

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

через описание забавных случаев, пытается говорить о серьезных вещах, о том, как рождалась его система, о том, что в нее легли принципы истинного служения искусству, и о том, почему искусство и жизнь объединены высшей истиной. Станиславский верил в искусство, в то, что его правду не смогут отменить никакие новые порядки. Об этом он говорил приезжавшему в 1927 году в СССР Теодору Драйзеру. «Мало-помалу искусство станет самим собой, прекрасным отражением жизни. Необходимо взять от революционного времени все лучшее и воплотить в искусстве», – уверял он американца.

К.С. Станиславский и Бернард Шоу. 1931 год.
Санаторий «Узкое»

К.С. Станиславский. Работа актера над собой. 1938 год.
Титульный лист

ПРЕДОСТАВЛЕНО Н. ЗОЛОТАРЕВОЙ

Кстати, интересно, что в качестве примера того, как время преломляется в искусстве, Станиславский отмечал в беседе с американским писателем пьесу Булгакова «Дни Турбиных». Но у произведения этого была сложная история в театре, и уязвленный Михаил Афанасьевич в конце концов написал целый роман-памфлет, в котором в карикатурном виде изобразил и МХАТ, и Станиславского, носившегося со своей системой. Посмеялся писатель и над излишней осторожностью основателя МХАТа перед властями. Но как можно было не быть осторожным, когда на тебе – ответственность за целую труппу, за десятки судеб и когда ты сам со своим театром уже столкнулся с обвинениями в бог знает чем. Все это не могло пройти бесследно, в 1928 году режиссер пережил тяжелый инфаркт.

В 1930-е годы МХАТ перестали ругать, напротив, он приобрел особый статус и имя Горького, а сам Станиславский в 1936-м получил звание народного артиста. Но как использовал это особое положение Константин Сергеевич? Когда в 1938 году все топтали Мейерхольда, он пригласил бывшего ученика, к слову, не единожды отрекавшегося от своего учителя, работать к себе в Оперную студию. И пока Станиславский был жив, Мейерхольда не трогали. Конечно, все 30-е годы Станиславский упорно продвигал в жизнь свою систему, продолжал сценические опыты с молодыми актерами, репетировал в согласии со своей теорией не только в студиях, но и на квартире, где навещали его многочисленные ученики. А еще режиссер готовил для издания труд – масштабный, объясняющий его систему. Первый том, «Работа актера над собой», был опубликован в конце 1938 года. Уже после смерти автора. Константин Сергеевич умер 7 августа от сердечной недостаточности и был похоронен на Новодевичьем кладбище. ■

Павел Васильев.
1930-е годы

ПРЕРВАННЫЙ ПОЛЕТ

АВТОР

ЕЛЕНА МАЧУЛЬСКАЯ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

В 30-Е ГОДЫ ПРОШЛОГО ВЕКА ЕГО ИМЯ БЫЛО У ВСЕХ НА СЛУХУ. ПАВЛА ВАСИЛЬЕВА НАЗЫВАЛИ «ЮНОШЕЙ С СЕРЕБРЯНОЙ ТРУБОЙ» И «НЕЧАЯННОЙ РАДОСТЬЮ РУССКОЙ ПОЭЗИИ». В МОСКВЕ БЕЗ УСТАЛИ ОБСУЖДАЛИ ЕГО НЕОБЫКНОВЕННЫЕ СТИХИ, ВПРОЧЕМ, КАК И МНОГОЧИСЛЕННЫЕ СКАНДАЛЫ, С НИМ СВЯЗАННЫЕ.

САМ ВАСИЛЬЕВ ПИСАЛ о себе: «Я, детеныш пшениц и ржи, // Верю в неслыханное счастье...»

В своих произведениях поэт создавал удивительный мир, переполненный яркими образами. Там мелькают «синие стрелы щук», «рыбой плывут» опавшие листья, дым падает «подбитым коршуном», гусь ныряет «за золотой серьгой» и можно увидеть даже «волчьи изумруды»...

И сам он был таким же ярким. Варлам Шаламов вспоминал: «Это был высокий, хрупкий человек с матово-желтой кожей, с тонкими длинными музыкальными пальцами, ясными голубыми глазами. Во внешнем обличье не было ничего от сибирского хлебороба, от потомственного плугаря. Гибкая фигура очень хорошо одетого человека, радующегося своей новой одежде, своему новому имени <...> Скандалист или апостол – род славы еще не был определен».

А вот еще один портрет, авторства поэта Льва Озерова: «Глаза ярые, поначалу кажутся шальными, диковатыми, а потом детскими, даже растерянными. <...> Во взгляде сперва заметна лихость, потом грусть, может быть, и отчаянье, скорее решимость. <...> По скулам сновали неприметные молнии. Что они означали? Горд, самлюбив – а как же. Характер!»

Мятежный, дерзновенный характер Васильева отмечали многие современники. «Характер его был неуравновешенный, быстро переходящий от спокойного состояния к сильному возбуждению. Впечатлительность повышенная, преувеличивающая все до гигантских размеров. Это свойство поэтического восприятия мира, нередко наблюдаемое у больших поэтов и писателей, как, например, Гоголь, Достоевский и Рабле», – вспоминал Николай Асеев. Осип Мандельштам говорил: «В России пишут четверо: я, Пастернак, Ахматова и Павел Васильев».

Похоже, равнодушным этот сложный, дерзкий в поступках и стихах человек не оставлял никого.

В КАЗАХСКИХ СТЕПЯХ

Павел Васильев родился в Казахстане (точная дата рождения не установлена), в небольшом городке Зайсан на берегу одноименного озера. А детство его прошло в Павлодаре, в доме на Церковной улице, куда переехала семья Павловых (сейчас в этом доме открыт музей поэта). Потом Павел напишет о нем:

Так вот где начиналась
жизнь моя!

Здесь канареечные половицы

Поют легонько, рыщат

свет лампад,

В углах подвешен.

Книга «Жития Святых», псалмы.

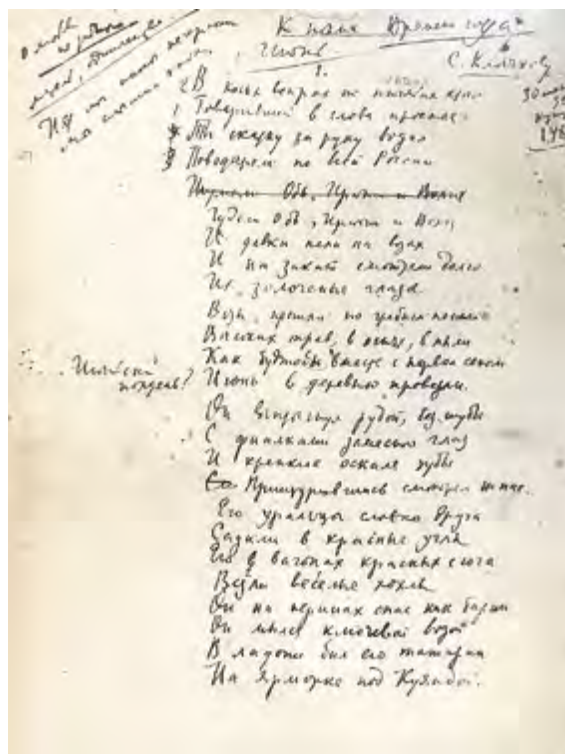
И пологи из ситца...

Родители будущего поэта были людьми неординарными. Николай Корнилович Васильев был сыном пильщика

дров и прачки. Но сумел окончить пять классов городского училища и поступить в Семипалатинскую учительскую семинарию. После учился в Томском учительском институте, а затем работал учителем математики, методистом, инспектором отдела народного образования...

Он написал несколько учебников и как педагог-новатор переводился в разные школы. В Павлодаре он стал директором школы. Мать, Глафира Матвеевна, была единственной дочерью мелкого купца Матвея Васильевича Ржанникова, торговавшего скобяным товаром. Она с отличием окончила женскую прогимназию, знала французский язык, увлекалась музыкой, любила поэзию, много читала. Свою любовь к литературе Глафира Матвеевна стремилась привить детям. А их у четы Васильевых было шестеро. Старшие, Володя и Нина, погибли в младенчестве от эпидемии. Затем родились четыре сына: Павел, Борис, Виктор и Лев.

В доме на Церковной улице жила большая дружная семья: Матвей Васильевич и Варвара Федоровна Ржанниковы, Глафира и Николай Васильевы и

четверо их детей. Хватило места и родителям Николаю Васильева – Корнилию Ильичу и Марии Федоровне.

Любовь к книгам Паня, как называли Павла в семье, унаследовал от матери. А к фольклору его приобщили дед и бабушка по отцовской линии. Корнилий Ильич и Мария Федоровна были неграмотны, но знали множество народных песен и легенд.

В то время в Казахстане было широко распространено тамырство. Слово «тамыр» в переводе с казахского означает «корень». Тамырство возникло как народная дипломатия – русские и казахи посылали друг другу делегатов с предложениями взаимовыгодного сотрудничества. Оно перерастало у людей разных национальностей в крепкую дружбу. У деда Корнилия было много тамыров в аулах. Нередко он ездил к ним в гости и брал с собой старшего внука, Павла. А степняки часто гостили в доме Ржанниковых.

В павлодарской школе, где учился Павел, преподавали политические ссыльные, среди которых встречались даже

университетские профессора. Учитель литературы Давид Васильевич Костенко был большим знатоком и любителем поэзии. Уроки рисования вел профессиональный художник-передвижник Виктор Павлович Батулин, друг Репина и Шишкина. Он учил, что поэзия и живопись есть одно и то же и настоящий художник может нарисовать даже тишину – однажды он дал детям именно такое задание...

В общем, все, что окружало Павла, счастливо способствовало развитию его природного поэтического дара.

В ПОИСКАХ НОВЫХ ГОРИЗОНТОВ

Получив аттестат об окончании школы второй ступени, Павел отправляется через полстраны – в далекий Владивосток, чтобы поступить в местный университет на факультет японского языка – во всяком случае, так позже говорил сам Васильев. Хотя нужно помнить, что к собственной биографии Павел относился творчески. Проще говоря, многое присочинял...

На самом деле он подал документы на агрономический факультет. Исследователи перебрали протоколы приемной комиссии Государственного Дальневосточного университета за 1926 год и в графе рассмотрения заявлений, поданных на агрономический факультет, обнаружили имя Васильева П.Н. А вот данные о его зачислении и учебе отсутствуют. Ведь в университете он не проучился ни дня. Более того, по воспоминаниям Константина Вахнина, приехавшего во Владивосток вместе с Васильевым, Павел даже не сдавал вступительных экзаменов. Он жил на правах абитуриента в студенческом общежитии в Гнилом Углу и «атаковал редакции местных газет, устанавливал творческие контакты с литераторами». Приятели подрабатывали грузчиками в порту. «Павел

Рукопись поэмы
П. Васильева
«Времена года».
1930-е годы

физически был слабее других, и работа оказалась для него тяжелой», – вспоминал Вахнин. Через пару недель Васильев бросил ходить в порт.

Во Владивостоке Павел написал удивительные стихи о море:

*Бухта тихая до дна напоена
Лунными иглистыми лучами,
И от этого, мне кажется, – она
Вздрагивает синими плечами.
Белым шарфом пена под веслом,
Темной шалью небо надо мною...
Ну о чем еще, скажи, о чем
Можно петь под этою луною?*

Но главное – в этом городе Васильев познакомился с Рюриком Ивневым и поэтами есенинского круга. И вот 6 ноября 1926 года владивостокская газета «Красный молодец» напечатала стихотворение Васильева «Октябрь», затем – еще два: «Владивосток» и «Из окна вагона». А в конце ноября Ивнев устроил 16-летнему Васильеву выступление с чтением стихов в актовом зале университета. В декабре юные поэты Павел Васильев и Андрей Жучков покидают Владивосток. Из Хабаровска Васильев пишет Ивневу: «Читали мы с Жучковым стихи на Хабаровском ЛХО – понравились...»

Хабаровская газета «Набат молодежи» печатает подборку стихов Васильева, а сам он едет в Новосибирск. Знакомится с редактором журнала «Сибирские огни» писателем Владимиром Зазубриным. Писатель Николай Анов так вспоминал о первой встрече Васильева с сотрудниками журнала: «Он читал стихи. Читал великолепно. Стихи были сочные, самобытные, власть и убежденность в своей правоте поражали в них».

В июле 1927 года 17-летний Васильев добирается до столицы. Он поступает в Москве на рабфак искусств, а в декабре возвращается к родителям, которые к тому времени переехали в Омск. Покорить столицу с первой попытки ему не удалось, но в своем призвании он был бесконечно уверен.

Павел Васильев со своими знакомыми и друзьями.
1927 год

ДОРОГА К СЛАВЕ

В Омске Васильев общается с молодыми литераторами, увлеченно рыбачит на Иртыше и пишет стихи – почти каждую ночь.

Он заканчивает поэму «Прииртышье», впоследствии названную «Песня о гибели казачьего войска». А еще здесь к Павлу Васильеву пришла первая большая любовь: Галине Анучиной он посвятил одно из лучших своих лирических стихотворений:

*Так мы идем с тобой
и балагурим.
Любимая! Легка твоя рука!
С покатых крыш церквей,
казарм и тюрем
Слетают голуби и облака.
Они теперь шумят
над каждым домом,
И воздух весь черемухой пропах.
Вновь старый Омск нам
кажется знакомым,
Как старый друг, оставленный
в степях...*

Галина Николаевна потом вспоминала: «Я полюбила его сразу. Он был красив и писал прекрасные стихи».

Но вскоре Павел вновь едет в Новосибирск. Там он сдружил-

ся с поэтом Николаем Титовым. Друзья проводили время в кабачках и ресторанчиках. А потом им поступило предложение, от которого нельзя было отказаться. Журнал «Сибирские огни» предлагает Павлу Васильеву и Николаю Титову отправиться в экспедицию по Сибири и Дальнему Востоку. Конечно, они не раздумывали ни секунды. И началось новое странствование, о котором сложено много легенд. Васильев будто бы прошел всю Сибирь от Обской губы до Алтая, мыл золото, работал каюром в тундре и культработником на Сучанских копях, ходил на пароходах по Енисею и Амуру... Появлением части этих легенд мы обязаны письму поэта однокласснице, в котором реальность перемешана с вымыслом.

Двигаясь по Транссибу, Васильев и Титов там и тут печатали стихи под псевдонимами Павел Китаев и Николай Ханов. В Благовещенске они завербовались на прииск «Майский» на Селемдже – притоке Зеи. Под псевдонимом Старец Васильев печатает заметки в местных газетах. Потом, в 1930-е годы, выйдут две книги его очерков: «В золотой разведке» и «Люди в тайге», свидетельствующие о незаурядном прозаическом даре Васильева. Но прииск, похоже, друзьям вскоре наскучил, они отправились в Хабаровск. Но там наслаждаться литературной известностью им пришлось недолго. В прессе появляются клеймящие «богемное» поведение поэтов статьи. Друзей перестают печатать. И они отправляются во Владивосток. Здесь Васильев какое-то время служит матросом на промысловом судне (позже его именем во Владивостоке назовут один из катеров). В августе 1929 года в главной приморской газете «Красное знамя» выходят его очерки: «На Тафуине» (так называется рыбацкий поселок под Находкой), «По бухтам побережья», «В гостях у ша-

Павел Васильев
на Тверском
бульваре
в Москве.
1930-е годы

ландера». Годом позже дальневосточные очерки Васильева выйдут и в столице – «В далекой бухте», «Город рыбаков Хан-Шинь-Вей» (искаженное китайское название Владивостока), «День в Хакодате». Побывал ли Павел в Японии на самом деле, доподлинно неизвестно. Быть может, он по своему обыкновению вдохновенно фантазировал, записав услышанное об азиатских городах... В сентябре 1929 года Васильев приезжает в Москву. Живет с друзьями-поэтами в Кунцеве. Его приглашают работать в газету «Голос рыбака». В ней Павел публикует свои дальневосточные очерки. Потом там появляются его стихи, объединенные в цикле «Песни дальневосточных рыбаков». Столица наконец начинает покоряться дерзкому парню из сибирской глубинки.

СТАТЬ ПЕРВЫМ ПОЭТОМ

«Я буду первым поэтом в России», – сказал Павел своему другу в 16 лет. И почти добился своего. В 1930–1932 годах стихи Васильева печатались в «Известиях», «Литературной газете», «Новом мире», «Огоньке» и других столичных изданиях. «Ничего подобного до Павла Васильева в русской поэзии не было. С ним в нашу поэзию пришла Азия, веселая и мужественная, звонкая и яркая, гостеприимная и жесткая...» – писал поэт Сергей Подделков. Впрочем, признание поэтического таланта сопровождалось постоянными оговорками о чуждости творчества Васильева новому строю. Дар Васильева был необыкновенного, избыточного свойства: стихи в нем действительно «жили», рождаясь почти мгновенно. Неудивительно, что

писал он много и страстно. Огромные эпические поэмы, в которых каждая строфа насыщена яркими деталями, лирические стихотворения... Причем это только то, что дошло до нас. А сколько их сгинуло безвозвратно?

По яркости красок его лучшие поэмы «Соляной бунт» и «Песня о гибели казачьего войска» литературоведы сравнивают со «Словом о полку Игореве» и шолоховской эпопеей «Тихий Дон».

«Песня о гибели казачьего войска» повествует о трагедии братоубийственной Гражданской войны. Позднее Вячеслав Завалишин писал о ней: «Сознательно или интуитивно Павел Васильев написал поэму о самоистреблении обоих станов».

Кончились, кончились
вьюжные дни.

Кто над рекой зажигает огни?
В плещущем лиственном
неводе сад.

Тихо. И слышно, как гуси летят,
Слышно веселую поступь весны.

Чьи тут теперь
подрастают сыны?
Чья поднимается
твердая сталь?

Им ли страну теперь владеть,
Им ли теперь на ветру молодом
Песней гореть и идти напролом?

А вот как начинается поэма «Соляной бунт» – поэма о сибирском казачестве, «замешанная на крови соленой». Она повествует не только о бунте киргизов, работавших на соляных озерах, и усмирении этого бунта казаками, но и о жизни, быте, традициях сибирского казачества.

Желтыми крыльями
машет крыльцо,

Желтым крылом

Собирает народ,

Гроздью серебряных бубенцов

Свадьба

Над головою

Трясет.

Поэзия Васильева близка народно-песенному творчеству – сочностью языка, буйностью образов, характером изобразительных средств. Слово у него материально и осязаемо –

ты видишь картину, движение,
дыхание самой жизни.

И коренник, во всю кобенясь,
Под тенью длинного бича,
Выходит в поле, подбоченясь,
Приплясывая и хохоча.
Рванулись. И – деревня сбита,
Пристяжка мечет, а вожак,
Вонзая в быстроту копыта,
Полмира тащит на вожжах!

Поэтическая атмосфера в художественном мире Павла Васильева часто накалена до предела. Эту особенность отметил литературный критик Михаил Эпштейн: «Среди других русских поэтов Васильев едва ли не самый крутой по характеру лирического героя, которого и в природе влечет все тяжелое по весу, плотное по составу, косое по направлению – как хищный бросок». Лирический герой «не созерцатель природы, а деятельный участник ее буйных и кровавых пиршеств, ее наивное и жестокое дитя, которое соперничает со зверем и тем самым роднится с ним». Впрочем, встречаются и исключения из этого правила.

Я призываю вас – пора нам,
Пора, я повторяю, нам
Считать успехи не по ранам –
По веснам, небу и цветам.

Павел Васильев, поэт редкого таланта, был очень разным...

РУССКИЙ АЗИАТ

Приятель Есенина Рюрик Ивнев после знакомства с Васильевым написал: «В глаза веселые смотрю, ах, все течет на этом свете, с таким же чувством я зарю и блеск Есенина отметил». Словно бы он предчувствовал трагическую судьбу молодого поэта.

Когда погиб Есенин, павлодарскому мальчишке Васильеву было всего 15 лет. Узнав о трагической гибели любимого поэта, Павел просит учителя литературы провести есенинский урок в память о нем. И урок состоялся.

Многие считали, что судьбы Есенина и Васильева были похожи, как, впрочем, и сами поэты. Но было и серьезное отличие. Васильев принадлежал

Павел Васильев
с женой Галиной
Анучиной.
Омск. 1932 год

двум культурам – казахской и русской. Не зря его называли «Русский азиат». В своей поэзии Павел Васильев соединил русские и казахские фольклорные традиции.

«С появлением Павла Васильева, я бы сказал, впервые в оригинале, минуя переводческие

издержки, в русскую советскую поэзию вторглись образы казахской степи. И вместе с ними сама Азия», – пишет казахский поэт и литературовед Бахытжан Канапьянов.

Родительница степь, прими мою,
Окрашенную сердца жаркой
кровью,
Степную песнь! Склонившись к
изголовью

Всех трав твоих, одну тебя пою!
А ветер в его стихах оборачивается то ли невиданным конем, то ли таинственным степным всадником:

Ветер скачет по стране, и пыль
Вылетает из-под копыт.

Ветер скачет по степи, и никому
За быстроногим не уследить.

Часто бывая на айтысах (состязаниях певцов-акынов), Васильев хорошо изучил принцип построения традиционных казахских стихов. Потом он решил попробовать писать в такой стилистике, но на русском языке. Причем под псевдонимами Мухан Башметов и Амре Кишкенали – именно этим авторством Васильев обозначил собственные стихи, написанные от лица казахских акынов.

ТРАГИЧЕСКИЙ ФИНАЛ

Твердо уверенный в гениальности своего поэтического дара, Павел Васильев примерным поведением никогда не отличался. Он любил выпить, за дебоши регулярно попадал в милицеские участки во Владивостоке, Новосибирске, Омске. А потом и в Москве.

Однажды на веранде московского ресторана «Прага» Павел Васильев повстречался с однофамильцем – поэтом Сергеем Васильевым, с которым у него был давний конфликт. Заказал яичницу на десять желтков, а когда она была готова, подошел сзади к оппоненту и со словами: «Не позорь фамилию Васильевых!» опрокинул содержимое сковородки ему на голову. «Скандал, Сергей скатертью обтирает лицо и голову, соображает, в чем дело, и набрасывается, как тигр, на

Письмо
Павла Васильева
Максиму
Горькому.
1934 год

Павла. Начинается драка. Столики летят в разные стороны, бьется посуда, посетители убегают к дверям, появляется милиция», – вспоминала вторая жена поэта, Елена Вялова (первый брак Васильева с Галиной Анучиной к тому времени распался, его не спасло даже рождение дочери Натальи. – Прим. авт.).

Инцидентами с милицией неприятности Павла Васильева не ограничились. Ведь еще в 1929 году в журнале «Настоящее» о нем писали: «...сын богатой кулацкой семьи, поэтому он так враждебно настроен к Советской власти. Из его стихотворений смотрит лицо классового врага». Весной 1932 года Павел Васильев был арестован по обвинению в принадлежности к контрреволюционной группировке литераторов – так называемой «Сибирской бригаде». На Лубянке он, разумеется, тоже писал стихи:

*Сначала пробежал осинник,
Потом дубы прошли, потом,
Закутавшись в овчины синих,
С размаху в бубны грянул гром.*

*Плясал огонь в глазах саженных,
А тучи стали на привал,
И дождь на травах обожженных
Копытами затанцевал.*
В этот раз гроза прошла мимо – поэт отделался условным наказанием. Но это было только начало.

В 1934 году вышла статья Горького «О литературных забавах», которая положила начало травле Павла Васильева: «Жалуются, что поэт Васильев хулиганит хуже, чем хулиганил поэт Сергей Есенин. <...> от хулиганства до фашизма расстояние «короче воробьиного носа».

Павел Васильев ответил почтительным письмом Горькому, а по знакомым между тем разошлось его шутивное четверостишие:

*Выпил бы я горькую,
Да боюсь Горького,
Горького Максима,
Ах, невыносимо!*

Тучи сгущались. 10 января 1935 года «Литературная газе-

та» опубликовала постановление об исключении Павла Васильева из Союза писателей. 24 мая в «Правде» было опубликовано открытое письмо двадцати писателей, где поведение Васильева квалифицировалось как «аморально-богемное или политически-реакционное». В нем сообщалось об «отвратительном дебоше» в писательском доме, где, по словам авторов письма, Васильев избил поэта Джека Алтаузена, «сопровождая дебош гнусными антисемитскими и антисоветскими выкриками и угрозами расправы по адресу Асеева и других советских поэтов».

Павел Васильев был расстрелян в 1937 году

На Аллее поэтов Омска установлен памятный знак в честь Павла Васильева

Анкета арестанта
Павла Васильева.
1937 год

В июле Васильев был арестован. За «злостное хулиганство» суд приговорил его к полутора годам лишения свободы. В тюрьме Васильевым были написаны три замечательные поэмы: «Принц Фома», «Женихи» и «Христоробовские ситцы». А уже весной 1936 года поэт был досрочно освобожден. Третий арест будет для Васильева последним – чуда не случится. Его арестуют в феврале 1937 года по сфабрикованному нелепому обвинению в принадлежности к «террористической группе», якобы готовившей покушение на Сталина. 15 июля коллегия Верховного суда СССР приговорила поэта к расстрелу. Приговор был приведен в исполнение на следующий день. В свои неполные 27 лет Павел Васильев был расстрелян в Лефортовской тюрьме...

Пока шло разбирательство, Павел Васильев написал свое последнее стихотворение, надеясь, что его выпустят отбывать наказание в Сибири.

*Снегири взлетают красногруды...
Скоро ль, скоро ль на беду мою
Я увижу волчьи изумруды
В нелюдом, северном краю...*

Не сбылось... ❧

ЗАПИСКИ ПРО ВРАЧА

АВТОР

ЗОЯ МОЗАЛЁВА

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

ЭТОТ СКРОМНЫЙ ДОМИК НА ТИХОЙ ТУЛЬСКОЙ УЛОЧКЕ ПРИВЛЕКАЕТ НЕМАЛО ПОСЕТИТЕЛЕЙ. ЗДЕСЬ В СЕМЬЕ СМИДОВИЧЕЙ РОДИЛСЯ МАЛЬЧИК, СТАВШИЙ ВПОСЛЕДСТВИИ ИЗВЕСТНЫМ ПИСАТЕЛЕМ. ПРАВДА, ПОПУЛЯРНОСТЬ ОН ПРИОБРЕЛ ПОД ДРУГОЙ ФАМИЛИЕЙ – ВЕРЕСАЕВ.

КОГДА-ТО В ЭТОМ УЮТНОМ домике на Верхне-Дворянской улице (ныне – Гоголевская) жила большая дружная семья, оставившая у земляков светлую память по себе. «У нас не просто дом, а дом-усадьба. Так было и раньше, когда будущий писатель жил здесь, – говорит экскурсовод Дома-музея В.В. Вересаева Софья Савищева. – Наш музей считается единственной сохранившейся усадьбой городского типа конца XIX века».

Дом этот принадлежал родителям Викентия Вересаева – Викентию Игнатьевичу и Елизавете Павловне Смидович. Здесь 16 января (4 января по старому стилю) 1867 года и родился будущий писатель.

«На экскурсиях дети часто задают вопрос: почему у него была другая фамилия? Вересаев – его литературный псевдоним. Он был известен и как писатель, и как врач, – продолжает Софья Сергеевна. – У него даже было два варианта визиток:

врач Смидович и писатель Вересаев. Широкую известность он приобрел, конечно, именно как писатель, его книги переводились на разные языки. Но Вересаев не ограничивался литературной и медицинской деятельностью, на самом деле он был очень разносторонним и интересным человеком. Переводчик с древнегреческого языка, пушкинист, литературовед, литературный критик. Очень жаль, что сейчас его имя незаслуженно забыто. Когда я училась в школе, мы не знали ничего о Вересаеве, не знали, что у нас был такой земляк. К сожалению, его произведения не включены в школьную программу. Мы надеемся, что ситуация изменится, ведь он действительно достоин этого». В России действует только один музей, посвященный Вересаеву. И весь фонд писателя сосредоточен именно здесь.

ДОМ ДЛЯ БОЛЬШОЙ СЕМЬИ

О родном доме и о Туле Викентий Викентьевич писал часто: он рассказывает о них в автобиографической книге «Воспоминания», да и в других произведениях упоминает нередко. «Вересаев вспоминал, что поначалу родительский дом был маленький, всего четыре комнаты, – рассказывает Софья Савищева. – Но семья у Смидовичей постепенно разрасталась, а вместе с ней рос и дом, к которому добавлялись пристройки. И, как писал сам Вересаев, в конце концов в доме было уже 13–14 жилых комнат».

В 1912 году, когда умерла мать Вересаева, дом был продан. Позже здесь разместилась коммунальная квартира, в которой жили 14 семей. В 1939-м дом взяли под охрану как памятник культуры, в 1940 году Вересаев передал в Тулу часть своих вещей, а в 1963-м его племянница передала оставшиеся вещи писателя. Но до открытия музея было еще далеко. В 1974 году в краеведческом музее появилась комнатка, посвященная Вересаеву. В 1982–1984 годах из дома переселили многочисленных жильцов. И только в 1992-м здесь наконец был открыт музей.

В России единственный музей посвящен жизни и творчеству Викентия Вересаева, и весь вересаевский фонд собран в Туле

Теперь по всем комнатам – и пристроенным, и основным – водят экскурсии. «В первой экспозиционной комнате представлен интерьер столовой-гостиной Смидовичей, – поясняет Софья Савищева. – Вся мебель – XIX века, правда, из обстановки семьи писателя сохранился только круглый обеденный стол». Зато здесь представлены вещи семьи: кузнецовский фарфор, кресло, барометр-термометр, принадлежавший отцу писателя, который серьезно занимался метеорологией. Еще в гостиной есть овальный столик, на нем лежат журналы, которые выписывали Смидовичи. На стенах – семейные фотографии. «Смидовичи – выходцы из древнего польского дворянского рода. Отец был врачом, учился в Москве, после окончания университета приехал в Тулу и около шести лет проработал в больнице. А потом занялся частной практикой, принимал пациентов прямо в этом доме, – рассказывает экскурсовод. – Причем многих лечил бесплатно. Можно сказать, что в этом доме действовала одна из первых приемных для неимущих. Поэтому вся беднота Тулы очень любила и уважала доктора Смидовича». Викентий Вересаев вспоминал, что отец в семье пользовался большим авторитетом, все сыновья хотели быть похожими на него.

Между прочим, отец и мать писателя принадлежали к разным конфессиям: Викентий Игнатьевич был католиком, а Елизавета Павловна – православной. Некоторые родственники этот союз не одобряли, например двоюродный брат матери прекратил с ней всякое общение. Но в семье Смидовичей никаких трений по поводу религии не возникало. «Уже на смертном одре Елизавета Павловна спрашивала мужа, не примет ли он православие, на что Викентий Игнатьевич ответил, что католиков и так мало. Если еще и он свою веру предаст, станет еще меньше», – говорит Софья Савищева.

Когда-то в доме на тихой тульской улочке жила большая семья. Здесь и родился будущий писатель Вересаев

ПЕРВЫЙ ТУЛЬСКИЙ ДЕТСКИЙ САД

В Туле хорошо знали и любили не только Викентия Игнатьевича, но и Елизавету Павловну. В 1872 году она открыла первый тульский детский сад в своем доме. Причем предварительно прошла курсы фребелевского обучения. Их создатель, педагог Фридрих Фребель, был автором идеи детских садов. Он считал, что дети – цветы жизни, потому и размещать их надлежало в детском саду, а воспитывать их должны садовницы (так тогда называли воспитателей). Стоит заметить, что у самой садовницы Елизаветы Павловны было восемь детей. «Вообще, в семье родились одиннадцать детей, но трое рано умерли, – уточняет Софья Савищева. – В итоге в семье росли четыре мальчика и четыре девочки».

Хорошо образованные родители постарались и детям дать прекрасное образование. В семье всегда много читали. По вечерам Смидовичи собирались в гостиной, дети читали родителям вслух, ставили небольшие спектакли или разыгрывали сценки. Иностранные языки учили с детства: один день в неделю в семье говорили на немецком, другой – на французском. Обязательным было и музыкальное образование: все девочки играли на фортепиано, мальчики – на скрипке.

«А здесь висит портрет двоюродного дедушки писателя – Викентия Михайловича, – продолжает экскурсовод. – Он был штабс-капитаном в отставке. Жил в селе Теплое Тульской губернии и частенько приезжал к Смидовичам в гости. Родной дед писателя, Игнатий Михайлович, был участником Польского восстания 1830-х годов, имение у него было конфисковано, и он умер в бедности. У него осталась супруга с детьми. Викентия Игнатьевича взял на воспитание родной брат отца – Викентий Михайлович. Так отец Вересаева и оказался в Тульской губернии».

В доме Вересаева всегда было множество книг – и художественная литература, и словари, и справочники... Во многих изданиях на полях можно увидеть карандашные пометки, сделанные писателем

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Следующая комната – детская Вересаева, которую он делил со своим старшим братом. Вещей здесь сохранилось немного, но уцелела лампа, которую можно назвать «мемориальной». Эту лампу писатель взял с собой, когда уехал из Тулы. Позже сам переделал ее в электрическую. На лампе сохранилась выемка под стеклянный сосуд – след ее керосинового прошлого. Сейчас эта лампа, можно сказать, стала символом Музея Вересаева.

Наверное, лампа многое могла бы рассказать о жизни и переживаниях писателя, ведь она всегда была рядом с ним. Возможно,

она была свидетелем и первой любви юного Смидовича. Напоминание об этой истории – фотография 10-летнего Викентия на стене в детской. Это фото мальчик сделал, чтобы подарить его Маше Плещеевой. Надо сказать, что такие портреты были по тем временам дорогим удовольствием. «Чтобы сделать эту фотографию, он довольно долго копил деньги, потом сделал фото и построился, когда увидел результат: он себе совсем не понравился. К тому же родители не разрешили подарить такой презент девочке, поскольку посчитали это неприличным. Так фотография осталась в семейном архиве, –

За круглым обеденным столом собиралась семья Смидовичей – сегодня, как и в прежние времена, он украшает гостиную старинного дома

рассказывает Софья Савищева. – А Викентий и Маша обменялись на память локонами волос. У обоих планы на будущее были серьезные: он хотел на ней жениться, она была не против выйти за него замуж. Правда, потом Плещеевы переехали в Москву и больше Викентий никогда не видел свою первую любовь». Любовную тему продолжают еще три женских портрета на стене – это сестры Конопацкие. Их родители держали частный пансион для девочек – один из лучших в Туле. Отец Вересаева был врачом при пансионе, так что Конопацкие и Смидовичи дружили семьями. Однажды в дневнике юный Викентий размышлял, можно ли любить трех девушек одновременно. И пришел к выводу, что можно. Симпатию он испытывал сразу ко всем сестрам – Кате, Наташе и Любе. И потом на протяжении многих лет интересовался их судьбой. Кстати, одной из сестер, Екатерине, он посвятил стихотворение, ставшее его литературным дебютом. В детской комнате также можно увидеть ведомость за выпускной класс: Викентий Смидович окончил Тульскую мужскую гимназию в 1884 году с серебряной медалью. «Вот здесь мы всегда обращаем внимание гостей на количество

иностраннных языков – раньше учили латинский, греческий, французский, немецкий. И Вересаев знал их очень хорошо», – говорит Софья Савищева. После детской экскурсии продолжается в комнате, которую раньше занимала мать писателя. Из ее вещей здесь лишь несколько фотографий, в комнате разместились экспонаты, связанные со студенчеством Вересаева и с самым началом его литературной деятельности. После окончания гимназии Викентий поступил в Петербургский университет на историко-филологический факультет. Там же состоялась его первая серьезная проба

Экскурсоводы говорят: если рассказывать про каждую книгу, в музее можно провести несколько дней

Музыкальное образование в семье было обязательным – все девочки играли на фортепиано, мальчики – на скрипке

пера: Смидович написал статью «Что такое донкихотство» и прочитал ее своим товарищам. Вдохновленные студенты организовали литературный кружок, который просуществовал четыре года. Причем в итоге с обсуждения литературных тем члены кружка перешли на споры об общественных вопросах.

НА БОРЬБЕ С ХОЛЕРОЙ

«В Петербурге же было опубликовано и самое первое произведение писателя – то самое стихотворение, посвященное Екатерине Конопацкой. Тогда в столице выходил «Модный свет» – иллюстрированный журнал для дам. В нем 23 ноября 1885 года и появилось стихотворение, – продолжает Софья Савищева. – Называется оно «Раздумье» и было подписано псевдонимом В. Викентьев. Автору было 18 лет. Кстати, тогда же он и определился, что поэзия – не его стезя. Понял, что он – прозаик». В университете будущий писатель проучился четыре года – диплом кандидата исторических наук представлен в витрине экспозиции. А потом Викентий решил пойти по стопам отца и стать врачом. «Он считал, что если писатель хочет рассказывать о человеке, то нужно очень хорошо ориентироваться и в строении

Вересаев и Чехов были знакомы. Чехов советовался с коллегой по поводу своего здоровья и писал, что Вересаев – единственный врач, который может четко и прямо описать положение вещей

тела, и в психике, – объясняет Софья Савищева. – А вторая причина, как он сам писал, заключалась в том, что ему хотелось иметь прочные знания в той сфере, которая всегда нужна в обществе. Медицина этому полностью соответствовала».

В 1888 году Викентий отправился в Дерптский университет (ныне – Тартуский). Как вспоминал писатель, учиться там было непросто, поскольку преподавание велось на немецком. Вскоре в России вспыхнула эпидемия холеры и студентов старших курсов медицинских факультетов часто отправляли бороться с ней. В 1892 году Смидович поехал в Екатеринославскую губернию, где заведовал холерным баром на Вознесенском руднике, неподалеку от Юзовки (с 1924 по 1929 год – Сталин, до 1961-го – Сталино, ныне – Донецк). Условия там были довольно тяжелые, люди боялись врачей, считали, что именно из-за них возникает эпидемия. Нападения на докторов происходили регулярно. То, что довелось увидеть и пережить на руднике, Вересаев потом описал в очерках «Подземное царство», опубликованных в 1892 году в журнале «Книжки недели». Именно они и были подписаны псевдонимом Вересаев.

До конца жизни писатель работал над переводом «Илиады». Если отец Вересаева до последнего был врачом, то Вересаев до последнего был писателем

«О том, откуда взялся псевдоним, Викентий Викентьевич писал в своих воспоминаниях. Он читал Гнедича – не того, кто перевел «Илиаду» и «Одиссею», а его родственника-писателя. И в одном из его рассказов ему встретился персонаж по фамилии Вересаев, – объясняет экскурсовод. – Смидовичу понравилась фамилия и импонирует сам персонаж. Вот он и решил публиковаться под таким псевдонимом. Товарищи по перу одобрили его выбор. К примеру, его очень хвалил Леонид Андреев, с которым писатель дружил».

ДОРОГА В ЛИТЕРАТУРУ

После шести лет учебы в Дерпте Вересаев готовился приступить к врачебной деятельности, вот только о своих знаниях он был невысокого мнения: писал, что они у него «микроскопические». Он посчитал, что самостоятельно лечить людей еще не может. Поэтому вернулся в Тулу, чтобы под руководством отца набраться опыта.

Отдельная витрина в экспозиции Музея Вересаева посвящена Викентию Игнатьевичу. Здесь можно увидеть сохранившиеся медицинские инструменты отца писателя и некоторые его

В тульском музее можно увидеть и московский кабинет – все вересаевские вещи из дома №2 в Шубинском переулке перекочевали в родительский дом

труды – ведь он был не только врачом, но и общественным деятелем. В доме у Викентия Игнатьевича была своя маленькая химическая лаборатория, где он проводил опыты и изготовлял лекарства. «На врачебном посту он был до последнего. В 1894 году заразился от больного сыпным тифом. Он героически вел дневник болезни, подробно записывал все ощущения и то, что с ним происходило. Скончался Викентий Игнатьевич на деся-

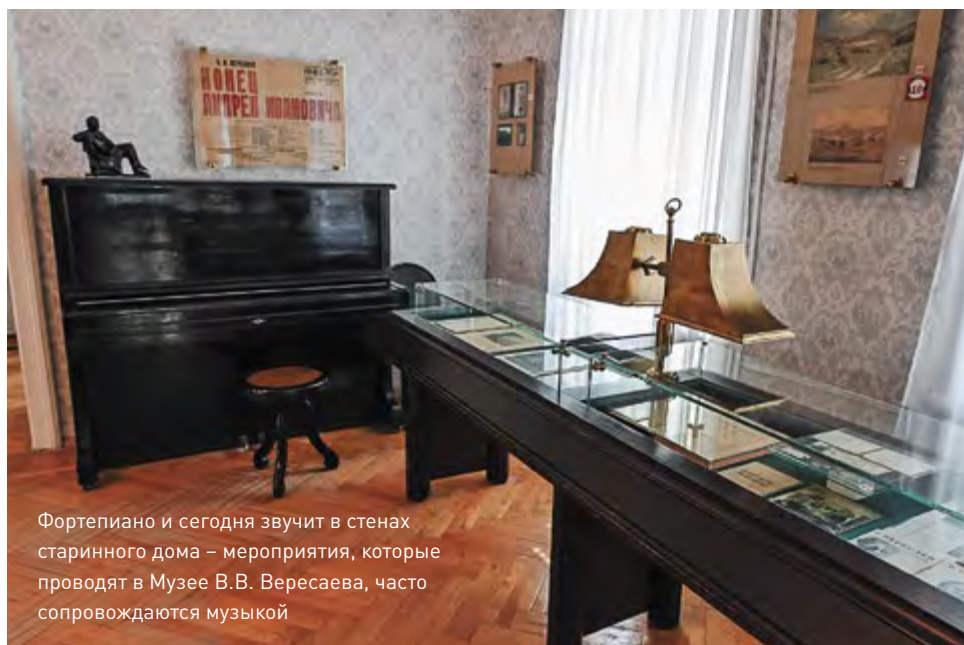
тый день болезни», – рассказывает Софья Савищева. После смерти мужа Елизавете Павловне пришлось нелегко: нужно было содержать семью, старшие из детей только начали вставать на ноги. И вдова Сидович нашла выход: на территории своей усадьбы она построила двухэтажный доходный дом (его можно увидеть и сейчас, правда, он уже давно не относится к музею: там обосновалось Тульское отделение Красного Креста. –

Семья была большая – в доме росли четыре девочки и четыре мальчика

Прим. авт.). Ей хватало сил и на управление имением Владычино, где она пыталась наладить сельское хозяйство. Правда, дела шли не слишком успешно, и в итоге имение было продано...

А в комнате, служившей Викентию Игнатьевичу кабинетом, сегодня представлены книги его сына. В том числе и повесть «Без дороги», которая, можно сказать, проложила Вересаеву дорогу в русскую литературу. Тут же – «Записки врача», впервые опубликованные в 1901 году в журнале «Мир Божий». Над этой повестью Вересаев корпел семь лет, одновременно работая в петербургской Боткинской больнице. «Записки врача» принесли писателю известность – повесть пользовалась большой популярностью и была переведена на японский, итальянский, французский, английский языки. Все книги с автографами переводчиков представлены в музее.

Но со славой пришла и критика. В газетах писали, что «Записки врача» подрывают авторитет официальной медицины, хотя Вересаев, описывая будни своей профессии, всего лишь честно рассказал о проблемах, с которыми сталкивался в практике. Жаркие дискуссии вокруг «Записок

Фортепиано и сегодня звучит в стенах старинного дома – мероприятия, которые проводят в Музее В.В. Вересаева, часто сопровождаются музыкой

врача» и позиция Вересаева привели к его увольнению из Боткинской больницы. Викентия Викентьевича отправили в Тулу – под негласный надзор полиции. Правда, ненадолго.

В экспозиции можно увидеть и книгу «Живая жизнь», которую писатель считал своим лучшим произведением. «Она состоит из двух частей, – поясняет Софья Савищева. – Первая посвящена Достоевскому и Толстому. Автор сравнивает творчество писателей и приходит к выводу, что Достоевский изображает более мрачные стороны действительности, а Толстой, наоборот, во всем старается видеть свет. Вересаеву был ближе по духу Толстой, ведь Викентий Викентьевич очень любил и ценил жизнь. А вторая часть – «Аполлон и Дионис» – посвящена анализу произведений Ницше».

ОТ ЗАПРЕТОВ ДО ПРЕМИЙ

Еще одна страница биографии и творчества Вересаева – так называемый «крымский период». Он поехал в Крым отдохнуть, но там его застала начавшаяся Гражданская война. На «отдыхе» писатель задержался на три года. Он вспоминал, как его не раз арестовывали, когда Крым переходил от красных к белым и обратно. На память о «крымском периоде» у Вересаева остались акварели Максимилиана Волошина, которые известный поэт презентовал Вересаеву и его супруге: в голубых тонах – Викентию Викентьевичу, в бежевых – Марии Гермогеновне. Кстати, женат писатель был счастливо, брак продлился всю жизнь. Супруге он посвятил рассказ «Эйтимия», что означает «Радостнодушие».

В 1925 году в СССР отмечали 40-летний литературный юбилей Вересаева. Стены музея украшает картина Аполлинария Васнецова, подаренная писателю: в центре полотна – источник, из которого люди набирают воду. Так живописец аллегорически представил творчество Вересаева, дающее людям жизненные силы. В честь того же творческого юбилея был презентован еще один подарок, также ставший

В уютном доме Смидовичей всегда было многолюдно, и сегодня здесь нередко собирается много гостей – в музее проходят различные встречи, конференции, мероприятия

экспонатом музея: Всероссийский союз писателей преподнес Викентию Викентьевичу собрание сочинений Платона, изданное во Франкфурте-на-Майне в 1602 году. Переплет из телячьей кожи, почти полторы тысячи страниц на древнегреческом и латыни – книга начала XVII века прекрасно сохранилась. Как врач Вересаев прошел две войны – Русско-японскую и Первую мировую. Впечатления писателя от Русско-японской войны легли в основу цикла рассказов «На японской войне», который был опубликован полностью только в 1928 году. А вот романы «В тупике» (1923) и «Сестры

(1932) были запрещены в СССР и появились на полках библиотек и книжных магазинов только в 1990-е годы.

Во время Великой Отечественной Вересаев был эвакуирован в Тбилиси, выступал на фронте и по радио, в 1945 году был награжден медалью «За оборону Кавказа». Случайно в радионовостях услышал, что ему присуждена Сталинская премия 1-й степени – «за многолетние выдающиеся достижения»...

«Вересаев был пушкинистом, и его работы по этой теме у нас в музее тоже есть. Но если рассказывать про каждую книгу писателя, на это уйдет несколько

О том, что ему присуждена Сталинская премия 1-й степени, писатель случайно услышал по радио. Премию вручили за общий вклад в развитие культуры

ко дней, – улыбается Софья Савищева. – Важно, что Вересаев ввел в русскую литературу новый жанр – биография-хроника. Он строил повествование из документальных воспоминаний, заметок, писем людей, знавших героев его исследований. Так появились замечательные книги – «Пушкин в жизни» и «Гоголь в жизни», еще при жизни Вересаева ставшие бестселлерами».

«ДА ЖИВЕТ, КТО ЖИЗНЬ ТВОРИТ!»

Одна из комнат, которую в музее именуют «греческой», посвящена работам Вересаева-переводчика. Здесь представлены его переводы на русский язык Сафо, Гесиода, Архилоха. За переводы Гесиода он, кстати, в 1919 году был удостоен Пушкинской премии Академии наук. «Но наивысшая его заслуга в области перевода состоит в том, что начиная с 1937 года и до конца своих дней он переводил поэмы Гомера – «Одиссею» и «Илиаду». Это титанический труд, – говорит Софья Савищева. – Его переводы и сегодня считаются одними из лучших. В музее можно увидеть один из его черновиков – многих удивляет, насколько разборчивый у

него почерк, ведь обычно врачам это несвойственно». В тульском музее воссоздан и московский кабинет писателя: здесь представлены вещи Вересаева из дома №2 в Шубинском переулке столицы. Все предметы подлинные – мебель, шахматы, печатная машинка, портреты писателей, копия посмертной маски Пушкина и, конечно, множество книг с карандашными пометками на полях... Вересаев работал до последнего дня своей жизни. Скончался он 3 июня 1945 года в возрасте 78 лет. Похоронили писателя на Новодевичьем кладбище. Хранители тульского музея часто ездят

Вересаев ввел в русскую литературу новый жанр – роман-хроника. У читателей эти книги пользовались популярностью, а критики были недовольны, ведь Вересаев писал о Пушкине как об обычном человеке со всеми его недостатками и слабостями

на могилу Вересаева, следят за ней. Общаются они и с потомками Вересаева – Лев Разумовский, правнучатый племянник, научный сотрудник Российской академии наук, поддерживает связь с тульским музеем. А праправнучатого племянника писателя зовут Викентий Викентьевич – в честь Вересаева.

Последняя комната музейной экспозиции посвящена памяти писателя. Здесь можно увидеть посмертные издания книг Вересаева и труды о нем. Отдельная витрина посвящена его племяннице – Валерии Михайловне Нольде, которая долгие годы была личным секретарем писателя. Именно она и стала его наследницей. «Можно сказать, что благодаря ей наш музей и существует. Большинство предметов, книг, личных вещей она передала в Тулу. К сожалению, до открытия музея Валерия Михайловна не дожидась – ушла из жизни в 1990-м, – поясняет экскурсовод. – И мы всегда заканчиваем экскурсию словами из ее книги «Вересаев. Жизнь и творчество»: «Всем, кто создал этот музей и кто пришел сюда, с самыми добрыми пожеланиями творчества и радостной живой жизни. Да живет, кто жизнь творит!»

В годы Великой Отечественной войны Вересаев был удостоен медали «За оборону Кавказа». В этой войне он уже не мог воевать в силу возраста, но выступал на фронте и по радио, помогая поддерживать дух солдат

РОДНИК ИСКУССТВ

АВТОР

ТАТЬЯНА НАГОРСКИХ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

В НАЧАЛЕ XX ВЕКА ВЫШИВКИ СМОЛЕНСКИХ КРЕСТЬЯНОК, КАК И ДРУГИЕ ИЗДЕЛИЯ ТАЛАШКИНСКИХ МАСТЕРСКИХ, ПРОИЗВЕЛИ СЕНСАЦИЮ В ПАРИЖЕ, ЛОНДОНЕ, ПРАГЕ. О НИХ С ВОСХИЩЕНИЕМ ПИСАЛИ ЕВРОПЕЙСКИЕ ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ. ИСКУССТВОВЕДЫ ПОСВЯТИЛИ ИМ ВОСТОРЖЕННЫЕ АНАЛИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ. ВЫШИТЫЕ СКАТЕРТИ, САЛФЕТКИ, ПОЛОТЕНЦА, ШТОРЫ, ШИРМЫ, ПОДУШКИ И МЕБЕЛЬ ПОСЛЕ ВЫСТАВОК МГНОВЕННО РАЗЛЕТЕЛИСЬ ПО МУЗЕЯМ И ЧАСТНЫМ КОЛЛЕКЦИЯМ.

ЕВРОПЕЙСКИЙ ТРИумф смоленских кустарей стал возможен благодаря усилиям женщины, которая всю свою жизнь ратовала за возрождение русской традиционной художественной культуры как «жизнотворческой силы», – мецената, просветителя, коллекционера княгини Марии Клавдиевны Тенишевой. В своих смоленских владениях Талашкино и Флёново она создала уникальный худо-

Как радушная хозяйка княгиня Тенишева встречает гостей Талашкина и Флёнова. Памятник Марии Клавдиевне открыт в 2008 году к 150-летию со дня ее рождения. Скульптор – Людмила Ельчанинова

Талашкино и Флёново – прекрасные уголки природы средней полосы России

но самое яркое в жизни имения время князь Вячеслав Николаевич Тенишев. А Флёново – это сельскохозяйственная школа, художественные мастерские, общежития для мальчиков и девочек, театр, сказочный «Теремок», храм Святого Духа и многое другое».

В конце XIX – начале XX столетия здесь бывали и работали Михаил Врубель, Николай Рерих, Игорь Стравинский, Федор Шаляпин, Сергей Дягилев, Илья Репин, Сергей Малютин, Валентин Серов, Иван Билибин, Михаил Нестеров, Константин Коровин. Практически весь цвет художественной элиты Серебряного века. С одними Тенишеву связывала дружба, другие становились сотрудниками школы и мастерских, третьи гостили, черпая вдохновение из талашкинского родника искусств. Почти четверть века – с 1893 по 1914 год – в этой творческой атмосфере заново рождался забытый к тому времени русский стиль. «Талашкино, наравне с Абрамцевом, было самым известным и значительным пунктом дореволюционной России, где ряд русских художников с большим

жественный, образовательный и культурно-просветительский центр, получивший европейскую известность. По словам ведущего научного сотрудника Историко-архитектурного комплекса «Теремок» Смоленского государственного музея-заповедника Тамары Викторовны Исаченко, «здесь создавались произведения, в которых удачно сочетались традиции народного искусства и новейшие тенденции рубежа XIX и XX веков».

СОДРУЖЕСТВО, СОТВОРЧЕСТВО, СОТРУДНИЧЕСТВО

В широком представлении Талашкино и Флёново воспринимаются как единое целое. Однако, по словам Тамары Викторовны, «это два самостоятельных явления. Талашкино – усадьба, где хозяйствовали, жили, трудились княгиня Мария Клавдиевна Тенишева, княгиня Екатерина Константиновна Святополк-Четвертинская и недолгое,

успехом работал над возрождением народного русского искусства», – писал в 1946 году академик Игорь Грабарь.

Помимо художественных и образовательных проектов княгини Тенишевой и ее близкой подруги и соратницы княгини Святополк-Четвертинской с этим местом также связаны выдающиеся достижения князя Тенишева. «Именно здесь, в Талашкине, сформировался его грандиозный замысел «Этнографического бюро» – масштабного, в рамках всей страны, этнографического исследования русского крестьянства, программе которого он разработал и осуществил. Этот бесценный для потомков труд князь финансировал из собственных средств. С 1897 по 1900 год в Талашкине Вячеслав Николаевич на посту генерального комиссара трудился над созданием русского павильона для Всемирной выставки в Париже. Его колоссальный труд был высоко оценен российским и французским правительствами. Успех России на этой выставке – заслуга князя Тенишева и его супруги Марии Клавдиевны», – пояснила Тамара Викторовна. Так, в отдаленном от столиц живописном уголке Смоленской губернии задумывались и претворялись в жизнь проекты, девизом которых были пушкинские строки: «Мой друг отчизне посвятим // Души прекрасные порывы». Ведь, по замечанию научного сотрудника, «люди, которые здесь жили и работали, были действительно патриотами своей страны».

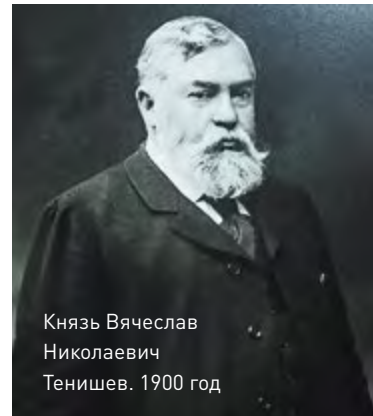
Сегодня бывшие владения Тенишевых объединены в Историко-архитектурный комплекс «Теремок» в составе Смоленского государственного музея-заповедника. О прежней дворянской усадьбе ныне напоминают только высокие старые липы, тополиные аллеи и каскад прудов. Усадебный дом, увы, не сохранился. Представить, каким он был, можно по заметкам гостившей здесь Ольги Базанкур: «Хочется описать прелестный старый дом. Он низенький, приземистый, весь

Княгиня Мария Клавдиевна Тенишева.
1893 год

закутавшийся во вьющуюся зелень, как старинная щеголиха в платье с оборочками».

Зимой окрестные дали и сохранившиеся строения школы, Теремка и храма окутаны пышными сугробами. Их близость созвучна белоснежным домотканым холстам смоленских крестьянок. Летом же здесь необычайно красиво, живописно, оживленно. Все утопает в яркой зелени и пронизано благоуханием роз – любимого цветка Марии Клавдиевны. При княгине на территории были разбиты огромные розарии. Сегодня сотрудники музея стремятся восстановить прежний облик этого места. Уже посажено около 150 кустов роз. И это только начало.

Князь Вячеслав Николаевич Тенишев. 1900 год

ЗАРОНИТЬ ИСКРУ БОЖИЮ

Много хорошего в этом месте было сделано по замыслам и при деятельном участии Марии Тенишевой. Подробно об этом мы писали в статье «Жар-птица русского Возрождения» (см.: «Русский мир.ru» №1 за 2012 год). На сей раз, вновь прогулявшись по историческим местам вместе с Тамарой Викторовной, мы обратились к истокам европейского триумфа дорогого сердцу княгини талашкинского детища. Нам хотелось понять, как художественные изделия смоленских крестьян покорили Европу и прославили Россию. Тенишева не раз признавалась в любви к своему народу, она верила, что «в нем будущность России, нужно только верно направить его силы и способности». В 1894 году во Флёнове совместно с княгиней Святополк-Четвертинской она открыла сельскохозяйственную школу для сиротских крестьянских детей. Княгиня писала, что при приеме в школу «руководствовалась

Балалаечный оркестр Талашкинской школы.
Начало XX века

тремя соображениями: дети должны быть действительно сиротами, непременно Смоленской губернии и даже предпочтительно Смоленского нашего уезда, ближайших деревень и, наконец, не моложе девяти лет. Крестьянский ребенок только с этого времени начинает осознавать себя». В первый же день было набрано 150 учеников. В дальнейшем, после ряда преобразований, в школу принимали уже не только сирот. Помимо преподавания общих и сельскохозяйственных предметов задач учителей было «заронить в душу своих питомцев искру Божию», выявить предназначение каждого ученика. «Есть ли безусловно неспособные люди, за исключением полного вырождения? – задавалась вопросом Мария Клавдиевна. – Нет, я твердо верю, что

всякому человеку можно найти применение и собственный путь. Наука не дается – надо попытаться попробовать силы в другом. Надо подметить, изучить склонности и, поощрив их, направить на что-нибудь подходящее». На первый взгляд звучит как утопия. Но благодаря самостоятельно разработанным книжными уставу и программе, тщательно подобранным учителям

Здание сельскохозяйственной школы

Учебный класс школы с подлинными библиотечными шкафами Тенишевых

из Петербурга, Варшавы, Москвы, а также отношению к каждому ребенку как к личности многое удавалось. «Школа была местом, где обиженный судьбой ребенок мог не только научиться читать и писать, где его не только одели, обули, накормили, но еще и создали условия, при которых он развивается, – поясняет Тамара Викторовна. – Обширная библиотека, собрание произведений народного искусства «Талашкинская скриня», театр, балалаечный оркестр играли важную роль в воспитании учеников. Не обязательно ребенок должен был состояться как музыкант или певец, но он должен был состояться как личность разносторонняя, образованная, воспитанная». Кроме того, любой выпускник, выказавший особое расположение к наукам, творчеству, ремеслу

или иному виду деятельности, имел возможность получить дальнейшее образование на стипендию княгинь. В том числе и за границей. В воспоминаниях Тенишевой имеется забавный случай, когда один «малой» изъявил желание стать «цирульником». Его отправили в Петербург, к модному куафёру Делькруа. Отучившись, «он стал «мосье Арсен», зарабатывает несколько сот рублей в месяц – это из лентяя Аргюшки-то».

Ученики Талашкинской школы обязательно изучали ремёсла. Мальчики – столярно-плотничное, гончарное, корзиночное, шорное, кузнечное. Как писала Тенишева, «школа дала мне еще и художников. Вышли отличные резчики по дереву, рисовальщики. В русском мужичке всего найдешь, только покопайся. <...> В массе много способ-

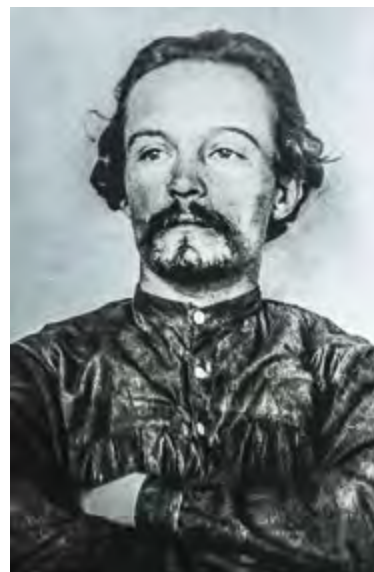
На переднем плане – кресло с вышивкой по эскизу М.К. Тенишевой. Вышивала Евлампия Самусева. 1903–1905 годы

Образцы вышивок талашкинских мастерских. Современное воспроизведение. Вышивальщица – О.В. Рублевская

ных и даже талантливых». Девочки занимались рукоделием. «Учились шить белье и одежду, изучали различные техники вышивания и кружевоплетения. Много времени уделялось вышиванию шелком и бумажными нитями по образцам из модных журналов и эскизам профессиональных художников», – замечает Тамара Викто-

ровна. С 1900 года совместное обучение девочек и мальчиков благотворно сказалось на воспитании последних. В отчете школы за 1901 год отмечено: «Мальчики заразились опрятностью от девочек, перестали сквернословить и начали пользоваться носовыми платками». В настоящее время здание сельскохозяйственной школы рекон-

Русский художник и архитектор, первый руководитель талашкинских мастерских Сергей Васильевич Малютин

струировано. Сегодня можно посидеть за партами, выполненными по образцу XIX века, поучиться писать прописи пером, обмакивая его в чернильницу, сравнить современные и столетней давности школьные предметы и школьную форму. Увидеть вышивки, посуду, резные изделия и хозяйственные предметы, созданные прежними учениками школы. Как когда-то делала княгиня, в новогодние праздники в учебном классе наряжают большую елку, в любую пору ставят театрализованные представления и проводят музыкальные вечера.

СЕРДЦЕ РАДУЕТСЯ

Ремесленные занятия в сельскохозяйственной школе положили начало талашкинским художественным мастерским и позволили княгине Тенишевой реализовать давнюю мечту. «Мне давно хотелось осуществить в Талашкине еще один замысел. Русский стиль, как его до сих пор трактовали, был совершенно забыт. Все смотрели на него как на что-то устарелое, мертвое, неспособное возродиться и занять место в современном искусстве. Наши деды сидели на деревянных скамьях, спали на пуховиках, и, конечно, эта обстановка уже перестала удовлетворять совре-

Резная мебель по проекту Сергея Малютина. На столе – ендова художника А.П. Мишонова

Глиняные изразцы по эскизам Сергея Малютина. 1900–1903 годы

менников, но почему же нельзя было построить все наши кресла, диваны, ширмы и трюмо в русском духе, не копируя старины, а только вдохновляясь ею? Мне хотелось попробовать, попытать мои силы в этом направлении, призвав к себе в помощь художника с большой фантазией, работающего тоже над этим старинным русским, сказочным прошлым, найти лицо, с которым могла бы создать художественную атмосферу, которой мне недоставало», – размышляла княгиня в 1899 году.

Таким человеком, по совету Михаила Врубеля, стал художник Сергей Васильевич Малютин, с 1900 года возглавивший талашкинские художественные мастерские. Три года под его началом и по его эскизам создавались из дерева и керамики в «былинно-сказочной» стилистике столы, диваны, стулья, сани, ларцы, рамки, игрушки и многое другое.

В 1903 году Малютин сменил талантливого выпускника Строгановского училища Алексей Зиновьев. Его влияние сказалось в гармоничном сочетании особенностей русской старины и стиля модерн. Художественный критик Сергей Маковский писал о произведениях Зиновьева, что «фор-

мы их не подражают слепо крестьянскому кустарничеству; они уже в значительной степени – современные, наши формы, гармонирующие с двадцатым веком; и вместе с тем орнамент, обивка, иные случайности линий, мелочи, на первый взгляд едва заметные, – словом все, что дает обстановочному предмету его физиономию, – национально, близко народному чутью красоты».

Мечта Марии Клавдиевны Тенишевой во многом осуществилась. Изделия, создаваемые в мастерских, не копировали старину, а лишь вдохновлялись ею. Они гармонично вписывались в городской интерьер начала XX века. Творческие задачи в мастерских решались в двух направлениях. «С одной стороны, художники, в том числе и Тенишева, придумывали вещь, а талантливые мастера ее воплощали. С другой – ремесленники приносили уже готовые балалайки, сани, холсты, которые дорабатывались по эскизам профессиональных художников, украшались резьбой, росписью, вышивкой. Происходило слияние идей, опыта, мастерства и начиналось сотворчество. За счет этого улучшался художественный облик изделий», – поясняет Тамара Викторовна.

Постепенно, по словам Тенишевой, «Талашкино сделалось целым особым мирком, где на каждом шагу кипела жизнь, бился нерв, создавалось что-то, ковалась и завязывалась, звено за звеном, сложная цепь. Набралась кучка способных мальчиков, частью из школьников, в которых я подметила способности (как, например, Мишонов), частью из пришедших, прослышавших, что в Талашкине можно научиться художествам. <...> везде жизнь кипит. В мастерской строгоют, режут по дереву, украшают резную мебель камнями, тканями, металлами. <...> В другой мастерской девушки сидят за пяльцами и громко распевают песни. Мимо мастерской проходят бабы с котомками за пазухой: принесли работу или получили новую. Идешь – и сердце радуется».

Восстановленная изразцовая печь по проекту С.В. Малютина 1900-х годов

Деревянное резное многокрасочное панно «Садко – богатый гость» по проекту С.В. Малютина. 1900–1903 годы

ВЫШИВАТЬ ПО-СТАРИННОМУ

Уже в первые годы своего существования талашкинские мастерские стали центром, куда стремились и ремесленники со всей округи, и выдающиеся деятели культуры со всей страны. Ведь «там многое своеобразно. Дело широко открыто всему

одаренному, всем хорошим поискам», – писал Николай Рерих. Для продажи изделий талашкинских мастерских Тенишева открыла в Москве, на углу Столешникова переулка и улицы Петровка, магазин с говорящим названием «Родник». Именно «родником искусств» – источником творчества и вдохновения – называл Николай Рерих Талашкино. Позже такой же магазин появился и в Смоленске. Все товары – от мебельных гарнитуров до детских игрушек – пользовались популярностью у дворян, крестьян, городских жителей. Высокохудожественная продукция мастерских была по карману многим. Очень скоро о талашкинских начинаниях заговорили и в России, и за границей. Как свидетельствовала дочь Сергея Малютина Ольга, «заказы поступали даже из Лон-

дона. Англичане очень интересовались набойкой и деревянными резными предметами, а также шторами и скатертями вышитыми. Вышивальная и красильная мастерские были предметом осо-

рых забот Марии Клавдиевны: «...как бы хорошо было дать возможность крестьянам зарабатывать в зимнее время, особенно женщинам. Ведь крестьянки в длинные зимние месяцы или перебиваются с трудом <...>

Мечтой Марии Клавдиевны Тенишевой было наполнить подлинно русским искусством современные интерьеры

или идут на фабрики, в город, искать заработка, бросая семью, детей, <...> У меня возникла мысль воспользоваться сохранившейся еще среди наших смоленских крестьянок традицией и привлечь тех из них, которые еще не забыли украшенных вышивками своих нарядов и помнили способ старинной растительной окраски». Поначалу дело шло туго. После ярких, с преобладанием красного, синего и желтого, местных вышивок цвета, предложенные художниками, крестьянкам не понравились: «они называли их «мутными». Зато пастельная или, как тогда говорили, «припудренная» цветовая гамма из сиреневых, табачных, вишневых цветов хорошо отвечала современному стилю модерн. Постепенно крестьянки вошли во вкус и «немного погода не

Буфет, столик и ширма, декорированные вышивками талашкинских мастерских, по проекту А.П. Зиновьева. 1909–1910-е годы

было отбоя от них». С мастерскими сотрудничали 2 тысячи женщин из более чем 50 окрестных деревень. По воспоминаниям Тенишевой, «материал весь покупался у баб: сукно, пряжа, холсты. Все это у нас окрашивалось, кроилось, подбирались подходящие нитки, и снова шло к ним в работу. Не покидая своей избы, зимой крестьянка, хорошая рукодельница, легко зарабатывала 10–12 и даже больше рублей в месяц, что для них представляло значительные суммы. Между ними были настоящие художницы, мастерицы, с врожденным вкусом, умением и фантазией, тонко видящие цвета и с полуслова понимающие, чего от них хотели. В конце концов мы начали достигать удивительных результатов, и каждая особенно удавшаяся вещь, со сложным рисунком, богатая по краскам, чисто и тонко выполненная, составляла радость и гордость всей мастерской».

Начинали вышивать с небольших салфеточек. Затем появились более крупные вещи: драпировки на окна и двери, обивки для мебели, скатерти, покрывала на рояли, отделки для платьев, подушек, полотенец и многое другое. Вышивки исполнялись как в сложной народной технике «цветная перевить», чисто сделанной «на обе бока» (лицевая и изнаночная сторона практически идентичны), так и шелковыми или шерстяными окрашенными нитками в технике «лицевой глади». В первом варианте крестьянским мастерицам доверялось и художество. Во втором – рисунки для вышивок создавали профессиональные художники, включая Тенишеву. В собрании Смоленского музея-заповедника немало талашкинских вышивок, часть из них представлена и в Теремке. Создавая вышивальную и красивую мастерские, Тенишева решила еще две важные задачи. Во-первых, благодаря ее усилиям самобытное умение шить «на обе бока» смоленские

Здание любительского театра, организованного в воспитательных целях княгиней Тенишевой для учеников школы, не сохранилось. Восстановленная роспись занавеса театра «Боян, играющий на гуслях» по эскизу С.В. Малютина

крестьянки не забыли. Ведь в начале XX века уже процветали упрощенные брокаровские узоры и быстрая вышивка крестиком. Во-вторых, она всей душой стремилась, чтобы русская старина вошла в современный быт, чтобы не только в музеях можно было ею любоваться. Тогда Марии Клавдиевне многое удалось. Сегодня в Смоленске, как нам рассказали, осталась всего одна рукодельница, владеющая «умением вышивать по-старинному». А значит, нужны новые Тенишевы, чтобы уникальное ремесло не было утрачено.

ЕВРОПЕЙСКИЙ ТРИУМФ

Судьба распорядилась так, что появление талашкинских изделий на художественной сцене Европы случилось лишь в 1907 году. Исключение составляют только расписанные Михаилом Врубелем на мотивы былин и сказок балалайки, которые выставлялись в 1900 году на Всемирной выставке в Париже и были удостоены там золотой медали. Французы хотели выкупить весь балалаечный оркестр, но Тенишева его сберегла и вернула в Смоленск. «Морскую царевну», «Добрыню и Змея Горыныча», а также изысканных

Образцы вышивок талашкинских мастерских. Начало XX века. Из коллекции М.К. Тенишевой

Дверной портал с эмалевым фронтоном «Георгий Победоносец, поражающий копьём змия» – собственноручная работа М.К. Тенишевой и итог ее многолетних исследований техники выемчатой эмали.
1908–1911 годы

в самых лестных выражениях. <...> мне был очень приятен сочувственный прием нашему родному искусству».

После выставки искусствовед Ольга Базанкур писала: «Все французские и английские журналы полны восторженными статьями, снабженными множеством иллюстраций и восхваляющими как способность русского народа, так и организаторов выставки, популяризирующих русское искусство в Париже». В другой статье она отмечала, что «Сара Бернар, Режан, Пакэн, Дузе и другие известные законодатели мод – все перебивали на этой выставке, приобретая изделия наших крестьянок, и применение этих работ сказалось на парижских модах, на покроях костюмов для гулянья, неуловимо напоминающих наши старинные шушунны и телогреи, не говоря уже о кружевных пальто и отделках платьев, совсем явственно навеянных нашей стариной». В истории костюма обыкновенно принято начинать отсчет русского влияния на европейскую моду с оперных и балетных постановок Русских сезонов Сергея Павловича Дягилева, начало которым было положено также в 1907 году. Теперь же можно смело утверждать, что русское искусство, привезенное талантливым антрепренером, не было подлинным открытием для европейской публики.

В 1908 году, уже после возвращения в Россию, Мария Клавдиевна организовала выставку в Лондоне, в Роял Альберт-Холле. В анонсе значилось, что «княгиня Мария Тенишева устроит специальный показ своих декоративных изделий, вызвавших недавно в Париже сенсацию». Затем были не менее успешные выставки в Праге и снова в Париже, после которых, подводя своеобразный итог подвижнической деятельности княгини, Николай Рерих напишет: «Из истории русского искусства Талашкино не выкинуть. Особенно теперь, когда оно так нашумело в Париже».

Резные пасхальные яйца. Автор – А.П. Зиновьев. Талашкинские мастерские.
1903–1905 годы

врубелевских «Рыбок» сегодня можно увидеть в Теремке.

1907 год – знаковая дата в жизни княгини. После революционных беспорядков 1905 года, находясь в вынужденной эмиграции в Париже, она знакомит западную публику с русским народным декоративным искусством из собственного собрания. Выставка, устроенная в залах Лувра – в отделе прикладного искусства павильона Марсан, – имела ошеломляющий успех.

После безоговорочного признания русского традиционного искусства в том же году, как писала княгиня, «я надумала показать Парижу талашкинские произведения и познакомить его с кустарными работами наших крестьянок. Я выписала все оставшиеся у меня на руках после закрытия «Родника» и мастерских вышивки и дере-

вянные изделия, наняла залу на «рю Комартен» (Общество современных художников) и устроила выставку, носящую национальный характер». Она вспоминает, что «успех выставки имела с первого дня, вещи понравились, заинтересовали и художников, и профанов <...> Вся пресса единодушно заговорила о нашей выставке

В ГОСТЯХ У СКАЗКИ

Историко-архитектурный комплекс неслучайно носит название «Теремок». Сказочный расписной деревянный терем в два этажа на кирпичном основании, построенный в 1901 году по эскизам Сергея Малютина, привлекает внимание издалека. «Деревянные затейно-резные ворота указывают путь к навесному крыльцу. <...> Черепичная крыша красивыми шатрами высоко подымается над узорными наличниками окон, расписанными во многие цвета; словно фантастические ожерелья пестрят на темных бревнах разноцветные орнаменты: карнизы, барельефы, завитки чудовищных цветов, странные лебеди с распущенными хвостами, лубочные «солнца», волнистые нити всевозможных кружков, полосок, звезд, квадратов. <...> В них чувствуется особая, «берендеевская» красота», – писал о Теремке художественный критик Сергей Маковский.

Осенью 2023 года после кропотливой двухлетней реставрации Теремок гостеприимно распахнул свои двери. Во времена княгини Тенишевой здесь располагались учительская и ученическая читальни, стояло пианино. Сегодня же представлена фотолетопись Талашкина и Флёнова и их владельцев. На втором этаже – сохранившиеся вышитые, резные, керамические изделия в русском стиле, созданные в талашкинских мастерских. В том числе и балалайки, расписанные Михаилом Врубелем. Мебельный резной гарнитур по эскизам Сергея Малютина, принадлежавший его семье. Керамическое панно «Каменный век. Север. Олени», выполненный другом и единомышленником княгини в деле «русского возрождения» Николаем Рерихом. Завораживающий многоцветностью эмалей и сложностью композиции дверной портал «Георгий Победоносец, поражающий копьём змия», созданный Марией Клавдиевной, которая получила признание и в России, и в Европе как выдающийся эмальер.

Живописная территория историко-архитектурного комплекса утопает в яркой зелени и цветах

В центре одной из комнат Теремка стоит деревянное резное кресло с искусно вышитой спинкой и... романтическим флёром. По известным на сегодня данным, таких кресел в мире всего два. Второе находится в Париже в коллекции Ренэ Юлиановича Герра – хранителя тенишевского французского архива. Как рассказала Тамара Викторовна, «эскиз для вышивки был выполнен Марией Клавдиевной, а вышивала дочь местных крестьян Евлампия Самусева. Именно из-за нее талантливый ученик талашкинской школы Саша Мишонов, не доучившись, самовольно покинул Академию Жюлиана в Париже, куда на собственные

средства его отправила Тенишева. Дело в том, что он получил письмо от любимой Лампочки, которую в его отсутствие хотели выдать замуж за незнамо кого. История закончилась благополучно. В Смоленске до сих пор живет их внучка». Некоторые посетители Теремка угадывают в вышитых на кресле женских образах черты Тенишевой и Святополк-Четвертинской.

В Историко-архитектурный комплекс «Теремок» хочется приезжать снова и снова: восхититься природой этого места, его историей и архитектурными памятниками, помянуть добрым словом тех, кто сто лет назад приложил свои силы и матери-

Церковь Святого Духа по проекту С.В. Малютина, И.Ф. Барщевского, М.К. Тенишевой. Княгиня писала: «Хотелось дело любви – школу увенчать неугасимой лампадой – церковью, хотелось, чтобы десница Господня с вершины этой горы из века в век благословляла создание любви – народную школу...»

альные средства для возрождения русского стиля и подъема национального самосознания. Это было непросто. Находились те, кто не понимал, критиковал и даже противился усилиям Тенишевой и ее круга, называл это «фантазерством, честолюбием, капризами избалованной женщины». А она недоумевала: «что же случилось с <...> так называемыми образованными сословиями?» И сама же отвечала: «Случилось то, что они дали нам ряд поколений, лишенных патриотизма, и презрительно и недоброжелательно относящихся ко всему русскому. Русское общество веками понемногу теряло свое достоинство, стало стыдиться самого себя, и в наши дни у большинства окончательно исчезло сознание русской национальной идеи». Вторил Тенишевой и близкий ей по духу Николай Рерих: «Почему? Почему наша старая Русь стала далекой для нас, рос-

сиян, для русского общества нашего, почему не художники, а чиновники и купцы, не ведающие, что есть национальное искусство, диктуют моду?..» Однако Мария Клавдиевна Тенишева никогда не опускала руки в деле служения России: «С ней я связана неразрывно <...> я счастлива и горда, что имен-

Сказочный домик «Теремок», созданный по проекту Сергея Малютина, подлинный шедевр русского малого деревянного зодчества

Портрет М.К. Тенишевой работы художника Я.Ф. Ционглинского. 1896 год

но на мою долю выпало познакомиться Запад с нашей стариной, с нашим искусством, показать, что у нас было трогательное и прекрасное прошлое». Впечатлившись увиденным, английский художественный критик и историк Эймер Валленс в начале XX века писал, что «Россия настолько богата своим национальным искусством, что ей нечего идти искать художественных орнаментальных мотивов где-либо у иностранцев. Скорее, мы должны многое заимствовать у русских кустарей...». Сегодня в России часто говорят о поисках национальной идентичности. В декоративно-прикладной сфере история талашкинского художественного центра наглядный пример того, как, используя народные мотивы, можно создать что-то новое, модное, востребованное и у нас в стране, и за границей. И при этом сохранить свое национальное лицо. **П**

СУВОРОВСКАЯ КАША

АВТОР

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

ФОТО

АНДРЕЯ СЕМАШКО

КАША ИЗ СЕЛА БОЛЬШОЙ ВЬЯС – РИСОВАЯ С ТЫКВОЙ. ИЗ СТЕПАНОВКИ – ПШЕННАЯ НА МОЛОКЕ И С ИЗЮМОМ. НАРЯДНЫЕ ЖЕНЩИНЫ ИЗ СЫТИНСКОГО СЕЛЬСОВЕТА ПРЕДЛАГАЮТ ГРЕЧНЕВУЮ КАШУ С ГРИБАМИ. ЖИТЕЛИ СЕЛА ЗАСУРСКОЕ УГОЩАЮТ ВКУСНЕЙШЕЙ ПЕРЛОВКОЙ С МЯСОМ.

ДА, ТОЙ САМОЙ ПЕРЛОВКОЙ, которую в армии солдаты обычно называли «шрапнелью» – ее часто недovarивали. Но эта во рту буквально тает, да и мяса в каше достаточно.

На столах, выставленных вокруг зеленого луга, разнообразных каш столько, что голова идет кругом. Она пытит в чугунах, казанах, кастрюлях, котелках и глиняных горшках, заботливо укутанных одеялами, полотенцами и шубами. Никаких сил не хватит все продегустировать. Кажется, больше ни одной ложки съесть уже не смогу, но ведь надо же еще кашу из полбы попробовать!

Все эти каши приготовлены в Лунинском районе Пензенской области, в состав которого входят в том числе девять сельских поселений и рабочий поселок. А всего в районе – 56 населенных пунктов. И от каждого – по каше! «Милости просим каши отве-дать!» – снова тянут меня за рукав. И в такой ситуации оказываются практически все гости военно-патриотического фести-валя «Суворовская каша», на котором можно попробовать и научиться готовить наваристые каши. Проходит фестиваль в селе Суворово Лунинского рай-она – на огромном зеленом лугу вблизи храма во имя Владимир-ской иконы Божией Матери, воз-

веденном на средства великого русского полководца Александра Васильевича Суворова.

«По легенде, во время знаменитого перехода Русской армии через Альпы запасы провианта подошли к концу, – рассказывает заведующая отделом культуры администрации Лунинского района Светлана Царева. – Круп осталось слишком мало, на всех еды не хватило бы. Тогда Суворов приказал сварить кашу из всех оставшихся круп, да еще прибавить к ней запасы, имеющиеся у солдат. Так и появилась суворовская каша».

А фестиваль каш в селе Суворово проводят потому, что когда-то здесь располагалось имение Суворовых, которое в XVIII веке приобрел дед Александра Васильевича.

НОЧНЫЕ КАШЕВАРЫ

...Первых суворовских кашеваров мы встретили в тот момент, когда ехали по Суворову. Из двери, распахнувшейся в зеленом железном заборе, вышли люди и понесли укутанный в одеяло солидный чугунок. Стало ясно, что в этом доме варили кашу и теперь идут с ней на праздник к храму.

То, что в окрестных селах всю ночь варили каши, подтвердил и настоятель храма Святых Бессребренников Космы и Дамиана из села Большой Вяс отец Геннадий. Он приехал в Суворово ранним утром и теперь ждет прибытия других священников благочиния – тех, кому дела позволяют приехать на литию, которую проведет благочинный Лунинского округа иерей Павел Курганов. Отец Геннадий стоит у полуразрушенного Владимирского храма, опоясанного красно-белой лентой. Под своды войти нельзя – храм в аварийном состоянии. Многие гости подходили к священнику с вопросом, когда начнется лития, которой открывается фестиваль. Отец Геннадий терпеливо отвечал всем любопытствующим. А таковых было немало.

«В Суворове живут человек тридцать, не так уж много. Оживает село, когда люди приезжают на

Ешь как Суворов!

Рецепт суворовской каши несложный, с ним справится даже начинающий кулинар. Понадобится 100 граммов перловки, 100 граммов пшена, 100 граммов колотого гороха, около литра воды, растительное масло, репчатый лук, морковь и соль по вкусу. Сначала нужно замочить не менее чем на 5 часов перловку и горох. Положите их в разные миски и залейте холодной водой так, чтобы уровень воды был выше продуктов на два пальца. Пшено тщательно промойте. Лук очистите и мелко нарежьте. Морковь очистите и натрите на терке. Перловку и горох откиньте на дуршлаг, дайте воде стечь, затем перемешайте с пшеном в миске. В сковороде нагрейте растительное масло. Выложите лук и морковь. Жарьте на слабом огне 3–5 минут. Половину обжаренных овощей переложите в кастрюлю с толстым дном. Сверху выложите крупы и горох. Последним слоем выложите вторую половину овощей. Через шумовку залейте продукты в кастрюле кипящей водой. Посолите, поставьте на средний огонь и доведите кашу до кипения. Как закипит, убавьте огонь до минимального. Прикройте неплотно кастрюлю крышкой и варите 40 минут, время от времени помешивая. По мере необходимости доливайте воду. Готовую кашу накройте крышкой, укутайте и оставьте на горячей плите на полчаса.

фестиваль, – поясняет отец Геннадий. – Сегодня будет лития в память об Александре Васильевиче. Мы слышали, что готовится канонизация великого полководца. Но лучше обо всем этом расскажет благочинный – отец Павел».

Гуляющий над лугом ветер полощет флаги и доносит дразнящие ароматы каш. «Хорошо хоть погода солнечная, – радуется отец Геннадий. – Не как в прошлый раз!» Он нахваливает кашу, которую привезли в Суворово из его прихода в Большом Вясе. «Обязательно ее попробуйте!» – советует священник.

Средств для масштабного проведения праздника у жителей села Суворово не так уж много. Костюмы и реквизит для воссоздания антуража исторической эпохи собирают с мира по нитке. Тут вообще все просто. И пусть не слишком совпадают с исторической эпохой костюмы и антураж, но все сделано искренне и с душой. Как бы ни был невзрачен и условен устроенный силами энтузиастов походный лагерь армии Суворова, в нем явно живет боевой дух. Суворову понравилось бы.

ФАНАТЫ СУВОРОВА

«А мы – единственные участники фестиваля, кто приехал без каши! У нас другие задания!» – смеется учительница начальных классов и руководитель школьного музея в соседнем селе Болотниково Татьяна Игошина. Она рассказывает, что у них в музее есть экспозиция, посвященная Суворову, а в школе действует отряд «Суворовец». Это ученики болотниковской школы стоят сейчас в почетном карауле у памятника русскому полководцу. Школьный музей ведет переписку с московскими и петербургскими музеями, а в сельскую школу часто приезжают выпускники суворовских училищ. Они рассказывают о службе и дарят книги о Суворове. «Иногда я мысленно спрашиваю: «Александр Васильевич, есть ли еще такой уголок земли, где вас чтили бы так, как в нашем пензенском селе?» – признается Татьяна Витальевна.

Церковь во имя Владимирской иконы Божией Матери была заложена великим полководцем

Татьяна Игошина познакомила нас с директором Болотниковской сельской библиотеки Еленой Изюминой, которая изучает биографию Суворова и историю его местного имения. «Мы разработали проект «Лунинская кругосветка», – поясняет Елена Викторовна. – Одна из его экскурсий называется «Дорога Суворова», во время нее детям рассказывают историю села Суворово. И, конечно, говорят с ними о самом Александре Васильевиче. Мы-то думаем, что все его знают! Оказывается, нет».

И Татьяна Витальевна, и Елена Викторовна Суворовым восхищаются. И обе почему-то не согласны с тем неоспоримым фактом, что великий полководец родился в Москве. Местные краеведы пытаются доказать, что Суворов родился на Пензенской земле, а село Суворово (раньше оно носило другие на-

звания: Никольское, Большая Маровка, Шукша, Новая Шукша. В 1901 году было переименовано в честь генералиссимуса А.В. Суворова. – **Прим. авт.)** может считаться родиной Александра Васильевича.

По словам Елены Изюминой, в селе до 1864 года сохранялся дом Суворова. От него к реке Шукше шла аллея, по которой полководец часто прогуливался. В доме была походная кровать, причем без матраца. «Александр Васильевич говорил, что чем больше удобств, тем меньше удачи в победе», – поясняет Елена Викторовна. Кстати, подробности о суворовской кровати она узнала от старожилов села, которые передают местные предания о генералиссимусе из по-

В почетном карауле юные земляки Суворова

Вячеслав
Зеленов
и Александр
Кривов –
постоянные
участники
фестиваля

ПОХОДНЫЙ ЛАГЕРЬ

Фестивальные дни – единственное время в году, когда жизнь в селе бьет ключом. Первый фестиваль в Суворове провели в 2015 году, на нем присутствовали только работники культуры и школьники. На третий неожиданно приехали кубинские студенты. И началось! Каждый год фестиваль чем-нибудь удивлял своих организаторов. Хотя кое-что общее у всех фестивалей все же было: кашами здесь обедались всегда. Виды каш подсчитать трудно. Вот, например, на нынешнем фестивале одна из школ представила аж восемь видов каш! А еще на столах можно найти румяные пироги, аппетитные пирожки, компоты, щи и уху!

На лугу разбит походный лагерь армии Суворова. Елена Изюмина отвечает за конюшню, в которой демонстрирует седла, подковы, уздечки, колокольчики, тележные колеса. Это все, что удалось собрать на старых фермах. В другой палатке устроена помывочная: в старом тазу – куча золы, которой пользовались вместо мыла. В палатке, изображающей лазарет, девушка щиплет корпию для раненых. В прачечной идет стирка солдатского белья. Вот палатка, в которой чинят обувь и заодно дают мастер-класс по использова-

коления в поколение. А вот следующую историю она вычитала в книге Н. Рыбкина «Генералиссимус Суворов. Жизнь его в своих вотчинах и хозяйственная деятельность». Староста Маровки просил у Суворова разрешения отдать в рекруты беглого бездомного бобыля. «Бобыля же отнюдь в рекруты не отдавать, – ответил Суворов. – Не надлежало позволять бродить ему по сторонам. С получением сего в сей же мясоед этого бобыля женить и завести ему миром хозяйство. Буде же замешкаетесь, то я велю его женить на вашей первоста-

тейной девице, а доколе он исправится, ему пособлять миром во всем, завести ему дом, ложку, плошку, скотину и прочее». Детство Елены Изюминой прошло в Суворове, где сейчас осталось всего 27 дворов и немногим более 30 жителей. Впрочем, село всегда было небольшим. Раньше здесь делали соломку для спичек, работали синельные мастерские и была церковно-приходская школа. Елена Викторовна помнит, как с подружками поднималась на колокольню разрушенного храма, чтобы с высоты полюбоваться окрестностями...

нию портянок. Кажется, это вовсе не простое дело. Здесь же рассказывают легенду о том, почему Суворов дал пензякам прозвище «толстопятые». Во время Альпийского похода полководец похвалил солдат из Пензенской губернии за то, что носки, связанные по местной традиции с толстой пяткой, помогли им не стереть ноги в кровь. Кстати, в Пензе, в сквере «Копилка пословиц», энтузиасты установили памятник «Пензяк толстопятый».

Из палатки музыкантов доносится дробь барабанов, играющих сбор. А на входе в лагерь стоит караульная будка с часовым, который смущенно поясняет, что он облачен в красный мундир подпоручика гусарского полка, и уточняет, что наряд этот не имеет отношения ко времени Суворова. «У нас все-таки не реконструкция! Что есть под руками, то и используем», – говорит Александр Кривов. На плече у него мушкет. На поясе – сумка для пуль, пороха и огнива. На голове – кивер, но не гусарский, а артиллерийский. Будку сторожевую он сам сколотил. И барабан сам сделал. «Обмундирование моя супруга сшила, она в библиотеке работает в Степановке, а кивер соорудили по картинке из интернета девочки из нашего клуба в селе», – выдает он тайны происхождения костюма. Зато ружье со штыком, которое он сам выточил из дерева, внешне полностью соответствует суворовским временам. Кривова окружает целая толпа детишек: во-первых, он позволяет трогать ружье, во-вторых, разрешает бить в барабан...

Александр Кривов – участник всех фестивалей «Суворовская каша». Считает, что с каждым годом народу на нем прибавляется. С Александром согласен и его сосед в треуголке и камзоле – работник Дома культуры села Большой Вьяс Вячеслав Зеленов. «Сегодня набирается тысяча человек!» – радуется он.

Повар Анна Ларькова на своем боевом посту

ВСЕМ КАШИ!

Лития закончилась. Время пробовать каши. Мы с Вячеславом пробираемся сквозь толпу, ему, как служивому, быстрее уступают место у столов с кашами. Подходим к столу, накрытому жителями села Танеевка. Здесь каша, уха, щи, картошка, квас, соленые огурцы и помидоры. «Вам какую кашу, Александр Васильевич?!» – кричат Зеленову женщины. – Пшеничную? Гречневую?» Вячеслав объясняет, что из-за костюма его здесь в шутку часто называют Суворовым. «Мне грязную кашу!» – отвечает

женщинам Зеленов. Так он именует гречневую кашу. Сняв толстое одеяло с чугунка, женщины «отгружают» полный черпак каши с мясом, от которой валит пар: «Угощайтесь!» «Руки есть, я не стеснительный!» – бормочет Зеленов и приступает к еде. Котлы разных размеров. Чугуны. Фляги. Кастрюли. Половники и черпаки так и мелькают вокруг – гости тоже не стесняются и с удовольствием уплетают угощение. Иные просят положить в одну миску сразу несколько каш. Горячей кашей наслаждаются. Утирают

Ешь кашу – станешь суворовцем!

Маркитантки стирали вещи, готовили и лечили солдат...

губы рукавами. «Не всё ж пирожные только есть!» – шутит довольный Зеленев. Но спокойно пообедать ему не дают. «Ты стрелял?!» – вдруг спрашивают его несколько мальчишек и дергают за деревянное ружье. Оно самодельное, как он мог стрелять! «А кто тогда стрелял?» – не отстают ребята. Зеленев терпеливо объясняет, что щелчки, похожие на выстрелы, это звук молота, которым чеканят монеты в походной кузнице. Она рядом с караульной будкой. «Не знаю почему, но ко мне всегда чаще пристают с вопросами, нежели к остальным, – смеется он, – не дают спокойно каши отведать!» Взяв стакан киселя из смородины, он уходит на свой пост.

Скоро опустеет и этот большой котел с пшенной кашей

В ПАМЯТЬ О СУВОРОВЕ

Местный краевед Александр Васильевич Тюстин установил, что первым пензенским землевладельцем из рода Суворовых был дед полководца – писарь лейб-гвардии Преображенского и Семеновского полков Иван Григорьевич Суворов (около 1670–1715), который был награжден поместьем в селе Шукша в Шукшинском стане Пензенского уезда. После его смерти вотчина была унаследована его сыном, Василием Ивановичем Суворовым (1705–1775) – крестником Петра I. Когда юноше исполнилось 15 лет, царь взял его к себе денщиком. При Екатерине I Василий Суворов получил чин генерал-майора. В 1722 году село отошло по наследству вдове Ивана Григорьевича Суворова Марфе, от нее – к сыну, Василию Ивановичу.

А уж затем пензенское имение перешло к их сыну – Александру Васильевичу Суворову. В числе пяти сел, входивших в имение, была и Маровка (ныне – Суворово). Полководец не раз бывал в Маровке, где в 1791 году заложил церковь во имя Владимирской иконы Божией Матери, которая была освящена в 1793-м. Тюстин обнаружил документы, свидетельствующие, что церковь построена «тщанием» Суворова. Говорят, Суворов, обладавший мощным голосом и хорошо знавший литургию, не раз сам вел в ней службу.

В последний раз полководец посетил пензенскую вотчину незадолго до смерти. В 1901 году село переименовали в честь Суворова, а в 1903-м поставили памятник генералиссимусу. В 1920 году, во время Гражданской войны, бюст снесли, остался только гранитный постамент. Пензенский краевед Александр Вениаминович Храбровицкий восстановил памятник, сумев добиться разрешения от местного управления искусств. Бюст создал скульптор Константин Луцкий. Для торжественной церемонии открытия памятника 7 ноября 1942-го Храбровицкий выпросил из пензенского музея знамя ополчения времен войны 1812 года и мундир времен Суворова. В карауле у памятника стояли суворовский солдат и красноармеец. Сегодня у этого памятника в почетном карауле стоят ученики болотниковской школы.

Благочинный Лунинского округа иерей Павел Курганов, которого я нахожу среди казаков, приехавших показать свое мастерство фланкировки, во время литии объявил, что в апреле 2024 года было создано «Суворовское православное братство». Одна из его целей – сбор средств на восстановление Владимирского храма и замену бюста полководца: хотят восстановить тот, который был поставлен в 1903 году. Очень похожий бюст отец

Перетягивание каната – это ловкость и умение твердо держаться на ногах

Павел обнаружил в одном из петербургских музеев. «Копия ли он первоначального – трудно сказать, – делится он. – Есть интересный момент: когда ставили этот бюст, прежний еще не был утерян и находился где-то на складе. Может быть, еще удастся его отыскать. А фестиваль «Суворовская каша» – это инициатива священника Алексея Бурцева, который служил в моем благочинии, в селе Иваньирс. Сейчас он в Москве, активный участник Александр-Евгеньевского движения, готовит прославление Александра Васильевича».

КОТЕЛ, ВЕСЛО И РОДНИКОВАЯ ВОДА

«А каша пересолена!» «Нет, недосолена!» «Ой! Сережка в кашу упала!» «Вот наелись, на неделю вперед!» «Мне одну ложку только!» «Горох!!! Кому горох?» Чего только не услышишь на фестивале! И вдруг: «Каша почти не осталось!» «Да уже все выскребли, даже на дне и стенках котла каши нет!» Запасы каши подходят к концу, чему явно поспособствовали казаки Пензенского отделения Федерации рубки шашкой, расположившиеся у пруда, рядом с полевой кухней... Сначала повариха Анна Ларькова отказалась поделиться рецептом,

Кашевары фестиваля со своим главным оружием

Лития в память
о полководце
А.В. Суворове

строго заявив, что приготовление каши – военный секрет. Но потом все-таки рассказала, что варится каша на чистой родниковой воде, которую привезли с источника из села Иванырс. Котел топится березовыми и осиновыми дровами. Мешают кашу большим липовым веслом. А раскладывают по тарелкам металлическим черпаком на деревянной ручке. Сегодня сварено 125 литров гречневой каши, залитой маслом и заправленной поджаркой из моркови и лука, которую накануне вечером шинковали шесть человек. Гречневую крупу всю ночь промывала сама Анна. Заправляется каша тушенкой. По подсчетам повара, 125 литров хватает на 400 порций. Анна Ларькова тоже поражена тем, что сегодня каша закончилась на удивление быстро: она едва успевала черпаком тарелки заполнять. К тому же многие приходят за суворовской кашей с

Чтобы
перерубить
пучки лозы
шашкой, надо
съесть не одну
ложку каши!

контейнерами и термосами, чтобы привезти ее домой как гостинец. «А может, казаки много каши съели? Их вон сколько приехало! – улыбается повара. – А как они красиво на скаку рубили лозу шашками? Залюбуешься!» «Суворов бы это оценил! Казаки ведь участвовали в его походах!» – соглашается Светлана Царева. Она прижимает к груди толстый фолиант «Жизнь и сражения Александра Суворова», подаренный гостем фестиваля из Пензы Иваном Николаевым. Таких подарков – книг о великом русском полководце, которые ей вручают на каждой «Суворовской каше» – в районной библиотеке накопилась уже целая полка. Туда же Светлана отнесет и этот фолиант. И можно ли сомневаться в том, что книги об Александре Васильевиче Суворове пользуются большим спросом у читателей Лунинского района? 📖

ОТ ОХОТНОГО ДО СТРАСТНОГО

АВТОР
ПАВЕЛ ВАСИЛЬЕВ

ФОТО
АЛЕКСАНДРА БУРОГО

В 1994 ГОДУ ПУШКИНСКУЮ УЛИЦУ ПЕРЕИМЕНОВАЛИ В БОЛЬШУЮ ДМИТРОВКУ. ВЕРНУЛИ ИСТОРИЧЕСКОЕ НАЗВАНИЕ, КАК ТОГДА ГОВОРИЛИ. И ЭТО ДАЛЕКО НЕ ВСЕМ МОСКВИЧАМ ПОНРАВИЛОСЬ. НАПРИМЕР, В НАШЕЙ СЕМЬЕ ПЕРЕИМЕНОВАНИЯ СОВСЕМ НЕ ОДОБРИЛИ.

НАМ КАЗАЛОСЬ, ЧТО улица, получившая в 1937 году, к 100-летию поэта, его имя, переименования не заслуживает. А нам говорили, что и связи-то с Пушкиным улица не имеет, ну подумаешь, проиграл где-то здесь Александр Сергеевич в карты известному столичному игроку Огонь-Догановскому большую сумму денег и выплачивал потом этот долг всю оставшуюся жизнь, да так и не выплатил... Вот и всё! Как же так – «не имеет»? Какое там «вот и всё», возражали мы! А как же знаменитые московские балы в зале Благородного собрания, воспетые в «Евгении Онегине»?

Эти проникновенные строки о юной провинциалке Татьяне Лариной...

*Ее привозят и в Собрание.
Там теснота, волнение, жар,
Музыки грохот, свеч блистанье,
Мельканье, вихорь быстрых пар,
Красавиц легкие уборы,
Людьми пестреющие хоры,
Невест обширный полукруг,
Всё чувства поражает вдруг.*

*Здесь кажут франты записные
Свое нахальство, свой жилет
И невнимательный лорнет.
Сюда гусары отпускные
Спешат явиться, прогреметь,
Блеснуть, пленить и улететь.
А эти священные строки разве
не из этих мест родом?
У ночи много звезд прелестных,
Красавиц много на Москве...*

А эти? Шум, хохот, беготня, поклоны, Галоп, мазурка, вальс... Меж тем, Между двух теток у колонны, Не замечая никем, Татьяна смотрит и не видит... Ну как можно смотреть на нынешний Дом союзов, бывшее Дворянское собрание, и не вспомнить, не увидеть Пушкина? Невозможно!

Нет, мы совсем не одобрили этого переименования. И это даже притом, что неподалеку от Дмитрова моя бабушка работала сельской учительницей, что в Дмитрове мы бывали нередко, что Савеловская железная дорога была нашей родной дорогой.

Было как-то обидно за Пушкина! Взяли да и лишили по-

эта улицы, ни у кого не спросясь. Нехорошо. Связи они там не видят...

Да если на то пошло, на этой улице жил некоторое время Федор Толстой-Американец, которого Александр Сергеевич выбрал для деликатных свадебных уговоров семейства Гончаровых...

Даже родной дядя Анны Керн проживал тут. А кому посвящено незабвенное «Я помню чудное мгновенье...», спрашивается?

Нет, нет и еще раз нет. Мы как ходили, так и продолжаем ходить по Пушкинской улице. Этот километр от Охотного Ряда до Страстного бульвара для трех поколений нашей семьи – пушкинский.

Колонный зал
Дома союзов,
бывшее
Дворянское
собрание

Исторический
выход из метро
«Театральная»
на Большую
Дмитровку

«Кто не знает Дома Союзов с его великолепным Колонным залом! Здание построено в 1780 году М.Ф. Казаковым для князя В.М. Долгорукова-Крымского, участвовавшего в присоединении Крыма к России. В 1784 году дом заняло Благородное собрание – место развлечений московского дворянства», – пишет видный советский краевед. И продолжает с пафосом и знанием дела: «Здание проектировал великий Казаков... Но не спешите восхищаться: вследствие бездарных перестроек 1896 и 1903 годов его фасад, выходящий на проспект Маркса, ничего общего со старым не имеет. Время зато сохранило главное – величественный

зал с его 28 беломраморными коринфскими колоннами и великолепной люстрой. Этот зал соорудил М.Ф. Казаков на месте внутреннего двора во время перестройки здания в 1784–1790-х годах. Зал был свидетелем многих выдающихся событий. С 1840-х годов в нем часто давали концерты, в которых выступали П.И. Чайковский, Н.А. Римский-Корсаков, С.В. Рахманинов, Ф. Лист, А. Дворжак. На литературных вечерах здесь можно было видеть и слышать И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, А.Н. Островского, И.А. Гончарова». Однажды на этой исторической сцене выступил и ваш покорный слуга. Правда, не совсем удачно. Вот как это было. В возрасте 10 лет мне удалось попасть в некую городскую школьную концертную группу. Кто-то из нас что-то пел, кто-то на чем-то играл, кто-то что-то танцевал, а я лично читал стихи. Видимо, это у меня получалось неплохо. Нас собирали на репетиции и выступления в различных местах – в клубах, на предприятиях, школах, дворцах пионеров, домах культуры. И вот – выступление в Доме союзов! Прямо

Большая Дмитровка начинается с небольшого подъема

В Театре оперетты нынче в моде мюзиклы на классические темы

напротив Кремля! Под Новый год! Говорили, что будет телевидение... По телевизору покажут. На улице было морозно. Под белую концертную рубашку мама поддела мне тельняшечку – стираную, теплую, с черно-белыми полосами... Чтобы я не замерз, не простудился в дороге... Вот эту тельняшку и обнаружила на мне домсоюзная тетка-

распорядительница за пять минут до моего выступления. – Куда?! Черное будет просвечивать на сцене! Снимай! Сейчас же! Быстрее! Я снимать тельняшку не хотел. Но тетка не утихала. Она набросилась на меня ураганом. Сама растянула пуговицы рубахи, выдрала руки из рукавов, сдернула тельняшку через голову, отбросила ее в сторону, натя-

нула рубаху и вновь застегнула пуговицы.

– Вот так сойдет. Иди. Пора. Что я там читал и как читал, не помню. Помню тоскливое настроение. Не праздничное. Но как-то справился. Не запнулся и не забыл. Помню колонны, шумные аплодисменты, яркий свет в глаза.

Подарок с конфетами мне вручили. Тельняшку сунули в сумку. А вот по телевизору нас не показали. И больше меня на концерты почему-то не звали, хотя стихи я все равно читал хорошо.

С Театром оперетты мне тоже не повезло. Ну никто не предупредил нас, пятиклашек, что в оперетте больше поют, чем говорят. К тому времени я уже не раз бывал в драматических театрах на детских спектаклях и мне нравился театр.

Там, если пели, то по делу и коротко. И все было понятно. А тут... Как запели, так никак не остановятся... Спектакль к тому же был про школьную жизнь. И мы с ребятами быстро распознали, что мальчишек играют девочки. Ну, то есть девушки. Или даже маленькие тети с короткой стрижкой. Ну совсем не наши у них были повадки и походки...

Видимо, я смеялся громче всех, потому что в антракте наша классная пообещала вызвать в школу моих родителей! Хорошенькое дело. Такая оперетка мне была совсем ни к чему!

Когда мы с седьмым «А» классом угодили на оперу, в Театр имени Станиславского и Немировича-Данченко, я уже был готов ко всему... Я знал, что придется терпеть, и терпел, но самостоятельно в оперу и оперетту уже никогда не ходил. Зато везло мне здесь с книжками! Однажды мы с мамой в еще неведомом мне магазине – он в переулочке справа – купили три тома Николая Носова! Зеленые, большие, с картинками. Там было и про Толю Клюквина, и про Мишкину кашу, и про

Второй поворот
направо –
Кузнецкий Мост

Второй поворот
налево –
Камергерский
переулок

Витю Малеева, и про Незнайку. Три большие зеленые книжки! Я обратил внимание, что мы книжку покупаем, а другие посетители с завистью на нас глядят. В чем дело? Мама пояснила, что здесь магазин подписных изданий. И что у нас есть подписной талон. Повезло, на работе раздавали, и нам хватило. А у этих бедолаг никакого талона нет. Вот они и страдают... Трехтомник Носова был зачитан до дыр! Мы сто раз читали его с сестренкой. Потом его читали наши дети. Потом дети наших детей. Конкурировать с Носовым мог только Виктор Драгунский с его рассказами про Дениску. Мне даже приезжать на Пушкинскую улицу нравилось. Необычный выход из метро. Станция «Площадь Свердлова». Эскалатор вверх, а потом такой изогнутый мраморный залчик с памятной записью о нача-

Столешников
переулок связан
с именем
Владимира
Гиляровского

ле движения 11 сентября 1938 года, а после него череда ступенек, одна, вторая и – тут налево, а как выйдешь на улицу, сразу справа туалет имеется! Когда я подросток, окончил школу и поступил в институт, мои книжные походы в эти места стали постоянными. Я сто раз об этом рассказывал, не буду

повторяться. Но об одном все же скажу. Однажды повезло в «Педагогической книге». Удалось прикупить там «Хрестоматию по русской литературе XX века». «Дюоктябрьский период» – было помечено в книжке ниже не очень большими буквами. 600 страниц, представляете? Цена 1 рубль 70 копеек.

Большая
Дмитровка, 22 –
образец
московского
модерна

Столешников
переулок
соединяет
Тверскую
площадь
с Петровкой

Бальмонт, Анненский, Гумилев, Ахматова, Мережковский, Белый, Черный, Крученых, Хлебников, Сологуб, Северянин... Это была книга-открытие, книга-путешествие в неведомый мне мир, к людям, о которых в школе ничего тогда не говорили, а книжек этих авторов было не достать, их почти не издавали.

Эх, и прочел бы я стихи из этой хрестоматии в Колонном зале Дома союзов, и с удовольствием! Память тогда не подводила. Я гулял по Пушкинской уже без родителей, но остались ориентиры, вешки памяти. Вот тут в колбасном стояли с мамой за сосисками, здесь заходили купить к празднику торт и конфеты, сюда заворачивали за чешскими карандашами «Кохинор» и новенькой готовальней, а здесь вот покупали диафильмы. О ужас – уроки черчения! Как хорошо, что в нашем классе девочки были отзвучивые...

А в этот переулок родители часто ходили в театр. А потом и мы ходили. Ходить-то ходили, но вот на Олега Борисова никак билетов было не достать! Зато к популярной пивнушке у Столешникова переулка я был абсолютно равнодушен! Ну не любил с детства подвалы! Как увидишь памятную очередь по ступенечкам в «Яму» – вниз, вниз, вниз, – так и проходишь мимо. К тому же у нас были свои пивнушки – на Смоленской, Остоженке, Таганке, в Старосадском...

Сегодня перекусить на Пушкинской и в соседних переулках – не проблема, а раньше – очередь. И в кафе «Арфа» – очередь. И в кафе, которое так и называется – «Кафе», хвост от двери стоит, и даже в диетическую столовую очередь, и даже по четвергам очередь, хотя всякий знает, что в четверг рыбный день. А уж в «Зеленом огоньке» столько такси у входа припарковано, что заранее ясно – битком!

Был у меня шанс и поработать на Пушкинской... Приглашали

Сквер Майи
Плисецкой

в новую газету – «Вечерний клуб». Амбиции ставили высокие: подвинуть с пьедестала единственную вечернюю газету города – «Вечерняя Москва». Сидела редакция преотлично – в доходном доме прямо напротив особняка Генеральной прокуратуры страны. Этаж четвертый или пятый... Вид из окна хороший, ностальгический – на Институт марксизма-ленинизма. Снимала редакция огромную квартиру, а может, и две сразу. В квартирах этих мне очень понравилось, вольно дышится, потолки высоченные, невиданные... Я дал предварительное согласие, даже подписал какой-то бланк, но после все же передумал и выбрал старую добрую «Московскую правду». А «Вечерний клуб» потом частенько просматривал. Они первыми в российском газетном деле стали ставить фотографии на полполосы... Кстати! Именно в этих прокурорских местечках проживал некогда московский генерал-губернатор Москвы Дмитрий Владимирович Голицын, мать которого, Наталья Петровна, послужила Пушкину прототипом графини в «Пиковой даме». А вы говорите – связи...

В Глинищевском переулке есть оригинальный балкон-переход

Слева – Глинищевский переулок. Здесь Александр Сергеевич Пушкин встречался с польским поэтом Адамом Мицкевичем, которого очень ценил. А справа, чуть выше – переулок Петровский, где в Театре Федора Корша 19 ноября 1887 года была поставлена пьеса Антона Павловича Чехова «Иванов». Первая из

его пьес, поставленная на сцене. Да-да, именно в этом переулке родился Чехов-драматург. В октябре того года Чехов сообщает брату Александру в письме: «Пьесу я написал нечаянно, после одного разговора с Коршем. Лег спать, надумал тему и написал. Потрачено на нее 2 недели или, вернее, 10 дней, так как были в двух неделях дни, когда

Музыкальный театр имени К.С. Станиславского и Вл.И. Немировича-Данченко

я не работал или писал другое. О достоинствах пьесы судить не могу. Вышла она подозрительно коротка. Всем нравится. Корш не нашел в ней ни одной ошибки и греха против сцены, – доказательство, как хороши и чутки мои судьи. Пьесу я писал впервые, ошибки обязательны. Сюжет сложен и не глуп. Каждое действие я оканчиваю, как рассказы: все действие веду мирно и тихо, а в конце даю зрителю по морде». 20 ноября тому же адресу Чехов направляет письмо с характеристикой состоявшейся премьеры.

Вот выдержки из этого письма. «Ну, пьеса проехала... <...> Прежде всего: Корш обещал мне десять репетиций, а дал только 4, из коих репетициями можно назвать только две, ибо остальные две изображали из себя туры, на коих гг. артисты упражнялись в словопрениях и брани. Роль знали только Давыдов и Глама, остальные играли по суфлеру и по внутреннему убеждению». «Первое действие. <...> Киселевский, на которого я возлагал большие надежды, не сказал правильно ни одной фразы. Буквально: ни одной». «2 действие. <...> Ролей не знают, пу-

На Большой
Дмитровке –
одностороннее
движение.
На север!

тают, говорят вздор. Каждое слово режет меня ножом по спине. Но – о муза! – и это действие имело успех». «3 действие. Играют недурно. Успех громадный. Меня вызывают 3 раза, причем во время вызовов Давыдов трясет мне руку, а Глама, на манер Манилова, другую мою руку прижимает к сердцу. Торжество таланта и добродетели». «Действие 4. <...> Выходят шаферы, они пьяны, а потому, видишь ли, надо клоуничают и выкидывать коленцы. Балаган и кабак, приводящие меня в ужас. За сим выход Киселевского: душу захватывающее, поэтическое место, но мой Киселевский роли не знает, пьян как сапожник...». «В общем утомление и чувство досады...». «Театралы говорят, что никогда они не видели в театре такого брожения, такого всеобщего аплодисменто-шиканья, и никогда в другое время им не приходилось слышать столько споров, какие видели и слышали они на моей пьесе. А у Корша не было случая, чтобы автора вызывали после 2-го действия». Чехову 27 лет, его письма в этот период жизни – калейдоскоп остроумия, озорства, свободы и раскованности. Они стоят того, чтобы их читать и перечитывать! Однако в письмах об «Иванове» он и предположить пока не может, сколько еще хлопот принесет автору его пьеса. Он будет без конца улучшать ее, выкидывать одни монологи, вписывать другие, спорить о ней с друзьями, литераторами, актерами... Он издаст ее только тогда, когда пьеса с успехом пройдет в Петербурге. Но окончательно Чехов так и не полюбит своего многострадального «Иванова» и запретит Константину Сергеевичу Станиславскому не только ставить ее, но и заговаривать об этом.

И вот на этой, театральной ноте я покидаю бывшую Пушкинскую улицу, обхожу Страстную бульвар, чтобы пройти по тоже бывшей улице Чехова, в общем направлении на город Дмитров, что в семидесяти километрах к северу от Москвы. ❶

Петровский
переулок
знаменит
бывшим
Театром Корша
и Военно-
историческим
обществом

СОБАКА-УЛЫБАКА

АВТОР

ЕКАТЕРИНА ЖИРИЦКАЯ

ФОТО

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

ЕСЛИ БЫ ПРО СОБАКУ МОЖНО БЫЛО СКАЗАТЬ «ДУША КОМПАНИИ», ПРАВО ТАК НАЗЫВАТЬСЯ ТОЧНО ЗАСЛУЖИЛ БЫ КОРГИ. ОН ПОХОЖ НА ЛИСА ИЗ «МАЛЕНЬКОГО ПРИНЦА», ТОЛЬКО НЕ ЗАДУМЧИВОГО, А ЖИЗНЕРАДОСТНОГО И ВЕСЕЛОГО. УШИ – ЛОПУХАМИ НАД ХИТРОЙ МОРДОЧКОЙ, КАРИЙ ГЛАЗ – ОЗОРНОЙ. УПИТАННЫЙ РЫЖИЙ «БАТОНЧИК» НА КОРОТКИХ КРЕПКИХ ЛАПКАХ, ПОДПРЫГИВАЯ, МЧИТСЯ ВАМ НАВСТРЕЧУ. А ПОДБЕЖАВ, РАСПЛЫВАЕТСЯ В ТАКОЙ ИСКРЕННЕЙ УЛЫБКЕ, ЧТО НЕВОЗМОЖНО НЕ УЛЫБНУТЬСЯ ЕМУ В ОТВЕТ.

КАК ГОВОРЯТ КИНОЛОГИ, корги – «большая собака в маленьком теле». Эти родственники овчарок отважны, сообразительны и могут помочь человеку там, где оказываются бессильны их более внушительные сородичи. Например, в канистерапии – лечении людей с помощью специально обученных собак. На такой, растянувшийся на полдня сеанс мы отправляемся в подмосковный конноспортивный клуб «Белая дача». Корги Маруся и ее друзья ждут нас. ...«Маруся, Родину любишь?» – «Гав!» – «Маруся – хорошая девочка?» – «Гав!» Мы наблюдаем

за тем, как Маруся общается со своим хозяином Леонидом Киселевым. Леонид – офицер запаса, в прошлом – руководитель спасательного центра, а сейчас – глава подразделения безопасности одной из подмосковных госструктур. Через пару недель он повезет гуманитарную помощь в зону СВО. Вместе с ним поедут Маруся и еще несколько самых подготовленных собак из корги-отряда. Разумеется, со своими хозяевами. Группа также заедет в один из детских домов Донбасса, где будет заниматься тем же, чем и в Москве, – общаться с детьми с особенностями развития.

«МАРУСЯ – СИЛЬНЫЙ СТИМУЛ ЖИТЬ»

Корги-отряд, который называется «Волонтерское движение «Маруся и друзья», Леонид Киселев придумал и создал в 2020 году. Как он говорит, из-за желания «сплотить людей и собак, чтобы вместе творить добрые дела». Родилось движение в Щелкове, где Леонид руководил Центром гражданской защиты. «В нашей стране не так много знают о замечательной профессии спасателей, и мы привлекли Марусю, чтобы вместе с ней рассказать миру о хороших делах этих людей», – рассказывает Леонид о первых шагах Маруси на «общественной» службе. Но началось все гораздо раньше.

Всю жизнь Леонид и его сестра мечтали иметь собаку. Поэтому когда он получил свою первую зарплату лейтенанта, то отправился на Птичий рынок и купил щенка колли – рыжего и лохматого. Сестра вырастила из малышки чемпионку породы, которая прожила в их семье много лет.

А первая собственная собака в жизни Леонида появилась в 1991 году. Это был доберман. Тогда Леонид жил в коммуналке: три человека теснились на

но. У друзей-ветеринаров он увидел маленького, похожего на лисенка щенка. «Он был необыкновенный. И я понял, что у меня должна быть именно такая собака», – говорит Леонид. Общительная, веселая, полная сил. «Видите, какой у Маруси длинный язык? – задает он неожиданный вопрос. – Язык у корги – показатель физической выносливости. Маруся размером меньше многих других собак, но от природы очень сильная».

А еще Маруся оказалась бестрашной. «Она идет напролом, – продолжает разговор Майя, жена Леонида, – из-за этого мы за нее очень переживаем». Вот, например, идут они с Марусей на прогулке мимо кавказской овчарки. Майя ее боится, Маруся – нет. А ведь есть собаки, которые могут серьезно покалечить такую беспечную кроху, как корги. «Мы не можем себе позволить потерять Марусю по недосмотру. Это – домашнее животное, и человек несет за него ответственность», – объясняет Майя.

Маруся, как и большинство корги, отличный компаньон. Она проехала с Киселевыми 64 тысячи километров по Европе, сейчас ездит с ними по России. «Мы ее никогда никому не оставляем, – рассказывает Майя. – Она с нами плавает, бегаёт, ездит, ест. Попадает во всякие истории, приятные и неприятные». И с ужасом вспоминает, как однажды в Хорватии Маруся сгрызла моллюска вместе с панцирем, как они везли ее в клинику и еле успели спасти – к счастью, острые края ракушки не порезали желудок. За Марусей нужен глаз да глаз, скучать с ней не приходится. Каждая прогулка с ней превращается в тренировку. Полтора-два часа вечернего променада – обязательный ритуал. Каждый день, как бы плохо Леонид себя ни чувствовал, маршрут в 7 километров обязателен для обоих. Маруся не подводит: колы ты поисковая собака, будь добра поддерживать форму.

12,5 квадратных метра. Стоило ли в такую тесноту брать еще и мощную собаку? Но для опытного «собачника», каким стал к тому времени Леонид, вопрос так не стоял. Ему отдали подброшенного щенка. Киселев оценил его достоинства и вырастил из этой собаки чемпиона России.

Потом у него было много других собак. Он уже не представлял без них свою жизнь, тем более последние четырнадцать лет, которые превратились в непрерывающуюся борьбу с опасным недугом. Киселев перенес тяжелую операцию, стал терять зрение и сейчас живет

на лекарствах. Потому и родилась идея помогать детям с особенностями развития: Леонид знает, каково это – не сдаваться болезни.

«Сейчас я живу только ради своей жены Майи, Маруси и корги-отряда, – признается Леонид. – Очень тяжело не давать болезни сломить себя, но Маруся и отряд – сильный стимул».

В ОТВЕТЕ ЗА ТЕХ, КОГО ПРИРУЧИЛ

Маруся появилась в семье Леонида восемь лет назад. Она – вторая корги в жизни Киселева. Его интерес к пастушьей породе возник почти случай-

Корги умны, сообразительны и тонко чувствуют настроение людей

Встреча с веселой и эмоциональной собакой способна превратить обычный день в праздник

СОРАТНИК, НАПАРНИК, КОМАНДИР

«Когда я наблюдаю за тем, как Леонид общается с Марусей, у меня порой закрадывается сомнение: кто из нас с собакой в доме главный? – шутит Майя. – У Леонида с Марусей свои отношения. Вот, к примеру, она сидит у меня на руках, Леонид ходит по квартире, и Маруся не спускает с него глаз. Видно, что она прямо сейчас решает: ей уже пора вскакивать и мчаться за хозяином или еще подождать?»

Маруся хорошо плавает. И Леонид хорошо плавает. Когда хозяин заплывает далеко, Маруся плывет за ним и охраняет его. Майя зовет ее обратно. Собака нехотя возвращается на берег, сидит, ждет хозяина и успокаивается, только когда он выходит из воды. А еще Маруся не любит разговор на повышенных тонах, раскрывает Майя «коржикины» секреты. Если они с Леонидом начнут разговаривать слишком громко, Маруся тут же прибегает, встает между ними и начинает лаять: «Не ссорьтесь!»

Все это Леонид и Майя рассказывают нам на залитой солнцем лужайке конноспортивного клуба. Вокруг счастливые дети восторженно глядят корги, таких же счастливых от избытка внимания. А Маруся внимательно слушает наш разговор. В это время в конюшню ведут под уздцы лошадь, сегодня у «особенных» ребят был еще и праздник в группе иппотерапии. Лошадь не в конюшне – в хозяйстве непорядок, и Маруся заливается громким лаем. «Если отпустить Марусю, она тут же загонит животное в вольер. Она натренирована как настоящая пастушья собака. Корги – профессиональные пастухи, но не у каждой этот инстинкт выражен так сильно, как у Маруси», – объясняет беспокойство своей любимицы Леонид. К тому же он развивал эти качества с самого детства Маруси. Своего «коржика» Киселевы специально возили на Кавказ и учили там собирать разбредшуюся отару. В результате, как-то увидев в Карловых Варах, где

Доброжелательность и небольшой рост корги делают их идеальным компаньоном для детей

Киселевы мирно сидели в уличном кафе, несколько лошадей-тяжеловозов, Маруся рванула к ним. Она исполнила свои обязанности: лошадей надо пасти, для чего необходимо собрать их вместе. Что она к восторгу публики и сделала, слегка прикусывая их за ноги, чтобы они не отбивались от табуна. А затем уселась рядом – караулить, пока не придет хозяин.

По характеру Маруся – лидер. «Когда мы с Марусей выходим во двор, там гуляет множество знакомых собак. И всех их Маруся с детства воспитывала, – рассказывает Майя. – Если собака отойдет от хозяина, Маруся тут же

приведет ее к спокойно разговаривающим хозяевам. Теперь все правильно стоят – рядом. И не дай бог, пока люди разговаривают, хотя бы одна собака попробует отойти от хозяина – Маруся тут же возвращает ее обратно». А как удалось собрать собак и их хозяев в корги-отряд? Владельцы собак одной породы общаются между собой, объясняет Майя. Так и они с Леонидом: завели щенка, познакомились с другими владельцами корги, присоединились к их чатам и социальным группам. Это удобно: можно вместе погулять, обсудить трудности воспитания собаки, ездить друг к другу в гости.

Собака помогает преодолеть страх перед миром

Они даже познакомились с модельером, который шьет наряды для корги, и заказали первый новгородный костюм Маруси.

Так постепенно организовалось содружество волонтеров. Сначала в отряде Маруси было 10 «коржиков», потом 20, сейчас – почти 200! На корги-фест, когда в нынешнем апреле отряд отмечал свое четырехлетие, приехали владельцы корги со всего Подмосковья, и даже из Твери и Тулы. Почти в каждом городе Московской области есть люди, сотрудничающие с отрядом.

Сообщество любителей корги, например, знает, что каждый вторник отряд Маруси проводит акцию памяти домашних питомцев, «ушедших за радугой». Тогда на страничке корги-отряда в соцсетях люди выкладывают фотографии своих любимцев с высунутым язычком – не только корги и вообще не только собак. Такая вот традиция.

А еще волонтеры корги-отряда выезжают на благотворительные акции. Недавно побывали в реабилитационных центрах Королева и Щелкова, где встречались с детьми-инвалидами и пенсионерами-участниками программы «Московское долголетие». Встрече были рады все, в том числе и корги.

БУБЛИК, КЛЁПА, МИРА И ДРУГИЕ

Раз мы добрались до отряда, пора представить не только Марусю, но и ее друзей. Вокруг чудесной Клёпы, облаченной в розовую юбочку, больше похожую на балетную пачку, собралась целая толпа детишек. Каждому хочется познакомиться с нарядной рыжей собачкой. Рядом – полная достоинств

Рыжий вельш-корги-пемброк Бублик и триколорный корги-кардиган Айка

Бублику очень идет тельняшка в оранжевую полоску

Мира, вокруг шеи которой повязана кокетливая оранжевая банда. По всему видно, что Мира – настоящая леди, очень общительная и «разговорчивая». А вот упитанный Бублик в оранжевой тельняшке. Его хозяйка Элла прочитала в соцсетях о Марусе и ее отряде и решила присоединиться к ним вместе с Бубликом.

Бублик обучен многим полезным командам. Например, никогда не брать еду из чужих рук или терпеливо сидеть и ждать, когда вернется хозяйка. «Он знает все основные команды, кроме команды «фас», – улыбается Элла. Она рассказывает, что больше всего им понравилась учебная поездка, во время которой хозяева и корги вместе искали «заблудившуюся» девушку. И в конце концов нашли. И хотя участники знали, что это тренировка и никто на самом деле не потерялся, все это было очень волнительно, объясняет Элла. А самым торжественным был третий день рождения отряда. Тогда корги и их хозяева прошли парадом с флагом отряда, гостям показали несколько фильмов об отряде. Потом были забеги корги. Весело было всем.

Участники корги-отряда с удовольствием участвуют во встречах с «особенными» детьми. От этих встреч меняются и дети,

Корги – пастушьи собаки. Подчиняясь природному инстинкту, Маруся пытается загнать лошадь в конюшню

и собаки, рассказывает Элла. Собаки ведут себя очень аккуратно, их спокойно можно обнимать и гладить. А Бублик к тому же очень любит, когда его водят на поводке. Вот и на этот раз рядом с ним образовалась очередь из желающих погулять с Бубликом и почесать ему брюшко. Характер у корги мягкий, дружелюбный, с ними безопасно оставлять детей, считает Элла. У нее есть полторагодовалая внучка, которая прекрасно ладит с «коржиком», а тот охраняет ее.

БИМ И АЙКА

Анна Кудесова, хозяйка 4-месячного щенка Айки, с отрядом познакомилась совсем недавно. Впервые они встретились 9 Мая, когда Леонид пригласил Аню вместе с отрядом возложить цветы к монументу на Поклонной горе. «Я потеряла свою собаку, когда мне было 16 лет. Сейчас мне 40 лет, и, пока не появилась Айка, я не могла завести ни одну собаку, такая была боль», – говорит Аня – и плачет. Звали его Бим, как и героя знаменитой повести Гавриила Тропольского «Белый Бим Черное ухо». Появился он у Ани в 9 лет. Она с детства мечтала стать ветеринаром, как ее отец, и добилась своего. Будущий ветеринар не мо-

Не всем собакам нравится, когда их чешут и гладят, но корги получают от этого искреннее удовольствие

жет быть равнодушным к попавшему в беду животному, так что, увидев однажды на улице брошенного щенка, она не смогла пройти мимо. Протесты мамы новый жилец благополучно пережил, покоров ее сердце своей сообразительностью. Аня не учила Бима никаким командам, не водила на тренировки к киноло-

гам, но потрепанный жизнью щенок сам все схватывал на лету. «Не знаю, как ему это удавалось, но он знал наши расписания дня, распознавал одежду и очень хорошо понимал, когда, кто, куда собирается», – вспоминает Аня своего первого питомца. Жили они тогда в небольшом поселке в Алтайском крае, где мама девочки работала стоматологом в местной поликлинике. Бим быстро усвоил, когда она заканчивает работу, и взял за привычку встречать женщину. В больнице все знали четвероногого «рыцаря» и, пораженные его преданностью, в холодные и дождливые дни, в нарушение всех правил, впускали его в помещение. Бим деликатно ложился под кушетку в стоматологическом кабинете и ждал. Аня говорит, что Бим провожал ее в школу, в гости к друзьям, в магазин – они всюду ходили вместе. Однажды на Бима напал ротвейлер, и девочка кинулась разнимать собак. Бим был покусан так сильно, что никто не верил, что он выживет. Он забился под кровать и не подпускал к себе никого, кроме Ани, которая обрабатывала его раны. Бим и погиб из-за своей преданности. В тот день, когда в поселок приехали люди, отлавливающие бездомных собак, Бим, как всег-

«ОНА ТАКАЯ МЯГКАЯ!»

Наша встреча проходит на территории конноспортивного клуба «Белая дача». Здесь занимаются 600 детей, 182 из которых имеют инвалидность. Диагнозы у всех разные: ДЦП, аутизм, синдром Дауна, олигофрения. Специально для них на базе открыто отделение реабилитационной верховой езды. «Когда ребенок находится на лошади, ему приходится приспосабливать свое тело под ее движение. Это развивает координацию, заставляет работать переживающие атрофию мышцы, – объясняет директор конноспортивной школы олимпийского резерва Анна Пахомова. – Нам, здоровым людям, трудно в это поверить, но сильные эмоции, которые переживают дети, общаясь с собаками и лошадьми, помогают преодолевать некоторые болезненные состояния. Например, ранний детский аутизм. Чувство, которое испытывает ребенок при встрече с животным, настолько сильно, что оно требует выплеска и переходит в речь, что для этих детей, глубоко погруженных в собственный мир, настоящий прорыв». С каждым ребенком работают сразу несколько человек – коноводы и инструкторы. Сегодня дети выполняли разные задания: например, надо было попасть мячом в корзину или разбить собранную пирамидку. То, что для здорового малыша обычное действие, для «особого» ребенка – требующая больших усилий победа. Ребята получили подарки, а потом пошли общаться с лошадьми и корги. И если лошади для «особенных» детей – регулярные тренировки, то встреча с собаками-улыбаками превратила этот день в праздник.

Хрупкая и угловатая как странный цветок девочка бережно прикасается к золотистой шерсти корги. Собака глядит на нее влюбленными глазами, как привыкла глядеть на несущий ей доброту мир людей. И улы-

да, отправился встречать маму. Аня была в школе, а старенькая бабушка не смогла его удержать. Больше его не видели. «Мы очень долго искали Бима, ездили везде, спрашивали. Я, наверное, еще лет пять его ждала. Даже сейчас мне трудно об этом говорить», – признается Анна.

Бим был похож на корги, только не на рыжего пемброка, а на черного с подпалинами кардигана. Поэтому Анна и захотела взять корги. Как-то она увидела передачу про отряд Маруси. Ее поразило, как много души и времени вкладывают хозяева корги в своих животных и как Леонид дружит с Марусей – точно так же, как она когда-то дружила с Бимом. Анна с интересом наблюдала за волонтерскими акциями и встречами корги-отряда и поняла, что очень хочет собаку. Она написала Леониду, тот дал ей координаты питомников. На Аню посыпались фотографии маленьких корги. Щенки были замечательные, но ни к одному из них не лежала душа. Прошел год. Анна продолжала поиски. Как-то она пожаловалась на безрезультатность своих усилий одной заводчице. А та ответила: «Значит, ваша собака еще не родилась. Когда родится, вы ее сразу узнаете». Так и произошло.

Однажды старшая дочь Анны, листая фотографии одного из питомников, вдруг позвала: «Мама, смотри, щенок, как ты хотела – трехцветный и на Бима похож. Может, возьмем?» Анна сначала засомневалась, а потом узнала, что щенок родился в день ее рождения. Тогда-то она и поняла: эта собака ждет ее. Через две недели дома появилась Айка. «У меня уже есть две дочки, а с Айкой в нашей семье появился третий ребенок», – смеется моя собеседница. И теперь Айке есть на кого равняться. «Я восхищена отрядом Маруси и была счастлива присоединиться и участвовать в их добрых делах», – говорит Анна. Встреча с «особенными» детьми на «Белой даче» стала для четырехмесячной Айки первым испытанием.

Обычно в конноспортивный клуб «особые» дети приходят заниматься, но сегодня здесь – праздник

У отряда Маруси есть своя форма и свои традиции

баются. Они все умеют улыбаться – Маруся, Бублик, Клёпа, Мира, Айка. И хрупкая девочка едва заметно улыбается в ответ корги.

Дочке Виктории Клишковец сейчас 15 лет, в конноспортивном клубе она занимается с 3 лет. У девочки ДЦП и из-за ослабленных мышц сильно искривлен позвоночник. Верховая езда заметно помогает дочери, считает Виктория. Дети с ДЦП всего боятся, и, чтобы залезть на большую лошадь или прикоснуться к собаке, им нужно преодолеть страх. В них происходит огромная внутренняя работа, а ее результат – начало социализации. Общение с животными учит ребят умению выстраивать отношения с другими живыми существами. Учит пониманию: у твоего, пусть и не говорящего, собеседника есть свои чувства и желания.

С собаками проще установить контакт, чем с лошадьми, делится своими наблюдениями Виктория. Лошадь слишком большая, а с собаками детям легче преодолеть страх общения. Тем более с такими, как корги. Для дочки Вики собаки – друзья. Благодаря канистерапии у девочки проснулся интерес к миру: она даже попросила купить энциклопедию про породы собак. «Может быть, дочка потом выберет профессию, связанную с животными», – радуется Вика.

Наталья Цыганова с дочкой Викторией занимаются в группе иппотерапии всего год. Но каждое утро Вика просыпается с мыслью: «Когда наступит четверг?» Ведь именно по четвергам они ездят в конный клуб. В младенчестве Вика переболела энцефалитом, получив приобретенное ДЦП. Сейчас ей 17 и она передвигается на коляске. В клуб Вика ездит с удовольствием. Собаки Вике нравятся. Она уже несколько лет просит маму купить лабрадора. Но Наталья пока не готова: завести собаку – дело ответственное. А вот пообщаться с собаками на встречах,

Так приятно чувствовать под рукой живое, теплое и пушистое – даже если прикосновение дается тебе нелегко

которые устраивает корги-отряд, – то, что надо.

Раньше Вика бывала на сеансах канистерапии с хасками. Но хасок девочка опасается, ей кажется, что собака скалит зубы и может ее укусить. «Более крупные – охотничьи, ездовые – породы обладают своим характером, у них свое представление о дистанции с человеком, – объясняет Наталья Цыганова. – А с милыми маленькими корги такого барьера нет».

Праздник на «Белой даче» подходит к концу. Я прощаюсь со своими новыми знакомыми. И в который раз понимаю, что

невозможно отделаться от впечатления, что забавные лисьи мордочки корги снова улыбаются нам. И пока мы идем к воротам клуба, я почему-то вспоминаю финал рассказа «Пёс» Рэя Брэдбери – такой же теплый и солнечный, как сегодняшний день: «...сильнее всего он рвался в Самую Гущу Событий – туда, где звенели мальчишечьи крики и прыгали тени: с довольной мордой, свесив из пасти влажный язык, он носился как угорелый, и на голове у него скользкой шапочкой всегда белела детская ладонь».

Маруся и Леонид объединили вокруг себя и собак, и людей

Подписывайтесь на журнал **РусскийМир.ru**

Во всех почтовых отделениях России:

через электронный каталог
Почты России (через оператора).
Подписной индекс ПН363

Через интернет-подписку:

электронный каталог «Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

электронный каталог Почты России:
<https://podpiska.pochta.ru/press/ПН363>

электронный каталог
с почтовой и курьерской доставкой
АП «Деловая пресса»
на сайте www.delpress.ru

электронный каталог
интернет-магазина подписных изданий
на сайте www.mymagazines.ru

электронный каталог с почтовой
доставкой АП «Урал-Пресс»
на сайте www.ural-press.ru

Читайте журнал на сайте
<https://rusmir.media>

За рубежом:

электронный каталог агентства
«Соотечественник» на сайте
www.sootechestvennik.agency

электронный каталог
«Экспотрейд»
на сайте www.expotrade.su/ru

Корпоративная подписка (доставка курьером):

электронный каталог
«Пресса по подписке»
от агентства «Книга-Сервис»
на сайте www.akc.ru

ФОНД РУССКИЙ МИР

117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 13, корпус 2
www.russkiymir.ru